М. ДЖОН ГАРРИСОН ДОКАЗЫВАЕТ, ЧТО НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА МОЖЕТ БЫТЬ ВЫСОКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ.

ЧАЙНА МЬЕВИЛЛЬ

М. ДЖОН ГАРРИСОН

НОВА СВИНГ

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Майкл Джон Гаррисон – британский писатель-фантаст, умеющий гармонично соединять фантасмагорические картины, хореографически отточенное действие и глубокий психологизм. Его трилогию, начатую неподражаемым «Светом», продолжает столь же прихотливая и многогранная «Нова Свинг».

Через несколько лет после судьбоносного путешествия Эда Читайца к Тракту Кефаучи Гало стало туристическим маршрутом, а Тракт начал расширяться и изменяться, задевая своими областями Землю и создавая Зоны, где Вселенная решила отдохнуть от законов физики. Оттуда просачиваются загадочные артефакты и организмы, сбегают живые алгоритмы, способные спровоцировать непредсказуемые изменения. Для предотвращения этих бедствий существует Полиция Зоны, противостоящая авантюристам и так называемым «турагентам», которые могут управлять – или думают, что могут, – искаженной физикой, перекошенной географией и психическими атаками Зоны. И однажды загадочный и в лучшем случае лишь наполовину биологический феномен находит лазейку в нормальный мир.

- Майкл Джон Гаррисон
  -
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Майкл Джон Гаррисон
Нова Свинг

Посвящается Ларе, Джулиану и Дэну

Дальше в Зону, ближе к небу.

Борис и Аркадий Стругацкие.
Пикник на обочине

Ностальгия и научная фантастика пугающе близки.

А. А. Джилл (Sunday Times)

Наши жизни больше похожи на осколочные сны, чем на осознанное принятие себя.

Джон Грей. Соломенные псы

M. John Harrison
NOVA SWING
Copyright © 2007 by M. John Harrison
First published by Gollancz, London
All rights reserved

© К. Фальков, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Гаррисон отправился не только к внешним границам пространства и времени, но и раздвинул границы литературной формы. Читатели, взыскующие экстрамногомерной прозы, вполне насладятся орбитой «Новы Свинг». Но и те, кто пожелает традиционной космической оперы, смогут найти свое течение.

Bookmarks Magazine

Шершавая, нуарная атмосфера, элементы космической оперы и впечатляющие моменты взрывного экшена. Это увлекательное и глубокое произведение, чтобы удовлетворить вкус думающего читателя.

Booklist

Гаррисон позволяет атмосфере превалировать над сюжетом, своим изумительно красивым повествованием и незавершенными диалогами обрамляя тоску обитателей Саудади, ищущих странного. Триповый стиль Гаррисона обращен к взыскательному читателю, который ценит работы Чайны Мьевилля и Джеффа Вандермеера.

Publishers Weekly

Чудо… Гаррисон демонстрирует расширение спектра восприятия.

Guardian

1
Бар на Стрэйнт-стрит

Вик Серотонин сидел в баре на Стрэйнт-стрит, совсем рядом с ореолом, окружавшим Зону Явления в Саудади,[1] и вел разговор с толстяком-инопланетником, который представился как Антуан. Они всю ночь напролет бросали кости. Дело шло к рассвету, и коричневый свет, одновременно тусклый и как бы отполированный, сочился внутрь заведения, соперничая с уличными фонарями.

– Я там никогда не бывал, – признался толстяк, имея в виду Зону Явления, – но я думаю, что…

– Если ты щас собрался какую-то лапшу мне на уши вешать, Антуан, – посоветовал ему Серотонин, – даже не начинай, я тя прошу.

У толстяка сделался оскорбленный вид.

– Давай еще пропустим стаканчик, – предложил Вик.

Бар располагался примерно посередине Стрэйнт – узкой замусоренной улицы двухэтажных зданий, две трети которых стояли с выбитыми и заколоченными окнами. Как и все улицы в этом районе Саудади, Стрэйнт изобиловала бродячими котами, особенно на рассвете и закате, когда животные сновали туда-сюда между городом и Зоной. Бар, словно подчеркивая это, назывался «Белая кошка, черный кот». Оцинкованная барная стойка была высоковата. Шеренги бутылок содержали жидкости странных оттенков. Несколько столиков. Длинное окно быстро запотело, но никто, кроме Антуана, не обратил на это внимания. Поутру в баре основательно подванивало чесноком. Иногда также плесенью, отчего казалось, будто какая-то тварь, прокравшись из озаренного ореолом Зоны мрака и сделав несколько безуспешных попыток продышаться воздухом бара, издохла тут же под угловым столиком. Высоко под потолком и вдоль стен плели паутину теневые операторы. Заняться им было особо нечем.

Вик – полностью «Вико», имя это пользовалось популярностью на Сиенца Нуова, где он родился, – проводил в баре большую часть времени. Он тут ел. Он отсюда вел дела. Он пользовался баром как почтовым отделением и встречался здесь с клиентами, но в действительности место это представляло собой «стыковку»: размещено удачно, не слишком далеко от Зоны Явления, но и не так близко, чтобы сказывались неприятные эффекты. Обладало оно и еще одним преимуществом: Вик был на короткой ноге с хозяйкой бара, Лив Хюлой, которая сама здесь

всем заправляла, день и ночь, не полагаясь на менеджеров. Люди считали ее барменшей, но это ее устраивало. Она не жаловалась. Лив Хюла была из тех, кто покрывает себя татуировками, разменяв пятый десяток; невысокая, худощавая, с коротко остриженными седыми волосами, парочкой умных татух на мускулистых предплечьях и постоянно задумчивым выражением лица. В баре играла музыка, подобранная по вкусам хозяйки: от неудачливых битников до крепкого даба, популярного пару лет назад. Вику Серотонину казалось, что подобные вкусы ее старят.

– Эй, – как раз обратилась она к Вику, – оставь толстячину в покое. Каждый имеет право на собственное мнение.

Серотонин уставился на нее.

– Я это даже комментировать не стану.

– Тяжелая ночка, Вик?

– Тебе лучше знать. Ты ее тут провела.

Она плеснула ему рома «Блэк Харт» и принесла заказ толстяка.

– А я бы сказала, что ты тут сам по себе околачивался, Вик, – сказала она, – большую часть времени.

Оба рассмеялись.

Затем она взглянула ему через плечо в открытую дверь бара и добавила:

– Смотри-ка, у тебя клиентка наклевывается.

* * *

Там стояла женщина – чуть высоковатая для популярных в то время высоких каблуков. Руки – длинные, тонкие, а выглядит одновременно сердитой и умиротворенной, как частенько случалось с туристками. Было в ней что-то деликатное, одновременно элегантное и отталкивающее. Выбирать одежду она, вероятно, долго училась, а может, так и не сумела полностью развить в себе этот талант. С первого взгляда становилось ясно, что у нее проблемы. Тем утром в баре на ней были черная блузка, узкий жакетик, складчатая юбка до колен и длинная, медового цвета шубка. Она нерешительно переминалась в дверях, подсвеченная сзади холодным сиянием Стрэйнт-стрит, а неласковый утренний свет падал через окно, выхватывая половину ее лица, и первые сказанные ею здесь слова были:

– Извините, я…

На звук ее голоса отцепились от паутины и устремились вниз по всем углам зала теневые операторы, закружились вокруг ее головы, будто призраки, летучие мыши, конфетти, завитки дыма,

придавая прическе сходство со старомодной, как на медальонах. Они-то узнали привилегированную персону, стоило ей явиться.

– О, моя дорогая, – шептали они, – какие у тебя прекрасные руки!

– Можем ли мы что-нибудь…

– …для тебя сделать, дорогая?

– Какие прекрасные, какие прекрасные руки!

Лив Хюла выглядела ошеломленной.

– Они со мной ни разу так не говорили! – призналась она женщине в медовой шубке. Собственная жизнь тут же показалась ей предметом тяжелых завоеваний, откуда ни возьмись накатили видения тех моментов, когда случалось сорваться в штопор или предаться печали.

– Вы же к Вику пришли, не так ли? – спросила она. – Вон он, там сидит.

Она всегда указывала клиентам, где Вик. После этого умывала руки. На сей раз Вик с интересом ожидал развития событий. Работы у него не хватало, год выдался неудачный, хотя по скопищу кораблей в туристическом порту так и не скажешь. Вик считал себя умным и целеустремленным человеком; женщины, напротив, полагали его конфликтным слабаком – вернее, красавчиком, который, жеманничая таким образом, неудачно пробует уподобиться девушке. Он уже несколько недель жаловался Толстяку Антуану и Лив Хюле, что выглядит куда моложе своего возраста. Он встал, сунув руки в карманы, и женщина кинулась к нему так, словно иной дороги в баре ей не оставалось. По мере приближения уверенность ее таяла. Как и большинство клиенток, она не понимала, с чего начать.

– Я хочу, чтобы вы меня туда отвели, – выпалила она наконец.

Вик приложил палец к губам. Он бы предпочел не так откровенничать.

– Не так громко, – попросил он.

– Ой, простите.

– Нет проблем, – ответил он, пожав плечами.

– Мы тут все друзья, – добавила Лив Хюла.

Вик зыркнул на Лив, но потом усмехнулся.

Вошедшая тоже усмехнулась.

– В Зону Явления, – уточнила она без особой необходимости. Лицо ее показалось Вику гладким, но напряженным – от подспудных желаний, которых он до конца не понимал. Говоря с ним, она глядела в сторону. Это тоже следует принять во внимание и обдумать. Но он предложил ей присесть за его столик, и они минут пять негромко общались. Ничего нет легче,

пояснял он, чем удовлетворить ее просьбу. Однако следует взвешивать риски, поскольку то, что творится в Зоне, – источник серьезной опасности. Он выставил бы себя дураком, не подчеркни это. Он бы выказал безответственное отношение к клиентам. Деньги сменили владельца. Спустя некоторое время они поднялись и вышли из бара.

– Еще одну соску подцепил, – констатировала Лив Хюла достаточно громко, чтобы Вик задержался на пороге.

* * *

Антуан утверждал, что он навигатор, бывший напарник Эда Читайца. Он целыми днями сидел, опершись локтями о барную стойку и уныло глядя в окно. За окном, в небесах над линией крыш противоположной стороны Стрэйнт-стрит, взлетали и садились К-рабли. Большинство посетителей бара считали, что никакой Антуан не пилот, но озвучивать это, прерывая его болтовню, как правило, не требовалось. О себе он больше ничего не рассказывал, если не считать:

– Никому нет дела до толстяка по имени Антуан.

– И ты совершенно прав, – отвечала ему Лив Хюла.

С уходом Вика в баре воцарилась тишина. Теневые операторы успокоились и убрались восвояси в затянутые пыльной паутиной уголки. Антуан уставился в столешницу, затем перевел взор на Лив Хюлу напротив. Было похоже, что они оба не против обсудить Вика с его клиенткой, но не знают, как оформить это желание в слова. Толстяк обиделся на Лив Хюлу за то, что хозяйка стала его защищать перед Виком Серотонином. Резким движением отодвинув табуретку, он поднялся, и ножки жалобно скрипнули о деревянный пол. Он подошел к окну, вытер со стекла влагу тыльной стороной ладони.

– Все еще темно, – заметил он.

Лив Хюле пришлось признать, что это так.

– Эй! – воскликнул он. – А вон Джо Леони.

На другой стороне улицы, напротив «Белой кошки, черного кота», стояли перекосившиеся развалюхи, словно утратив уверенность в собственной структуре; там промышляли дешевые портняжки, специализируясь на косметике или одноразовых культиварах. Их даже портными неловко было называть. Работа слишком дешевая для такого. Понахватались того-сего от франшиз Дяди Зипа и «Нуэвы Кат»; ишачили и на теневиков, как Джо Леони. В данный момент Джо волок себя вниз по Стрэйнт, цепляясь за стены и ограды. Энергия в нем накатывала и

плескалась. Он то и дело спотыкался и падал, но, полежав минутку, вставал. Было впечатление, что он занят какой-то трудной работой. Опираясь о забор одной рукой, в другой он что-то прятал. По мере приближения к бару вид у Джо делался все более озадаченный.

Антуан сложил пухлые кулаки рупором у рта и произнес голосом спортивного комментатора на «Радио Ретро»:

– …И-и-и-и преуспеет ли он в этой попытке?!

– Антуан, ты только нас предупреди, когда решишь пополнить ряды человеческой расы, – сказала Лив Хюла. Толстяк пожал плечами и отвернулся.

– Так нечестно, – посетовал он обычным своим голосом. – Он еще ни разу не облажался.

Джо продолжал тащиться по Стрэйнт. Он приближался, и видно было, что портняжки поработали с его лицом, придав тому грубое сходство с мордой льва. Морда получилась белая, двигалась как-то неправильно, и по ней текли ручьи пота. Ее словно из скульптурного камня высекли, а грива волос ниспадала по скулам и возвышалась над широким лбом. В конце концов Джо повалился недвижим рядом с одной из лавок, но спустя пару минут из лавки появились двое верзил, почти такого же крупного телосложения, и стали тащить его внутрь.

Джо стал участвовать в боях, когда ему было семь.

– Никогда не бей другого, – терпеливо наставлял его отец, – потому что другой – такой же человек, как ты.

Джо к этим советам не прислушался, хотя все согласились бы, что в семилетнем возрасте интеллект его достигал наивысших значений. Ему нравилось драться. К двенадцати годам он научился зарабатывать этим на более или менее сносное существование. Он подписал контракт с теневиками. С тех пор он обитал в одноразовых культиварах. Ему нравились бивни, умные татуировки и кружевные трусы-боксерки. Своего тела у Джо не было. Культивары обходились ему так дорого, что надежды выкупить собственное тело обратно не оставалось никакой. Ежедневно он выходил на арену и занимался тем же самым, что и вчера. Его много раз избивали в котлету.

– Я сбился со счета, сколько раз мне кишки выпускали. Эй, как тебе это, чувак? Кишки потерять – чухня. Вот проиграть бой – уже хуже.

И, рассмеявшись, он покупал слушателю очередной коктейль.

Ежедневно избитого в котлету культивара утаскивали с арены, а на следующий день Джо Леони посещал портняжку на Стрэйнт и выходил из лавки свеженьким, новеньким и алчущим боя. Жизнь у него была нелегкая, но ему нравилось. Лив Хюла не

брала с него денег за выпивку. Все знали, что она к нему неравнодушна.

* * *

– Эти бои – идиотская и жестокая забава, – сказала она толстяку.

Он был слишком умен и отрицать не стал. Спустя миг, поискав, к чему бы еще придраться, сменил тему:

– Ты в жизни хоть чем-нибудь занималась, прежде чем открыть бар?

Лив Хюла улыбнулась замогильной улыбкой, и это заставило толстяка призадуматься.

– Кое-чем занималась, – сказала она.

– И как же так вышло, что я ни разу об этом не слышал?

– Если хочешь, я тебе покажу, Антуан.

Она ожидала его ответа, но внимание толстяка снова отвлекли какие-то события на Стрэйнт. Он опять протер окно. Прижался к нему лицом.

– Ирэн сегодня чуток запаздывает, – сказал он.

Лив Хюла вдруг завозилась за барной стойкой.

– Правда?

– На пару минут, – уточнил он.

– Можно подумать, для Ирэн пара минут многое значит.

Бои – идиотское занятие, считала Лив Хюла. Дурацкий способ зарабатывать на жизнь. Пока Джо Леони не встретился с Ирэн, все его амбиции сводились к тупорылому самовосхвалению, а потом стали еще хуже. Ирэн была Моной с впечатляющим послужным списком в некорпоративном космопорту. Из тех, кого величают малышками, ростом пять футов три дюйма, на прозрачных полиуретановых каблуках, сексапильная, с шелковистыми светлыми волосами. Как и в любой продукции Дяди Зипа, чувствовалось в ней нечто органическое, вполне реальное. Она наблюдала за боями Джо Леони и, унюхав его кровь, запала. Каждое утро, стоило ему вернуться к портняжке, Ирэн его там ждала. Вдвоем они воплощали наивысшие достижения секс-индустрии и индустрии боев без правил. Трудно было сказать, кто какую индустрию воплощает. Они обрели друг в друге новую форму развлечения.

Ирэн постучала в дверь лавки.

– Как ты думаешь, – проговорил Толстяк Антуан, – сколько они ее там продержат, прежде чем устанут от ее воплей и запустят?

Лив Хюла отыскала на цинковой пластине барной стойки пятно в форме географической карты и с преувеличенным интересом стала его разглядывать.

– А почему ты меня спрашиваешь? – отозвалась она.

– Она к нему неравнодушна, – продолжил Антуан, перехватывая инициативу. – Это уж точно. Никто не станет спорить. Господи… – это уже про себя, – ну и сиськи!

Он попытался представить себе Джо Леони, мертвого, раскатанного в жижу: как Ирэн касается его губ губами Моны, а кости и органы тем временем регенерируют. Самое забавное, что мнение Ирэн о работе Джо немногим отличалось от мнения Лив Хюлы. Она каждое утро заставляла подручных портняжки выдавать ей рассохшийся деревянный стул и садилась в изголовье бака Джо, рядом с потускневшими от времени словами: *Придержите свои болеутоляющие!* И сидела, не обращая внимания на мигающие розовые светодиоды – они там все равно выполняли чисто декоративную функцию; меж тем протеома бака облекала Джо, будто теплой слюной, запускала автокаталитические каскады в смеси сорока тысяч молекулярных соединений и каждые двадцать минут сливала из емкости отходы, недоступные переработке химическими средствами. Эти сосущие звуки Ирэн бесили.

«Однажды ты не вернешься, – говорила она Леони. – Еще один бой – и ты покойник». Но Джо превратился в алгоритм и действовал где-то далеко, в операторном пространстве. Он выбирал новые бивни из каталога и настраивал гликолитические системы. Он ее не слушал.

«О Джо, ну это же правда, – говорила она ему. – Еще один бой…»

* * *

Лив Хюла иногда наблюдала за ракетами.

Перед рассветом они с толстяком порою стояли у окна вместе и глядели, как пара тупоносых грузовозов бронзового цвета взлетает с корпоративной верфи. Затем из военных шахт на ярко-белой черте фреймодвигателя воспарил К-рабль. Омытого белым светом лица Лив Хюлы коснулось больше тепла, чем она могла ожидать. К тому моменту Тракт Кефаучи в небесах уже побледнел – перекошенная к востоку бледно-зеленая арка ложного рассвета. Вскоре налетит бриз и, пронесшись по узкой трубе Стрэйнт-стрит, раздует пожары, от которых по Зоне Явления стелется тяжелый дым. Это и послужит истинным сигналом к побудке для жителей

города. Лив Хюла и толстяк, который называл себя Антуаном, смотрели, как ножницами режет небеса К-рабль.

– Ты на таких летал, Антуан? – поинтересовалась она.

Моргнув, он отвернулся.

– Не надо так, – выдавил он. – Не надо так издеваться.

Тут вернулся Вик Серотонин – быстрым шагом, поминутно озираясь. Вид у него был такой, словно утречко уже принесло ему дурные вести. Лицо его побелело, по одной щеке тянулась кровоточившая царапина. Казалось, что совсем недавно Вик плюхнулся в маслянистую воду; один рукав его габардиновой куртки на застежке-молнии был оторван от плеча – будто за него кто-то пытался уцепиться при падении, тут же решила Лив Хюла, хотя сама не поняла почему.

– Господи, Вик! – воскликнула она.

– Дай мне че-нить выпить, – потребовал Вик Серотонин.

Проделав полпути по залу до барной стойки, он переменил решение и осел за ближайшим столиком. Тут из него будто и дух вышел вон. Несколько теневых операторов отцепились от потолка и стали его изучать; он глядел сквозь них.

– Вот дерьмо-о-о! – протянул он тихим изумленным голосом. Спустя некоторое время дыхание Вика успокоилось.

Толстяк при виде Вика позабыл свои печали, подтянул стул и принялся Вику что-то рассказывать, да с таким азартом, что туша Антуана, колыхаясь, облекла собой край столика. Говорил он негромко и настойчиво, и слышны были странные слова вроде «entradista»,[2] «тяжелый рентген», «Эд Читаец». Вик посмотрел сквозь него и произнес:

– Заткнись – или я тебя пристрелю где сидишь.

Толстяк уныло оглянулся. Он говаривал, что в этом баре ему ничего не нужно, кроме шанса, и Вик такой шанс предоставить обязан. Он пытался сдержать слезы.

– Прости, – сказал Вик, думая о чем-то другом, а когда Лив Хюла принесла ему напиток со словами: «„Блэк Харт“, Вик, как тебе и нравится», он едва узнал севшую с ним за столик хозяйку.

– Дерьмо-о-о! – повторял он.

– Вик, а где та фифа?

– Не знаю, – ответил он.

– Только не говори, что ты ее там бросил.

– Она сломалась и кинулась бежать. Она где-то в ореоле. Антуан, а ну марш к двери и глянь, есть ли кто на улице.

– Мне нужен один-единственный шанс, – ответил толстяк, – как-нибудь приспособиться…

– Антуан, да етить твою мать!

– Никто этого не понимает, – продолжил Антуан.

Серотонин открыл рот, желая что-то ответить, но потом, казалось, напрочь позабыл про Антуана.

– Я никогда не видел, чтобы так паниковали, – сказал он. Покачал головой. – Ваще непохоже было, что мы там, унутрях. Утречко скверное, но не настолько же скверное, блин! – Он допил ром и отставил бокал. Лив Хюла не взяла его, но перехватила запястье Вика.

– И насколько же скверное? – спросила она. Она не собиралась оставлять его в покое, пока он ей не скажет.

– Там движняк, – признался он. – Я и похуже видал, но обычно – дальше.

– Вик, где она?

Он рассмеялся. Он слишком часто упражнялся в таком смехе.

– Я же тебе говорю, – устало отвечал он, – где-то в ореоле. Мы дальше не пошли. Она пустилась бежать между домами, я только и видел шелковую юбку да эту придурочную шубку, а потом ничего больше. Она еще выкликала там кого-то, когда я на это дело забил и свалил. Лив, принеси мне еще выпить, п'шта я ни хрена не соображаю.

– Ты за ней не пошел, Вик, – проговорила Лив Хюла.

Он уставился на нее.

– Ты остался там, где было безопасно, позвал ее для приличия пару раз, а потом пошел домой.

– Вик бы никогда так не поступил! – запальчиво воскликнул толстяк. – Никто не вправе говорить, что Вик бы так поступил! Эй, Вик! Ну скажи ей, что ты бы никогда так не поступил!

Он вскочил со стула.

– Я пойду на улицу и посмотрю, как там дела, по твоей же просьбе. – И – Лив Хюле: – Плохо ты знаешь Вика Серотонина, если думаешь, что он на такое способен!

Когда толстяк исчез, Лив Хюла вернулась к барной стойке и налила Вику еще рома «Блэк Харт»; Вик меж тем сидел, закрыв лицо руками, как человек, который очень устал от жизни и не видит в ней никакого дальнейшего смысла. Лицо его казалось теперь старше прежнего. Печальное, обвисшее, а в синих глазах – мольба, которой суждено однажды поселиться там навсегда.

– Ты же не знаешь, как там, – ответил он.

– Конечно не знаю, – сказала она. – Лишь Вику Серотонину это ведомо.

– Там улицы перекошены, наехали друг на друга, все меняется каждую минуту. География не фурычит. Там ни одной нормальной архитектурной детали не осталось, блин! Сойдешь со знакомого маршрута – все, считай себя покойником. День и ночь воют бродячие псы. Там все пытается удержаться на плаву.[3]

Она не собиралась отпускать его в таком настроении.

– Ты же профессионал, Вик, – напомнила она ему, – а они – клиенты. Вот еще порция, если хочешь.

Она облокотилась на барную стойку.

– Это ведь ты должен держать себя в руках.

Его это, казалось, удивило. Он одним глотком высосал ром, лицо его снова приобрело естественный цвет, и они поглядели друг на друга слегка дружелюбней. Но он не закончил.

– Эй, Лив, – спустя пару минут проговорил он мягко, – а вот какая разница между тем, кто ты есть, и тем, что ты видишь? Хочешь знать, каково там? Факт тот, что все эти годы пытаешься изменить это место, а потом – догадайся что? – оно начинает проделывать с тобой то же самое.[4]

Он поднялся и пошел к двери.

– Ты чем там, мать твою, занят, Антуан? – позвал он. – Я же сказал – иди глянь. Я сказал – просто глянь.

Толстяк, припустивший было по Стрэйнт, пригибаясь под предрассветным ветром – а еще затем, чтобы заглянуть через щели в заколоченные окна портняжной лавки, не появится ли Ирэн-Мона, – вернулся, улыбаясь и дрожа от холода.

– Вот и Антуан, – сказал Вик Серотонин, – спешит нам рассказать все, что разузнал.

– Оставь Антуана в покое.

– Ты бывал хоть раз там, где все разваливается на части, э, Антуан?

– Я никогда там не бывал, Вик, – поспешно отозвался Антуан. – Я ни разу и не утверждал, что бывал там.

– Оттуда все забрали, и поди уразумей, что явилось ему на смену. Воздух – как недопеченное печенье. Запаха нет, один субстрат. На каждом углу к стене принайтовлен разбитый телефон-автомат. Везде надписи: ГОВОРИТЕ. Но линия молчит. Они звонят, но там никогда никого нет.

Лив Хюла посмотрела на него и пожала плечами. Толстяку она объяснила:

– Вик просто терпеть не может, когда клиентов теряет.

– Да пошла ты! – отозвался Вик Серотонин. – Пошли вы оба знаете куда!..

Он толкнул бокал через стойку и вышел.

* * *

После ухода Вика Серотонина в баре снова воцарилось молчание. Тишина сгущалась, облекая самое себя, так что Лив

Хюла с толстяком погрузились в собственные мысли, хотя и не прочь были поговорить. Прибрежный ветер унялся, зато свет стал разгораться, пока приближение рассвета не оказалось невозможным отрицать. Женщина помыла и насухо вытерла бокал, из которого пил Вик Серотонин, затем аккуратно поставила его на место за барной стойкой. Поднялась по лестнице наверх, где подумала было переодеться, но лишь осталась стоять, глядя в нарастающей панике на смятую постель, одеяло и голые белые стены.

«Надо отсюда убираться, – подумала она. – Надо убираться отсюда немедленно».

Когда она вернулась в бар, то обнаружила Антуана на прежнем месте у окошка; положив ладони на подоконник, толстяк стоял и смотрел, как взлетают из корпоративного порта новые грузовозы. Он полуобернулся было заговорить с ней, но потом, видя, что она не в духе, отвернулся снова.

На другой стороне улицы кто-то распахнул дверь портняжной лавки.

После краткой толкотни наружу вывалилась Ирэн-Мона. Сделав пару неуверенных шагов вперед, она невидящим взглядом, как пьяница, обозревающий плотное уличное движение, обвела Стрэйнт и вдруг осела на поребрике. За ее спиной захлопнулась дверь. Юбка Моны задралась. Антуан прижался лицом к стеклу.

– Эй, эй… – прошептал он.

Ирэн между тем поставила рядом с собой маленький блестящий ярко-красный полиуретановый несессер и стала одной рукой копаться в нем. Она еще сидела там двумя-тремя минутами позже, вытряхивая все свое добро, шмыгая носом и вытирая глаза, когда из Зоны Явления в Саудади безмолвным потоком хлынули чем-то встревоженные коты.

Кто знает, сколько там вообще котов? Но среди них – ни одного тебби, только черные или белые. Когда они вырвались из Зоны, могло показаться, что кто-то привел в движение модель хаотического потока, где, вопреки полной детерминированности условий, невозможно предсказать результат. Вскоре они запрудили Стрэйнт в обоих направлениях, принеся тепло тел и сильный, пыльный, не слишком неприятный запах. Ирэн подорвалась, но кошачья лавина ей уделила не больше внимания, чем уличным фонарям.

Ирэн родилась на планете под названием Аренда Перкинса. Она была тогда высокой и костлявой девчонкой, неуклюжей и длинноногой. Улыбка ее обнажала десны, а волосы она обильно покрывала спиралями медного лака, такими плотными и сложными, что те принимали белый шум, фоновые

радиопередачи Вселенной. Смеялась она заразительно. Когда она погрузилась на ракету и отбыла с планеты, ей исполнилось семнадцать. В чемоданчике с собой у нее было желтое хлопковое платье вроде тех, какие носили в эпоху ар-деко, тампоны и четыре пары туфель на высоких каблуках.

– Я люблю обувь, – принималась она объяснять всякий раз, стоило ей наклюкаться. – Я люблю обувь.

В этот момент из нее можно было выжать лучшее. Она следовала за слушателем две недели, куда бы тот ни направлялся, а потом покидала его и прибивалась к кому-то еще. Она любила жокеев-ракетчиков.

Теперь слезы струились по ее лицу, а саудадийские кошачьи потоки – вокруг нее, пока Лив Хюла с известной брезгливостью не вступила в кошачью реку и не затянула Ирэн обратно в бар, где усадила ту за столик и спросила:

– Ну чем тебе помочь, солнышко?

– На этот раз он совсем умер, – выпалила Ирэн.

– Не могу поверить, – отозвалась Лив Хюла. И тут же подавила нахлынувшие внутри чувства, стараясь отстраниться от этого факта. Но Ирэн продолжала бессвязно повторять снова и снова:

– На этот раз он совсем умер, и всё.

Трудно было это переварить. Ирэн схватила руку Лив Хюлы и прижала к своей щеке.

– Я так думаю, – сказала она, – мужики по большей части абсолютно не приспособлены к жизни.

Лив Хюла на это ответила:

– Я тоже всегда так считала.

Тут Ирэн снова ударилась в слезы и полезла в несессер за зеркальцем.

– Особенно лучшие из них, – всхлипывала она.

Когда через некоторое время явился Антуан и попробовал ее разговорить, она извлекла из своего вида максимум возможного. Толстяк купил ей напиток под цвета ее одежды – розовый и желтый, и сообщил, что пойло это в почете на какой-то захолустной планетенке в пятидесяти световых ниже.

– Я там была, Толстяк Антуан, – ответила она с грустной усмешкой.

Исходная Ирэн, думала она, не умела толком справляться со своими проблемами. Она бы сейчас сидела, раскачиваясь на кровати, слушала дождь и пыталась собрать себя в кучу. С другой стороны, амбиций у той Ирэн было предостаточно. Звезды гало манили ее, как неоновая реклама: *Тут обуви выше крыши.* Когда она покупала пакет Моны, портняжка ей пообещал, что волосы

всегда будут пахнуть шампунем из перечной мяты. Она порылась в каталогах, затребовала эту опцию, и портняжка ее активировал. На улицах Саудади такая особенность прибавляла ей много очков.

– Я там была, – говорила она Антуану, позволяя толстяку наслаждаться ароматом перечной мяты, – и я так рада встретить человека, который там тоже побывал…

Антуана, как и любого мужчину на его месте, это заявление приободрило. Когда Ирэн прикончила свой напиток, Антуан попытался усладить ее историями о местах, которые он посетил в бытность свою пилотом-ракетчиком. Но Ирэн во всех этих местах тоже побывала, – и во множестве других, подумалось Лив Хюле, – так что Толстяк Антуан не нашел ничего лучшего, как заказать ей еще один дешевый коктейль. Лив наблюдала за ними на расстоянии, и ей было абсолютно все равно, чем кончится дело: у нее свои-то мысли выгорели дотла. В конце концов даже Антуан протумкал настроение. Утащив за собой стул, он возвратился к наблюдательному посту у окна. Который час? И как так получилось, что он тут застрял? Он обозрел Стрэйнт.

– Уже день, – заметил он. И добавил ворчливо: – Я этого чувака в натуре уважал, вы знаете?

Тем временем мимо бара ожившей моделью из статической механики струился кошачий поток, не ослабевая и не утончаясь, а потом внезапно выключился, и Стрэйнт снова опустела. В портняжной лавке напротив сливали в канализацию белки, составлявшие некогда тело Джо Леони.

* * *

В гражданском космопорту громоздились выше крыш полускрытые туманом круизные корабли; по узким улицам с высокими домами двигались рикши и татуированные ребята, перевозя туристов из нового кафе «Аль-Актар» в Манитаун, из Церкви на Скале в Рок-Церковь,[5] а вокруг вились вуалями и колыхались обрывками теневые операторы, нашептывая:

– …зрелище, которое пожелает увидеть каждый, дискурс противоположностей…

К восьми часам весь город Саудади наводнили шубки цвета меда или конского каштана, скроенные так, чтобы развеваться на ветру подобно легкой ткани. Что это за деньги? Откуда? Из-за пределов планеты. Корпоративные деньги. При всей жестокости производящей их торговли трудно было отрицать, что одеяния эти красивы, а обладательницы роскошны.

Вскоре после того, как последний кот исчез в городских дебрях, в бар вернулась клиентка Вика.

Вик вернулся грязным, а она – чистой. В ее облике нельзя было заметить никаких перемен, разве что плечи чуть обвисли, а лицо застыло. Она не вынимала рук из карманов шубки. Из одежды ничего не пропало, но голову она держала аккуратнее прежнего, неотрывно глядя вперед, словно у нее болела шея, а может, что-то постоянно маячило на краю поля зрения. Язык тела ее стал неясен. Она осторожно устроилась за столиком у окна, закинула ногу за ногу и тихо попросила принести ей выпить. Посидев немного, сказала:

– Я хотела бы узнать, не может ли тут кто передать тому человеку остаток причитающихся ему денег.

Антуан радостно подался к ней.

– Я могу это сделать, – предложил он.

– Нет, не можешь, – предостерегла его Лив Хюла. Женщине в шубке она сказала: – Вик – дешевка, он тебя там умирать бросил. Ты ему ничего не должна.

– И все же, – настаивала женщина, – я думаю, что он заслужил свои деньги. Вот они. Ну и потом, так же честно будет. – Она продолжала неотрывно глядеть прямо перед собой. – Я, пожалуй, удивлена тем, как неприятно это.

Лив Хюла отдернула руки.

– Почему они сюда приходят? – спросила она Толстяка Антуана, понизив голос. Не успел он ответить, как она продолжила: – Бросают уют и безопасность корпоративного тура и являются сюда, в бар. И всегда за нашим Виком.

– Эй, – сказал толстяк, – ну Вик же хороший парень.

– Вик – клоун, Антуан, как и ты сам.

Антуан поднялся было с таким видом, словно намерен оспорить это обвинение, но лишь передернул плечами. Клиентка Вика улыбнулась ему слабой ободряющей улыбкой, но затем отвела взгляд. На пару мгновений растянулось молчание, затем скрипнул отодвинутый стул, и у столика, где разворачивались эти события, возникла Ирэн-Мона. Ее маленькие полиуретановые туфли зацокали по половицам. Вытерев слезы, она полезла за помадой. Она уже пережила утрату Джо Леони. Куда теперь ей инвестировать свои солидные запасы жизненной энергии? Перед Ирэн, как согласился бы каждый, простиралось будущее, притом превосходное, приятное. У нее были свои планы, и тоже превосходные. Хотя, конечно, память о Джо еще на много лет задержится в ее сердце, потому что так пристало девочке, которой она себя знала.

– Это отличная шуба, я вам говорю, – сказала она, протянув

руку.

На миг женщина словно бы пришла в замешательство. Затем пожала Ирэн руку и ответила:

– Спасибо. И правда отличная.

– Очень красивая, – согласилась Ирэн, – я ею восхищаюсь.

Она отвесила легкий поклон, будто размышляя, не добавить ли что-нибудь, потом внезапно отошла прочь, села и стала возиться со своим бокалом.

– Ты будь с ним помягче, дорогая, – крикнула она из-за своего столика Лив Хюле. – Он ведь всего лишь мужчина.

Трудно было судить, о ком именно она говорит.

– Я думаю, он заслужил свои деньги, – обратилась к ним женщина в шубке. Когда ответа не последовало, она положила деньги на столик перед собой, крупными купюрами. – В любом случае – они здесь для него.

Она поднялась теми же осторожными движениями, привычка к которым успела у нее развиться.

– Если он вернется… – начала она. Достигнув двери, постояла на пороге, в замешательстве глядя вверх по Стрэйнт-стрит в сторону Зоны Явления, безмолвной, угрюмой и подозрительной, уже окутанной дневным дымом химических пожаров. В конце концов улыбнулась двум женщинам в баре, закончила: «В любом случае, спасибо» – и пошла обратно в город. Эхо ее шагов слышалось вроде бы еще очень долго.

– Иисусе! – только и сказала Лив Хюла. – Эй, Антуан, хочешь еще выпить?

Но толстяк тоже ушел. Видимо, ему наконец надоело, как с ним тут обращаются. Он просто старался приспособиться: человек, повидавший столько же, сколько любой другой, но больше, чем некоторые. Он сердился, когда его не хотели слушать. *Да что за хрень собачья!* – подумала она. – *Все валится.*

По крайней мере, он теперь выбрался из бара навстречу утру, направляясь туда, где легче дышится, – к Манитауну и узкой полоске торгового поля чудес к югу от Стрэйнт, мимо космопортов и к морю. Он щурился в отраженном далекой водной гладью свете, словно стараясь там разглядеть нечто не свойственное этим местам, нечто, так или иначе оставшееся при нем. То, чего он, наверное, и не мог бы потерять. Он решил поискать работу. В портах всегда есть работа.[6]

2
Лонг-бар в кафе «Прибой»

Спустя пару вечеров после вышеописанных событий человек, похожий на Альберта Эйнштейна, вошел в другой бар, вдали от деловых кварталов Саудади, там, где ореол, окаймлявший город подобно затененной области на карте, встречался с морем.

В отличие от «стыковки» Лив Хюлы, кафе «Прибой» располагало двумя залами. Сообразно своей протяженности назывались они Лонг-бар и Шорт-бар; последний был отведен для пьянчужек и залетных клиентов. Человек, похожий на Эйнштейна, проследовал прямо в Лонг-бар, заказал себе двойной «Блэк Харт» без льда и удовлетворенно воззрился на дорогой ретро-интерьер: мраморные колонны, дизайнерские ставни, плетеные столики, отполированные до блеска хромированные подставки. Со стен, из начищенных алюминиевых рам, улыбались ему звезды старого кино, а с полок холодильника поблескивали бутылки пива экзотических сортов. Под красной неоновой вывеской «КАФЕ „ПРИБОЙ“» отрабатывали вечернюю программу, дойдя уже до середины, клавишник-аккордеонист и тенор-саксофонист.

Интерьер был кропотливо скопирован с небольшой голограммы «Живая музыка весь вечер, 1989», в свой черед почерпнутой из экспозиции известной антрепренерши Сандры Шэн. Гостя это, казалось, забавляло и удивляло в равной степени, как и публика Лонг-бара, представленная преимущественно беловоротничковыми юношами из корпоративных анклавов вниз по пляжу, Доко-Джин и Кенуорси. Достигнув средних лет, гость приучился хвалить то, что нравится другим, покуда от него не требовали в том активного соучастия. Улыбаясь своим мыслям, он раскурил трубку. Он занимал один и тот же столик уже давно, быть может, около месяца, каждый вечер. Он выдвигал стул, садился, затем, приподнявшись, аккуратно снимал пепельницу с уголка барной стойки и снова садился. Действия его были отмечены дотошностью, какой можно было ожидать в чужой гостиной или в собственном доме, требуй от него супруга постоянного соблюдения установленных ею формальностей. Он глядел на огонек своей трубки. Он заводил разговор с девушкой, годящейся ему во внучки, извлекал бумажник напоказ ей и ее парню в черной сетчатой майке и рабочих сапогах, а из бумажника выуживал предмет, в неверном свете Лонг-бара могущий сойти за визитную карточку, чем оба немало впечатлялись.

Фактически же он выглядел старше своих лет, а жена его была мертва, и чем бы он ни занимал себя, мысли его никогда не покидали этой темы.

Звали его Эшманн, и он был частным детективом.

* * *

В середине первого из проведенных здесь вечеров Эшманн отметил своеобразный разрыв непрерывности существования Лонг-бара. У парочки музыкантов под неоновой вывеской на захламленном подиуме, между Лонг-баром и дверью туалета, открылось второе дыхание. Они взяли длинную руладу, извлекая из ночного воздуха, словно бы траченного эктоплазмой, призрачные звуки бибоп-джаза четырехсотлетней давности, рожденного на другой планете. Композиции перемежались смехом и выкриками публики; запах готовки на миг усилился, как и восприятие бутылок пива «Жираф» в окружении смятых салфеток, следов темно-красной помады на пустых бокалах, плотного аромата духов «Anaïs Anaïs» в воздухе. Столы, ближайшие к музыкантам, пустовали, а в пространстве между столиками и подиумом начали возникать люди. Непохоже было, что это клиенты Лонг-бара. Вид они имели шокированный, роста были высокого, носили дождевики и взирали на окружающее с побелевшими лицами: худые, налысо бритые ребята, похожие на узников концлагеря, женщины с косящими по уголкам глазами – бедняки, оборванцы, тронутые не слишком заметными, но гротескными печатями уродства. Они возникли из туалета, протиснулись между пианино и барной стойкой, а потом, моргая сконфуженно и возбужденно, то ли от музыки, то ли от света, разбрелись в стороны.

Хотя они появились из уборной, Эшманн немедленно понял, что они туда навряд ли вообще заходили. Когда каждая из этих фигур проявлялась в оранжевом свете, могло показаться, что сама музыка вызвала их к жизни. Как если бы там, на задворках кафе «Прибой», где Зона Явления встречалась с морем, музыка джаз-бэнда придавала тьме новые формы, выжимая их из мрака на свет – грубые и кособокие, словно из пригоршни мокрого песка вылепленные. Они обладали достаточной живостью, чтобы, раз сориентировавшись, заказывать напитки в баре и, смеясь и перекрикиваясь, выбираться на освещенную улицу. Человек, похожий на Эйнштейна, задумчиво посмотрел им вслед.

Следующим вечером он привел с собой ассистентку.

– Видишь? – спросил он ее.

– Вижу, – согласилась та. – Ну и что с этим можно поделать?

Она была аккуратной амбициозной девушкой на месячном испытательном сроке, носила полицейскую форму, свободно владела тремя языками гало и перекроила себя для прямого подключения со всеми онёрами. Такая перекройка угадывалась по ее глазам, зачастую несфокусированным, и по дискретным потокам кода, струящимся на тыльной стороне одного плеча, словно умные татуировки. Опыт ее исчерпывался работой в спортивной полиции (слово *спорт*, как напомнил себе Эшманн, здесь служило стандартным эвфемизмом для подпольных боев без правил), а специализировалась она на преступлениях, связанных с нарушениями протоколов мизостатинового блокатора в протеомах имплантов. Она так и не сумела его толком посвятить в тонкости сей дисциплины, да и какой от нее прок в Полиции Зоны? Они стояли рядом с кафе «Прибой» под теплым бризом и смотрели, как во мраке, там, где ореол Явления смыкался с водой, сияют фиолетовые волноломы и призматические экраны любопытных оттенков, и она спросила:

– Как считаете, они из Зоны?

Эшманн полагал, что это самоочевидно. Но чтобы ее подбодрить, лишь заметил вежливо:

– Я и сам об этом думал.

Его не слишком радовала такая возможность. Это, подумал он, ознаменует радикальную перемену. Отправную точку событий, после которых в городе Саудади станут появляться люди, что вышли из Зоны, но перед тем туда не зашли, а достаточно для этого будет одной лишь музыки.

– Кто бы они ни были, – продолжил он, – они нам тут не нужны.

– Я вызову отряд, – сказала ассистентка.

По ее предплечью заструился код. Она врубилась: странные, оттенка прибоя глаза на миг расфокусировались. Губы слегка шевельнулись, хотя она не произнесла ни слова. Эшманн осторожно положил ей руку на плечо.

– Еще рано, – осадил он ее. Голос сыщика прервал связь. Она рассеянно взглянула на него, словно пробудясь от реалистичного сна.

– Я всегда предпочитаю немного понаблюдать, – пояснил он, – а уж потом что-то предпринимать.

Голос его прозвучал извинительно. У Эшманна всегда была высокая текучка ассистентов, поскольку он им то и дело объяснял: «Настоящий детектив начинает расследование в центре лабиринта, а преступления пробиваются к нему через этот лабиринт. Никогда не забывайте, что в сердце лабиринта скрыто

ваше собственное сердце». Другая его любимая присказка озадачивала привыкших искать ответы молодых людей и того пуще: «Неуверенность – все, что у нас есть. Это наше преимущество. Это сокровище нашей эпохи».

Теперь он сидел в Лонг-баре, в излюбленном своем уголке, и размышлял, достаточно ли уже виденного здесь.

Стоило ему решить, что да, достаточно, как изменилось его восприятие этого места и того, что тут могло случиться. Дверь распахнулась, и вошел человек, знакомый Эшманну: Антуан Месснер, которого все звали Толстяком Антуаном. Толстяк Антуан никого не интересовал. За ним тянулся шлейф низкомаржинальных контрабандных полетов в нескольких световых отсюда, в Радиозаливе. Он держался на плаву, выполняя несложные заказы: возил экзотические изотопы, культиваров и местные виды, охваченные эмбарго, или портняжные пакеты для торговли детьми. Свои корыта, динаточные грузовички серий HS-SE или HS-SE2, Антуан оснащал дешевыми навигационными системами, откуда то и дело вытекал нелегальный дочерний код, с помощью которого Толстяк ориентировался в сложных гравитационных аттракторах и мусорниках Залива. Он придерживался правила: два полета максимум, потом корабль на свалку. Рискованной частью плана выступал даже сам код. Если расслабиться не вовремя, код вырвется из математического пространства и посреди ночи пролезет тебе в башку. Если же соблюдать чистоту, этот код позволит тебе все время опережать на шаг ЗВК, но тут еще и пилотские таланты требовались. Как следствие, нагрузка на нервы получалась дикая. Объявившись в Саудади, Антуан постоянно слонялся без дела или, точнее говоря, служил мальчиком на побегушках у Вика Серотонина, потому в обществе его принимали за сбитого летчика.

Он протолкался между столиков и устроился в неловкой позе на одной из хромированных табуреток за стойкой Лонг-бара. Выглядел он неважнецки. Какое-то время провел, выбирая себе напиток. Когда выбрал, бармен поставил перед ним бокал с подчеркнутой осторожностью, и жидкость вскоре разделилась на отчетливые розовый и желтый слои. Соседям по стойке Антуан сообщил, что такой коктейль популярен на Аренде Перкинса. Это заявление никого не убедило. Эшманн дождался, пока он наполовину осушит бокал, и произнес:

– Далекий путь со Стрэйнт-стрит, однако.

Толстяк неуверенно взглянул на него.

– Антуан? Ты меня не узнал? Может, в этом свете ты меня плохо видишь?

– Я знаю, кто ты, – сказал Антуан.

Эшманн улыбнулся.

– В такой час ты обычно у Лив Хюлы зависаешь, жалуешься на жизнь Вику Серотонину.

– Я нашел работу. Временную.

– Отличные новости, Антуан!

Толстяк, похоже, не разделял его энтузиазма.

– Временную работу, – повторил он.

– А как там Вик?

Толстяк Антуан высосал остаток коктейля и поднялся.

– Ты знаешь, – сказал он, – мне здешнее освещение нравится. Я люблю выпивать при тусклом свете. Мне тут музыка не нравится.

Он утер губы и поглядел на джаз-бэнд с выражением, которое каким-то образом передалось Эшманну.

– Я в любом случае уже ухожу, – продолжил он.

– В этом нет необходимости, – настаивал сыщик. – Послушай, ты просто посиди, пока я себе еще закажу. И тебе, если хочешь. – Он подразумевал, что бесцеремонный уход Антуана его обидит. Подтянув свой стул к барной стойке, где расположился Антуан, детектив некоторое время устраивался поудобнее. – Ты не против, если я к тебе подсяду? Мы тут оба не в своей тарелке, почему бы нам не сесть рядом?

Он взял у бармена меню с небольшой голограммой *Живой музыки весь вечер*, оценивающе полистал его и заказал еще рому.

– Ты не против, если я сниму плащ, – поинтересовался он, – и положу его вот здесь?

Он поднял бокал к свету и взглянул сквозь него. У него была привычка улыбаться окружающим, показывая, как он доволен ходом вечера. Пару минут сыщик тарабанил по стойке пальцами в такт музыке, затем добавил:

– Я в этом не разбираюсь, но похоже на старое нью-нуэвское танго.

Толстяк отнесся к этой новости без особого интереса.

– Много чего на него похоже, – согласился он.

Эшманн покивал.

– Я слышал, Вик рискует сильнее, чем ему стоило бы, – ввернул он, словно в продолжение реплики.

– С Виком все в порядке, – ощетинился Антуан.

– Но людей это напрягает.

– С Виком все в порядке. Вик Серотонин, мне кажется, никого не напрягает.

– Но ты пойми, он тут шастает между городом и Зоной вместе со всеми этими. Мы не можем их остановить, они находят все новые лазейки. – Тут Эшманн позволил себе чуть слышно

фыркнуть. – А если б и так, нам ведь тоже интересно, но мы бы сами не сунулись. Однако на следующий день он возникает в клубе «Семирамида». Он кореш Поли де Раада. Тебе не кажется, что подобные связи навлекают на Вика опасность? Ты так не считаешь? – Поразмыслив минутку, он добавил: – Все эти туроператоры – чокнутые, Антуан. Проблема Вика в том, что он тоже скоро с катушек сорвется.

Ему явилась какая-то новая мысль. Коснувшись плеча толстяка, он привлек внимание собеседника.

– Антуан, Вик тебя ничем не обидел?

Антуан передернул плечами.

– Я тебе Вика не сдам, так и знай, – ответил он и удалился.

– Вик сам себя сдаст, – негромко произнес детектив ему вслед. – И не мне. Тому, что там, в Зоне.

Антуан не ответил, но принялся еще энергичнее проталкиваться к двери. В нем сохранялись остатки собственного достоинства, уцелевшие вопреки его настойчивому стремлению выставить себя неудачником в обществе, где каждый в принципе мог стать тем, кем хотел. Никто не понимал, за каким хреном Серотонин его терпит, но, может, именно за этим. Пару минут Эшманн вертел в голове эту мысль. Затем вернулся в облюбованный уголок, где попробовал заново поймать ритм кафе «Прибой», убивая время над очередным бокалом и потягивая из него ром мелкими глотками, чтобы во рту возникал теплый вкус жженого сахара. Он думал о Вике Серотонине и Поли де Рааде; из этих двоих последний ему нравился куда меньше. Он размышлял о торговле туристическими сувенирами, ну или о том ее сегменте, какой входил в сферу его профессиональных интересов.

Пока он так сидел, музыка джаз-бэнда произвела на свет двух-трех тощих парней в белых однобортных пиджаках, при серьгах и шипастых кожаных ремнях. Эшманн пристально наблюдал, как те силятся протиснуться из туалета на липкий призматический свет. Вид у них был, по его впечатлению, удивленный. И незавершенный – они явно не ожидали здесь оказаться. После этого музыка вызвала старуху в шляпке и синем бумажном платье, и какое-то время все четверо нестройно колыхались из стороны в сторону, будто в такт ей. Воспоследовала лакуна, момент искажения и неправильности, все вокруг словно накренилось в распространявшейся от них волне, а потом кафе «Прибой» снова стало самим собой. Новоявленные посетители заказали себе выпивку и, шатаясь, утянулись в ночь.

Эшманн стоял в дверях и смотрел им вслед. Следующей ночью он арестовал кое-кого из них.

Арест прошел незамеченным. Трое женщин и мужчина

прошли две мили от кафе «Прибой» и, не найдя там другого бара, попытались заняться друг с другом любовью. Было похоже, что они плохо представляют, как это делается, но полны желания научиться. Эшманн, которому просигналила форменная лычка, связался с ассистенткой и послал ее туда.

– Отведи их в КПЗ, – велел он. – Я сам не могу.

Он был занят – бродил по окраине некорпоративного порта, расследуя затяжную серию преступлений против женщин, – но упускать такую возможность представлялось неблагоразумным.

– Не допрашивай их, – распорядился он. – В принципе, нет ничего преступного в том, чтобы заняться сексом на задах бара, иначе мы бы все давно в кутузке сидели. Ты просто запихни их туда и отправляйся домой. А, и еще одно.

– Что?

– Убедись, что им никто не навредит.

Ассистентка снова связалась с ним примерно через час. «Задание выполнено», – доложила она. Все равно что беженцев задержать. Незнакомцы оказались странно сговорчивыми, но назвали себя не сразу. От них слегка попахивало. Не похожи на чужаков. И вроде бы не голодны. Чипов у них нет, как и, насколько можно судить по выдаче клеточного анализатора, никаких обычных ДНК-маркеров; таким образом, выяснить, из какой точки гало они прибыли, ей не удалось.

– Кого они тебе напоминают? – спросил Эшманн.

– Идиотов, вот кого, – ответила она.

Когда они в последний раз попались ей на глаза, то именно так и выглядели. Было это, наверное, во втором часу пополуночи. Они всю ночь стояли в центре камеры, озадаченно озираясь, изредка переговаривались друг с другом низкими протяжными голосами; а наутро их не стало.

– У меня нет этому объяснений, – сказала она.

По ее коже бежали данные. Как информационный выпот. Нервничая или гневаясь, она сжимала и разжимала кулак, словно, накачивая плечевые мышцы, могла заодно пришпорить и математичку. Он задумался, входит ли это в курс ее навыков – или просто привычка.

– Вы гляньте на записи с нанокамер! У нас исчерпывающая сводка. Не получается зафиксировать четкий момент их исчезновения. При определенном освещении даже кажется, будто они до сих пор тут, даже сейчас. А сбежав из КПЗ, они, как выясняется, еще какое-то время шлялись по участку. – Она обвиняюще воззрилась на свое плечо. – Ну что могло произойти? Не было ни минуты, чтобы их там не видели. Они будто испарились.

– Объяснений этому у меня нет, – снова заключила она.

Эшманн почесал голову.

– Большие шишки могут себе одного затребовать, – предположил он. – Но у нас сейчас нет нужды им это показывать. – И – стараясь ей помочь: – Никто не мог такого предусмотреть.

Она потребовала обыскать кафе «Прибой».

– Еще рано, – сказал он. – Но день сегодня неплохой. Посетим его всеми возможными средствами.

Она уставилась на него.

– Что?

– Тебе полезно будет попрактиковаться за рулем, – заявил он ей и дал выходной своему шоферу. Двадцатью минутами позже она уже увязалась с ним. Сидя на переднем пассажирском сиденье со скрещенными на груди руками, он удовлетворенно улыбался. Розовый «кадиллак» с откидным верхом скользил по дороге, ведущей от офиса в сторону Корниша, между пальмами Манитауна и белыми дизайнерскими дюплексами Марикашель-Хилл. С утра шел дождь, но потом выглянуло солнце, и последняя влага быстро покидала воздух. Он любил, когда его везли, и гордился своей машиной. Спустя несколько минут он сказал:

– Вот видишь? Тебе уже лучше. Получай удовольствие.

Она искоса глянула на него.

– О нет, – протянул Эшманн, – только не говори, что я тебя расстроил.

– Не могу поверить, что вы так невозмутимо к этому относитесь. Не могу поверить, что вас это не завело.

– Меня завело, – ответил он. – Но я не на тебя злюсь.

Позволив ей это переварить, он решил сменить тему и завел рассказ об убийствах в некорпоративном порту. На месте исходного преступления, несколькими годами ранее, он обнаружил две стихотворные строчки, вытатуированные под мышкой у жертвы: «Ниспошли мне сердце неоновое, Обезоруженное девичьей походкой».

– Это была Мона, прибывшая из места за пять световых отсюда по Пляжу. Обычная девчонка в свежеиспеченной полиуретановой обувке. Татуировка же уникальна, – говорил он, – в том отношении, что неумная. Обычные чернила, нанесенные на кожу каким-то древним методом. Судмедэксперт установил потом, что нанесли татуировку уже после того, как сердце девушки перестало биться, в стиле тату-мастера, ныне мертвого, но популярного за пару лет перед тем.[7]

– Ну как это возможно? – требовательно спрашивала ассистентка.

Эшманн, пытаясь разжечь трубку, выкинул из «кадиллака» еще одну бесполезную спичку.

– Ты оглянись, – посоветовал он ей. – Центр города меньше чем в двух милях от ореола Явления. Как можно быть уверенным в том, что тут творится? Тут возможно все. Что, если преступления тут совершаются без всякой цели; что, если их разбрызгало из Зоны, словно спреем, и никакой особой причины у них нет?

– Неожиданно поэтичная идея, – сказала она. – А как насчет убийств?

Человек, похожий на Эйнштейна, улыбнулся своим мыслям.

– Может, я тебе потом расскажу, когда ты научишься задавать правильные вопросы.

– Думаю, мы приехали.

Лонг-бар в кафе «Прибой» полнился прозрачным воздухом и клиньями солнечного света. Через открытую дверь внутрь задувало песок, официанты кемарили. Какой-то ребенок ползал между плетеными столиками в одной черной маечке с надписью «SURF NOIR».[8] Истолкования надписи, все как одно нелепые, брызнули с майки, словно капли воды, как если бы мертвые метафоры, заточенные внутри метафоры живой, сталкивались и реверберировали, бесконечно и непринужденно-упруго меняя относительные позиции. SURF NOIR, целая новая сфера бытия; «мир», заключенный в паре слов, исчезает за мгновение; пена на волнах отталкивающего мультитекстового моря, где мы все дрейфуем.

– А я вот думаю, – заметил Эшманн, – что это гель после бритья.

Он улыбнулся ребенку. Тот разразился плачем.

– Покажите нам туалеты, – потребовала у барной стойки ассистентка.

Обогнув сцену, они проследовали туда. Пол был в шахматном порядке вымощен черными и белыми плитками линолеума, стены – оклеены красными обоями; там и сям их оживляли репродукции постеров поп-арта Старой Земли. Пахло мочой, но запах этот не был естественным. Умные граффити, как всегда, требовали внимания и манили обещаниями – нарастить, сбросить, оттюнинговать нужное расстройство метаболизма.

– Туалет как туалет, – резюмировал Эшманн, – хотя могли бы эти штуки и не так современно выглядеть. Тут ничего нет.[9]

Она удивленно воззрилась на него.

– Вы ошибаетесь.

– Ну вот, – посетовал он, – это что же, я твой ассистент?

– Я тут что-то чувствую, – наклонила она голову, точно

прислушиваясь. – Нет. Код что-то чувствует. Надо тут оператора оставить.

– Я не работаю с операторами.

– Но…

– Хватит, – настаивал он. – Пошли отсюда.

Она пожала плечами.

– По-моему, эту дверь никогда не закрывают.

Позади бара оказался заброшенный причал. Проржавевшие колонны из кованого железа высотой сорок футов, выстроясь шеренгами, уходили к далекой воде; опоры колонн утопали во влажном песке и камышах. Море отбрасывало солнечные зайчики на прогнившие перила и доски. На неощутимом расстоянии между колонн пролегал край ореола Явления. Четкой границы не существовало. В какой-то момент ты здесь, а в следующий – уже по ту сторону. Без предупреждения: просто проржавевший узел колючей проволоки рассыплется пылью, стоит его коснуться. Кафе «Прибой», как теперь выяснилось, выходило прямо на темно-зеленую переходную зону. Вдалеке лениво плескались волны. Другие звуки были трудноописуемы, но Эшманну мерещилось, что где-то на заднем плане детские голоса декламируют стихи. Воздух был мягок и прохладен. Нагнувшись, он слепил ком из влажного песка и поднес его к лицу.

– О чем вы думаете? – услышал он голос ассистентки.

– О том, как им вообще разрешили застроить это место, – ответил сыщик. – О том, почему тут так мало колючей проволоки. Я бы вообще закрыл их к черту и покончил бы с фарсом. – В конце концов, это на его ответственности. Он уронил слепленный из песка ком, и тот упал к его ногам – беззвучно, легко.

– Как далеко ты готова зайти? – в свой черед спросил он ассистентку.

– В Зону?

– Мне интересно знать.

Они стояли, глядя друг на друга, и в этот миг между ними прокатилась Волна. Эшманн сперва почувствовал резкое падение температуры, а потом увидел, как на мгновение перекосился градусов на десять горизонт за кафе «Прибой»; из воздуха на воду стал медленно падать снег. Быстрый металлический привкус во рту, словно воспоминание о чем-то; затем снег, или что это было, вихрем закружился меж колонн, и Эшманну предстали ряды заброшенных зданий, словно бы уходящие далеко за причал. А потом – помещение, где тоже шел снег, падая на какое-то живое существо, но он не понял на какое; существо попятилось от сыщика, вытянуло голову, приглядываясь внимательнее, и склонило ее набок, словно ребенок, о чем-то допытывающийся у

родителей. Человек ли это? Может, да; может, нет.

Во всяком случае, именно это он воспринял на гребне Волны. Комната с выцветшими обоями, узор из розочек, потолка нет. Существо, похожее на ребенка. Вскорости все это исчезло, и Эшманн неожиданно оказался на мокром песке; он сидел, прислушиваясь невесть к чему, а его ассистентка наклонилась над ним и спрашивала:

– С вами все в порядке? Что вы там видели?

– Снег! – воскликнул он, в отчаянии глядя на нее. Схватил ее за руку, но, вообразив, как данные перетекают с ее предплечья на его кожу, отдернулся. – Ты тоже что-то увидела? Ты это зарегистрировала? Снег на домах? Я…

Но она увидела что-то совсем иное.

– Я оказалась на дне очень узкого, очень жаркого ущелья. Там везде рос мох… – Она стояла перед зданием, где было много устаревших, выведенных из строя генераторных турбин. – Генераторный зал, но очень старый, – продолжала ассистентка, – у реки. Арочные окна по обе стороны уходили во тьму. Какие-то кольцеобразные формы. Остовы, проржавевшие до розового цвета, покрытые налетом вроде глазури на слоеном пирожке. Пометки мелом: шестьсот оборотов в минуту. – Она вздрогнула. – Там везде такие вот пометки мелом, они их там оставили.

Крыши у зала не было, и только в этом их впечатления совпали. Здание, открытое небу.

– Можно было посмотреть сквозь крышу и увидеть известняковые холмики, поросшие плотной растительностью; стены ущелья приближались и отдалялись. Свет под острыми углами падал внутрь, освещая механизмы. Там было очень сыро. Очень влажно…

Эшманн попытался встать.

– Мне плохо. Помоги, а?

Они побрели по пляжу назад, к его автомобилю.

– Хочешь выпить? – предложил он. Рассмеялся дрогнувшим голосом. – Я себя чувствую в безопасности, когда заказываю выпивку.

Она тоже начала было смеяться, но в бар возвращаться им расхотелось.

– Это просто ореол, – сказала она.

Оба минут пять молчали. Потом Эшманн воспользовался подключением ассистентки, чтобы попросить кого-то присмотреться внимательнее к делишкам Вика Серотонина.

– Ну сделайте тогда, что можете, – слышала она его инструкции. – Что? Нет. – Он резко прервал связь.

– Вечно с ними проблемы, – пожаловался Эшманн. – Может,

не надо было так напирать на Толстяка Антуана? Он – связующее звено между этим местом и Виком.

– Его всегда можно обработать снова.

Эшманн не ответил, но посмотрел на кафе «Прибой».

– Я приободрился, – сказал он. – А ты?

Она пожала плечами. Она не была уверена в этом.

– Если тебе лучше, – продолжил он, – возвращаемся в участок. – Он погладил ее по руке. – Бери эту роскошную машину. Видишь, как я великодушен?

– А вы?

Он вылез из «кадиллака».

– А я рому тяпну, – сказал он. – Или даже двойную порцию.

Она повела машину по Корнишу, потом вверх по холму. Движение ей благоприятствовало, пока ассистентка не въехала в центр, где на улицах негде было яблоку упасть от рикш. Оставшись в одиночестве, она малость приуныла. Если бы Эшманн сейчас ее увидел, то охарактеризовал бы это состояние как «ушла в себя». Но что толку с такого описания? Оставаясь в одиночестве, понимала ассистентка, становишься собой. Оставаясь в одиночестве, делаешь только то, на что годишься. Она стала полицейской, аккуратно ведущей машину. Она стала полицейской, чей взгляд скользил по данным на предплечье, а затем снова возвращался к уличному потоку. Она стала полицейской, глядящей в зеркало заднего вида, и, когда мимо проехала потная рикша в костюме из лайкры цвета синий электрик, ассистентка помахала ей. Она оставила машину Эшманна в гараже, поднялась в офис, молча села и постаралась успокоиться. Исхудавшие от недостатка внимания, теневые операторы Эшманна выбрались из углов и приняли обычные свои обличья, засыпав ее шепотками:

– Можем чем-то помочь? Можем ли мы как-нибудь тебе помочь, милая?

Они ее знали. Они ее любили. Она всегда старалась их чем-нибудь занять. Она попросила их подъюстировать жалюзи так, чтобы свет разукрасил ее лицо правильным узором черных и белых полосок. Она позволила им ввести себя в курс дел. Спустя пару мгновений она спросила у операторов:

– Ну почему он такой?

– Все, что нам известно, милая, – ответили теневые операторы, – это что ты не способна к таким самопожертвованиям без страданий.

– О нет, милая, не способна.

– Он святой человек, поверь.

– Записи покажите, а?

* * *

Детектив Эшманн провел послеобеденные часы в кафе «Прибой». Лицо его обрело утраченные краски. Он съел тарелку фалафеля. Он сидел, собственнически глядя, как пятна солнечного света крадутся по полу, меняют форму, выцветают до оттенка яичного желтка, словно кто-то изображал солнце масляными красками, затем тают. Снаружи накатывал прибой, раскрашивая песок своим отраженно-фиолетовым цветом. Появились первые вечерние посетители, стали болтать и смеяться – сперва тихо, затем все более оживленно.

К семи вечера свободных столиков не осталось, ранние пташки успели наклюкаться, а бар был забит народом. В семь тридцать зажглась неоновая вывеска. Затем прибыла парочка музыкантов, пропустила по стаканчику джина, чтобы нервы успокоить, и сыграла пробную композицию. Аккордеонист был лет двадцати по виду, укладывал светлые волосы во встопорщенную прическу и носил клетчатый драповый костюм; губы его двигались быстро и лукаво. Он походил на клоуна и вора. На гения и гика. Что бы он ни играл тем вечером, получалась, как быстро сообразили слушатели, насмешка либо над переусложненностью другой композиции, либо над другим исполнителем, либо над другим жанром. Они остались довольны. Они себя чувствовали его пособниками. Саксофонист – тот, что постарше, с парой глубоких складок у рта, оставленных годами работы, – то и дело прерывался и слушал: было похоже, что игра напарника ему кого-то напоминает и он старается вспомнить первоисточник. Затем, отрешаясь от предположений, закуривал, опускал взгляд на саксофон и присоединялся к нему. Ритмы взлетали и опадали, сплетались и расплетались. Они исполнили «Парковочную орбиту», «Entradista» и «Южный Нью-Венуспорт». Когда зазвучал «Манитаун в лунном свете», сентиментальности прибавилось, но затем парочка вывернула на прежний путь, публика стала аплодировать и свистеть, ибо деконструкция чамамских[10] барабанов и посмертное вскрытие тяжелого бибопа для «Гравитационной волны» принесли поистине феноменальный результат.

На гребне «Волны» из туалета кафе «Прибой» выдавило пятерку мужчин в вечерних костюмах, а следом – пару портовиков с набриолиненными прическами, в ботинках со стальными мысками; прицепом к ним возникла растерянно-пьяного вида блондинка, то и дело сморкаясь себе в гибкое белое плечо.

Эшманн напрягся, подавшись вперед на стуле.

Вид у новичков был какой-то сырой и недооформленный, словно у куколок в коконе. Через полчаса музыка их подсушила. Вскоре они принялись бесцельно бродить вдоль Корниша, что-то напевая, держась за руки, пускаясь вприпрыжку и замирая без видимой причины. Детектив последовал за ними; новоприбывших изумили конусы фонарного света в окружении роев мошкары на Корнише. Их словно бы все на свете изумляло. Они забрели в другой бар, именуемый «Стоп-кран», оттуда переместились на пляж, где блондинка, стряхнув кавалеров, принялась танцевать в сумерках, пока не повалилась со смехом на песок, а новые друзья тем временем, сгрудившись на продуваемом ветрами берегу, стали глядеть в море. Потом вся восьмерка развернулась и грустно побрела вверх по Марикашель в теплой ароматной ночи, пока не оказались пришельцы там, куда, верно, и держали путь изначально, а именно в Кармоди.

Эшманн наводнил квартал наномашинами, которые, мошкарой дрейфуя в неоновом свете, способны были засечь две молекулы человеческого феромона в кубическом километре воздуха, отфильтровать ДНК-маркеры от ароматов пятничной ночи, просветить окружение на всех возможных длинах волн, от ближнего ультрафиолета до дальнего инфракрасного света, выхватывая любой акт случайного контакта телесных жидкостей. Результаты работы контролируемой операторами дорогой машинерии поступали к сыщику одновременными потоками со множества направлений, а он строил по ним композитные изображения и профили. Но даже так он почти сразу потерял шайку в лабиринте баров и трансборделей, на улицах, пропитанных запахами пота, нефтепродуктов и лимонного сорго.

Достигнув центра, чужаки снова сбились в группу. Затем от нее один за другим, в алчном безмолвии, начали откалываться мужчины. Они плохо разбирались в происходящем вокруг, но знали, чего хотят. Жареной пищи, секса, тяжелых наркотиков, умных татуировок, услад баковых ателье и любой музыки, от чамаме до рок-даба. Какое-то мгновение они еще оставались различимы в толпе, глазея на здания, черными и золотистыми сигарами возносившиеся к небу, а в следующий миг свернули в переулок, взобрались по лестнице и уплатили за проход в неприметную охраняемую дверь. Они слились с окрестной жизнью. Они исчезли. Эшманну показалось, что они растаяли прямо на глазах. Аппаратуре тоже.

Блондинка исчезла последней. Ее друзья обладали аппетитом, а она – самосознанием. Ее приводили в замешательство собственные желания. Она стояла в коротком белом коктейльном платье без рукавов на перекрестке

Монтефиоре и Боун, улыбаясь просвету в уличном трафике. Сняв одну туфлю, она почесала подошву. Сняла вторую и взяла их в руку. Посмотрела в одну сторону, в другую, потом обратно, каждый раз выжидательно улыбаясь, словно в расчете увидеть нечто новое. Но ничего не происходило. Улица оставалась пуста, неоновые огни загорались и гасли. Улыбка блондинки померкла. Эшманн на миг отвел глаза, а когда снова посмотрел туда, ее уже не было.

– Вы это зарегистрировали? – спросил он у команды.

Они зарегистрировали. Но потом он поднял голову и, как и ожидал, увидел ее на некотором расстоянии: босоногая блондинка целеустремленно шлепала к следующему бару.

* * *

Блондинка чем-то напомнила Эшманну покойную жену – ожиданием чего-то, им до конца так и не понятого. Он провел в Кармоди еще час, надеясь добиться чего-нибудь от нанокамер. Не получилось; и хотя он запросто мог бы вернуться в кафе «Прибой» за новой группой подозреваемых, мгновенный импульс вынудил его вызвать рикшу и поехать на Суисайд-Пойнт,[11] где жила его жена.

К тому времени уже почти рассвело. На бетонной дорожке между ее домом и пляжем нестройными группками разбрелись в ожидании клиентов дети Пойнта. Кто-то из них поднимал голову, окидывал коротким взглядом проносившуюся мимо рикшу и ее кометный хвост голографического спама, потом отворачивался. У них у всех были маленькие головы и пустые лица. Пока Эшманн стоял у дверей, подняв руку для стука, песок заносил его обувь. Не успев завершить жеста, он четко услышал собственный голос:

– Ты что делаешь?

Незачем стучать. У него ключ. Он мог войти в любое время. Тем не менее, вернувшись, он сел в рикшу и объяснил девушке:

– Моя жена умерла.

– У нас у всех бывают такие проблемы.

– Я и забыл на минутку, – сказал он.

Он смутился. Рикша, высвободясь из сбруи и протерев ноги пертексовым полотенцем, ответила без особой обиды:

– Да ладно. – И представилась: – Меня Энни зовут. Как и всех остальных, надо полагать. В смысле, я понимаю, что вы бы иначе не спросили.

Как и все Энни, пакет модификаций она выбрала экстремальный. Она так перекроила себя, что стала похожа на

лошадку и возвышалась над Эшманном дюймов на восемьдесят, даже стоя на полусогнутых, а ее влажная от пота, медового оттенка лайкра источала странный, но успокаивающий аромат. Café électrique[12] и глюки бортового тестостеронника вынуждали ее неустанно переступать с ноги на ногу в тумане собственного пота.

– Может, вас еще куда-то отвезти? – предложила она. – Ваша жена умерла с концами? Ну тогда я вас еще куда-то отвезу этой ночью, куда пожелаете.

Эшманн изъявил желание вернуться в Кармоди.

Широким жестом обведя берег, он услышал, как из-за дома доносятся медитативные сосущие звуки волн, набегавших на песок.

– Тут днем лучше, – сказал он. – Я сюда просто поразмыслить приезжаю.

– Большинство людей на вашем месте пошли бы к портняжке и заказали себе культиварку, – заметила рикша. – Так можно вернуть своих любимых. – Она снова пристегнулась, развернулась и направилась вверх по склону холма. – Сейчас никто никого не обязан терять. Почему бы вам так не поступить, как все делают?

Эшманн тоже об этом часто думал.

– Она тут жила сама по себе, – сказал он. – Она уединилась. – Он не знал, как объяснять дальше. – Выпивка, смешанные политические пристрастия, старые эмоциональные привязанности. Попытки помочь ее только обескураживали.

Дважды или трижды в неделю она ударялась в беседы об их совместной жизни, о погоде и о виде из окон.

– Видишь, вон там, в заливе, шлюпка? Ты ее тоже видишь? Вон ту, синюю? А что это за шлюпка?

И вслед за тем неизменно приглашала:

– Приходи! Я достану ром «Блэк Харт», твой любимый.

Он всегда отвечал согласием. Но в конце концов растерял смелость для визитов, потому что стоило ему явиться, как бывшая начинала вздыхать и повторять: «Как мы хорошо жили, пока ты с той шлюхой из Кармоди не спутался».

– На Рождество, – рассказывал он рикше, пока девушка пробиралась между похожих на швабры пальм и щербатых пастельных пляжных домиков по обе стороны бульвара Сантори, – я ей покупал ее любимые духи, называются «Пепел роз». – Остальную часть года он пытался держаться от нее подальше. – Я уже был не в том положении, чтобы просить кого-нибудь об уходе за ней, а она ведь сама о себе толком не могла позаботиться. Ну и вот, я не только вину за собой чувствовал, но и нарастающее раздражение.

– «Пепел роз»! – повторила рикша. – Ну и ну!

Ему показалось, что позади слышны голоса, и он обернулся взглянуть в заднее окно. По бетону в пурпурном сиянии задувало песок. Никого, даже детей Пойнта.

– Возвращаемся! – приказал он. И: – Извини.

Рикша пожала плечами.

– Да ладно, – ответила она. – Мне-то какой интерес?

3
Жидкий модерн

После того что случилось с его последней клиенткой, Вик Серотонин много спал. Спал как мертвый, без сновидений. Побывав в Зоне, снов не видишь. А как проснешься, становится еще хреновее, и спать надо, чтобы потом увидеть перспективу, как всегда говорил Вик. Если не спать, заработаешь такую трясучку, что хоть в петлю лезь.

Вик обитал в саутэндском доме без лифта и горячей воды; берлогу эту он получил вместе с благословением на бизнес от уходившего на покой entradista-турагента по фамилии Бонавентура. Квартира была двухкомнатная, с душевой. Он тут никогда не готовил и не ел, хотя на кухне имелась индукционная печка и стоял навязчивый запах старой готовки. Пахло тут также старыми одежками, прежними арендаторами и многолетней пылью; однако дом удовлетворял основному профессиональному требованию Вика – был недалек от ореола Явления. Вик спал на кровати, сидел в кресле и брился перед зеркалом. Как и все остальные жители дома, эти вещи он купил в репродукционной лавочке в конце улицы, когда въехал сюда. Он носил габардиновые куртки на застежке-молнии и расписанные рубашки от Инги Малинк. Он вешал их в шкаф с Земли – розовый шпон по самшитовому дереву, примерно 1932 года, старый и привезенный издалека. Из одного окна открывался неплохой вид на мост, из другого – на сегмент некорпоративного космопорта, поросший сорняками, да ворота на цепи.

Однажды под конец дня он проснулся, посмотрел на себя в зеркало и подумал: «Вик, ну и видок у тебя».

Происшествие его так состарило, что Вику легко было дать лет пятьдесят. Во рту до сих пор держался характерный для Зоны привкус, а перед глазами стояла клиентка, убегавшая от него в странном свете задержавшейся зари. Ее паника и побежка навевали какие-то ассоциации; он уже не мог вспомнить какие, однако больше не злился на нее.

Среди прочего хлама в квартире Вика имелся бакелитовый телефон с проводами в тканевой обмотке и динамиком. В этом году они были в моде, и Вик купил себе самый дешевый. Стоило Вику закончить бриться, как телефон зазвонил: как Вик и ожидал, это оказался брокер Поли де Раад. Звонок был недолог и побудил Вика выдвинуть ящик, откуда он извлек два предмета, замотанных в тряпку. Первый предмет представлял собой

пистолет. Второй описать было сложнее: Вик посидел у окна в меркнущем свете, задумчиво вертя его перед собой. В длину предмет имел дюймов восемнадцать, и, когда тряпка разворачивалась, он словно бы шевелился. Это была иллюзия. Падая под острым углом, свет создавал впечатление, что поверхность объекта вот-вот изогнется в руках. Объект был сделан из кости или металла, а может, из того и другого одновременно, а может, ни из того и ни из другого.

Он понятия не имел, что это такое. Когда Вик его нашел две недели назад, объект этот выглядел животным: единственным в своем роде, доселе невиданным, белым, безволосым зверем крупнее собаки; сперва зверь чухнул прочь от Вика по груде обломков где-то в Зоне, потом развернулся и побежал обратно, словно, передумав, заинтересовался персоной Вика. У него были крупные человеческие глаза. Каким именно образом животное превратилось в объект, ныне лежавший перед ним, тонкостенный, как соты, под определенным углом зрения словно бы титановый, а под другим – будто бы костяной, – Вик не знал. И не хотел знать.

– Да, – сказал он в трубку, – да, я достал. Он тут.

Послушал минутку.

– А с какой бы стати? – спросил он. Потом, сказав: «Ладно», повесил трубку. Завернул хабар обратно в тряпку и вышел из дома.

– Я ж этим не потому занимаюсь, что мне нравится, – пожаловался он вслух по пути вниз, словно Поли де Раад мог его слышать. Де Раад в свое время служил вакуум-коммандо, посредником и мастером на все руки в корпорации «Земные военные контракты», а впоследствии стал директором клуба «Семирамида». Это заведение представляло собой видимую часть обширного холдингового айсберга, куда основательно вкладывались ребятки из ЗВК. Поли держался принципа «подождем и посмотрим», осторожничал и в данном случае решил свести Вика с одним из своих операторов, который-де проверит хабар и купит его, только если товар хороший.

Вик не знал, кого недолюбливает сильнее – Поли или его операторов. Тем не менее он спустился через Манитаун к океану и вскорости очутился в дальнем конце Корниш, на Суисайд-Пойнт. Там он остановился перед зданием из бетонных блоков, – быть может, старым баром или местом дешевой аренды для предсказуемо неудачливых предпринимателей; теперь стены покосились, окна были заколочены, вокруг царило запустение. Между похожими на швабры пальмами поодаль стояли дети Пойнта в костюмах ганпанков, негромко шушукаясь, и рекламные

объявления, приглашавшие откликнуться на легальные вакансии, плавали вокруг их головенок.

Вик вошел и прождал внутри несколько минут, внимательно вслушиваясь. Ему показалось, что прошло куда больше времени. Затем пальмовые деревья зашелестели на холодном ветру, и откуда-то с пляжа, от голубоватых фонарей, полил серебристый дождь. Дети закричали и кинулись плясать под дождем. Через пару минут их и след простыл. Вик, словно ожидавший этого, вытащил пакет и выставил его перед собой, держа в одной руке, в другую же взял пистолет. Он стоял, наблюдая за переменами погоды, пока не услышал мягкий голос, исходивший словно бы изнутри и снаружи одновременно.

– Привет, Вик, – сказал голос.

– Ты заходи, не стой под дождем,[13] – сказал Вик.

– Ну прикольно же, Вик.

– Да ладно. Я не в настроении для разговоров о погоде.

– Я кого-нибудь пошлю, – ответил голос.

Вик пожал плечами, будто существо само попросило его о какой-то услуге, какую Серотонин не захотел оказать.

– Тут что-то нечисто, – предупредил он, – я умываю руки, если что. Прими это к сведению.

Голос рассмеялся.

Когда оператор Поли де Раада появился внутри, он принял облик одного из ребятишек Пойнта, мальчишки лет десяти, в обычном для этой местности кричаще-безвкусном прикиде ганпанка и выцветшем габардиновом плащике чуть ниже колен без ремня, застегнутом на все пуговицы. Мальчик вошел по собственной воле, а потом его так затрясло, что ребенок вынужденно прислонился к стене.

– Что со мной? – озадаченно произнес он в пространство. – Я тебя раньше не видел, чувак.

Он закашлялся, утер губы тыльной стороной запястья и поискал взгляд Серотонина, но тот успел отвернуться. Спустя пару минут Вик услышал вздох. Снаружи замелькал свет. Ребенок перестал сопротивляться и сполз по стене на пол.

– Обернись, Вик, – сказал оператор.

Вик облизал губы.

– Вик, я гарантирую твою безопасность.

Вик развернулся.

– Ты совсем как моя матушка говоришь, – заметил он. Трудно было сказать, почему мать ему сейчас вспомнилась. Он больше не был уверен, какого пола ребенок с Пойнта. Существо стояло тихо, неподвижно. Вику подумалось, что если оно пошевельнется, сделает шаг, пустится бежать, проделает осмысленное движение,

то грацией не уступит танцовщице. Лицо его словно бы увеличилось в размерах. И глаза тоже – они приковывали взгляд. В лице этом просияла утренняя заря бесполой непостижимой личности теневика, источавшей такой оптимизм, что ни один человек не мог на него долго смотреть.

– Вот оно, – сказал Вик. – Я кладу хабар для Поли на пол между нами, ты делаешь все, что посчитаешь нужным, а если мне что-то не понравится, клянусь, я вас обоих пристрелю на месте.

– Ты бы расслабился, – посоветовал ему оператор.

Существо постояло, словно бы в замешательстве, еще некоторое время, пока Вик не положил артефакт на пол, затем у него из глотки вырвались три-четыре чистых звонких музыкальных ноты, не так вокальные, как инструментальные; хабар слабо засветился через тряпку, в которую Вик его завернул.

– Это очень классный товар, – произнес теневик таким тоном, словно описывал хабар покупателю. – Это очень хороший товар.

Слитным движением он опустился на колени, наклонился вперед и очертил руками круг: странно детское движение защиты, каким-то образом включившее больше места, чем артефакт занимал. Изо рта у теневика потекла электромагнитная рвота. Тысячи мошек, подобных неоново-фиолетовой тапиоке, медленно закапали на сверток с хабаром.

– Я просто хочу взглянуть, что это тут у нас, – проговорил теневик, – прежде чем продолжим.

Мерцающий свет интерфейса выхватил его лицо, на краткий миг стерев черты. Стены комнаты тоже осветились, затем опять потемнели. Вик углядел граффити, дешевый покоробившийся пластик, выставленный наружу кус арматуры.

– Мне это не нравится, – сказал он.

В комнате царила абсолютная тишина. Во взгляде коленопреклоненной фигуры не осталось ни единой мысли; теневик полностью сосредоточился на медленно, как вязкий мед, стекающей на хабар струйке света – кодовом интерфейсе.

– Это зашло слишком далеко, – сказал Вик. – Мне это не нравится.

Ему ответил слабый голос. Голос Поли де Раада из клуба «Семирамида», ретранслированный сюда через миллиардную долю полосы пропускания теневика.

– Привет, Вик, – произнес голос. – Ты мне сегодня больше не нужен. Деньги на счету.

– Я тебе, Поли, жопу надеру, – пообещал Вик, – если их там не окажется.

И настороженно попятился, выставив перед собой пистолет, держа его обеими руками жестом скорее умоляющим, чем

угрожающим. Несколько минут после этого дверной проем продолжали очерчивать световые сполохи, словно оператор шаг за шагом пытался отсоединиться от интерфейса. Наконец, со сдавленным и словно бы облегченным вздохом, все прекратилось, и пала тьма.

К тому времени Вик Серотонин, снова взяв курс на восток, пересек мост через лагуну в туристический порт, где зашел в бар под названием «Мир сегодняшний». Он заказал бутылку рома «Блэк Харт» на вынос, потом передумал и сел в одной из кабинок, чтобы перекусить. Пока ел, проверил счет. Увидев, сколько денег там появилось после продажи артефакта, Вик отодвинул тарелку. Аппетит у него резко пропал.

– А бутылку я все-таки заберу, – сказал он бармену.

Вик понимал, что такая удача долго не продержится. Опыт подсказывал, что эдакие деньги – сами по себе удача. Таким деньгам все равно, кто ты, от них лучше держаться подальше. Не пройдя и десятка шагов от «Мира сегодняшнего», Вик оказался прижат к поребрику бампером розового «кадиллака», тюнингованного под популярный тогда в определенных кругах саудадийской тусовки модерн со стремительными линиями корпуса. Как и любой турагент, Вик превосходно знал эту машину. Владел «кадиллаком» Лэнс Эшманн, важная, сколь мог судить Вик, шишка в Полиции Зоны; человек, похожий на стареющего Альберта Эйнштейна, вежливый и вездесущий, легенда саудадийской полиции артефактов. Эшманн наблюдал, как приходят и уходят турагенты, начиная с Эмиля Бонавентуры и заканчивая Виком. Вынув изо рта трубку, он улыбнулся.

– Привет, Вик! – воскликнул он. – Это ты?

Вик остановился. «Кадиллак» тоже.

– Ты же знаешь, что это я, – сказал Вик.

– Вик, лезь сюда, поехали.

– Не хочу.

– Зря. Это отличная машина.

Вик ожидал, что Эшманн появится в сопровождении отряда полицейских, и попытался взглянуть одновременно во все стороны, вверх-вниз по улице, в сторону бара и внутрь. На улице было пусто. Снова пошел дождь, тротуар заблестел, как лакированный. За рулем машины Эшманна сидела женщина; они с Виком обменялись кривыми усмешками. Лицо ее озаряла сложная смесь света приборной панели, неоновой рекламы и вывески «Мира сегодняшнего», но ясно было, что женщина основательно перекроена, а волосы у нее светлые, очень коротко остриженные. Заглушив мотор, женщина вылезла из автомобиля и быстро оказалась рядом с Виком. Как и можно было ожидать,

она была куда выше Эшманна и крепкого сложения. По тыльной стороне предплечья у нее бежали потоки данных, похожих на азиатские иероглифы.

– Мы тебя попросили сесть в машину, – сказала она.

Вик едва заметно шевельнул плечом. Было похоже, что на большее он не согласен. Двое настороженно изучали друг друга, пока не откинулась пассажирская дверца «кадиллака» и не вылез Лэнс Эшманн, тяжело дыша и суетливо поправляя дождевик.

– Погоди! – скомандовал он ассистентке. – Я боюсь того, что ты можешь с ним сделать.

Он взял ее за руку.

– Успокойся, – сказал он ей. И Вику: – Можем тут поговорить.

– Думаю, что это вполне возможно, – ответил Вик Серотонин.

– В этом баре, если хочешь, – предложил детектив, – или прямо тут, на тротуаре. Можем поговорить.

– Сядь в машину, – умоляюще попросил он ассистентку. – Успокойся. Ну правда, все ведь в порядке. Ты можешь себе это позволить, Вик нам проблем не создаст. Вик, ну скажи ей, что ты не создашь нам проблем!

Вик улыбнулся.

– Ты со мной в безопасности, – сказал он ассистентке.

– Вик, ты ей – плюнуть и растереть. Веди себя смирно! Ты бы видел, какие у нее рефлексы после перекройки.

– Ага, я впечатлен.

Женщина дернула уголком рта и отступила за водительскую дверцу.

– Вы, молодежь, как бойцовые псы, чесслово, – посетовал ей вслед Эшманн. – И как вы вообще до тридцати доживаете? – Он положил руку Вику на плечи. – Я знаю, Вик, я старею. Мне этой ночью снилась мандала. Простая, очень простая. Всего четыре-пять концентрических кругов, но взгляда не отвести. Они были серебристые.

– Очень интересно, – отозвался Вик.

У Эшманна сделался обиженный вид.

– Вик, ну ты бы меня послушал. Мандала – это знак, что человек меняется к лучшему. Принимает верное решение перейти из одной комнаты своего бытия в другую.

– Что, правда?

– Правда. Я доволен собственным продвижением. Может, я выйду на пенсию счастливым.

Серотонин поднял к свету бутылку «Блэк Харт».

– Я, наверное, тоже должен быть собой доволен, – сказал он. – Достигая дна каждой такой бутылки, я тоже что-нибудь в этом роде вижу.

Эшманн коротко рассмеялся.

– Ты для меня слишком умен. Но взгляни! – Загубником трубки он указал на Тракт Кефаучи, раскинутый в небе над Саудади ожерельем из полудрагоценных камней. – Мне обычно снилась эта штука. – И вздрогнул. – Из ночи в ночь, пока я был юн. Нет менее упорядоченного объекта. Какой он бессмысленный и неоформленный! Там, как говорят, физика неправильная, сорвалась с цепи во Вселенной. Ты это понимаешь? Я – нет. – Он потрепал Вика по плечу, словно полагая, что тот мог его не понять, или неуверенный, что привлек внимание собеседника. – А теперь и здесь, внизу, тоже так. Мы понятия не имеем, что творится в Зоне Явления. Но что бы оттуда ни вылезло, – добавил он, – с ним приходится разбираться *мне*.

Вик не придумал ответа, поэтому смолчал.

Это, казалось, только подтвердило подозрения сыщика, поскольку Эшманн покачал головой, развернулся и сел в «кадиллак», где и остался дымить трубкой, ерзая под дождевиком.

– Окажи милость, Вик, – сказал он далеким голосом, – закрой дверцу.

Вик так и сделал, и сыщик продолжил:

– Ты туроператор, и это хорошо. Хорошо, пока ваш маленький бизнес не создает мне проблем прямо под носом. – Он пожал плечами. – В обычных обстоятельствах я бы не стал к вам с Поли де Раадом цепляться: ему палец в рот не клади. Это между тобой и Поли, с какой стати мне лезть? Но то, что вы с Поли надыбали в кафе «Прибой», – новое.

Вик никогда не слышал про кафе «Прибой».

– Не понимаю, о чем ты, – ответил он.

– Вик, если вы тырите оттуда новый тип артефактов, я тебе голову скручу, я клянусь.

– Я никогда не слышал про это место! – воскликнул Вик. Но Эшманн уже отвернулся к ассистентке и сказал ей что-то, чего Вик не расслышал. Она ответила, оба засмеялись. Странная парочка. Глаза женщины на миг расфокусировались, стали плоскими и загадочными, отразив свет дождливого вечера; по ее руке энергичными импульсами струились данные. Улыбнувшись Вику на прощание, она шутливо отсалютовала, словно намекая, что вскоре увидит его снова. Затем завела мотор, и «кадиллак» медленно отъехал от тротуара.

– Эй, Вик? – окликнул его через плечо Эшманн, уезжая. – Когда в следующий раз наведаешься к Эмилю Бонавентуре, передай ему привет. Скажи, что я его люблю!

* * *

– Ну, что думаешь? – спросил сыщик у ассистентки.

Они сидели в салоне «кадиллака», отделанном искусственной кожей, и вдыхали ее теплый запах под мигание уличных огней. Руки ассистентки лежали на рулевом колесе. Ноги – на педалях. Эшманн уже отметил, как она целеустремленна в таких делах.

– Вы лучше меня его знаете, – сказала она после долгой паузы.

– И хорошо, что ты это понимаешь. Есть еще что сказать?

– Мне кажется, он удивился.

– Наш Вик, – сказал сыщик, – он такой. Всегда удивляется.

– Не знаю, что вы под этим понимаете. – Взгляд ее уперся в пустую улицу. Эшманн подождал, не пожелает ли она еще что-нибудь добавить, и улыбнулся себе под нос. Спустя минуту с озабоченным видом полез за спичкой в прихваченный из кафе «Прибой» коробок, открыл пепельницу на приборной панели, откуда пахнуло застоявшимся табачным духом, и сунул туда спичку, не зажигая ее.

– Ты же знаешь, что он мог тебе навредить, – сказал он.

Теперь уже она улыбнулась.

– Вы за меня не переживайте, – заверила она Эшманна. Ее карьера в спортивной полиции, объяснила она, требовала такой перекройки, что гражданским портняжкам и не снилась. И это не последнее профессиональное преимущество.

– Давай-ка на Роуздэйл-авеню, – приказал Эшманн.

Эта часть города была под постоянным колпаком. Над всем здесь нависали межзвездные круизные лайнеры: «Джейн Энн Филлипс»[14] компании «Пангалактик», формайловская «Церера», [15] «Нервная анорексия» от «Бетс/Хирстон» и с полдюжины других; колоссальные корпуса кораблей обгорели до матово-серого оттенка от многочисленных прохождений через атмосферу и кое-где стали с поверхности похожи на соты от непредсказуемых гамма-бурь Радиозалива. С каждым приближением к планете корабли теряли очередной слой краски; по этому можно было судить, как далеки они от начала тура, ибо опаленный трением металл слабо светился под бледно-красными и тускло-голубыми корпоративными ливреями.[16] А глубоко в машинных отсеках, облачась в освинцованные скафандры, жокеи-частичники ломали головы, как согласовать три разных набора законов физики, каждый со своим комплектом якобы нерушимых граничных условий, так, чтобы стартовать с планеты, не побеспокоив пассажиров перегрузкой.

Эшманн созерцал огромные корпуса, чуть колыхавшиеся друг

относительно друга, словно деревья в лесу.

– Отсюда приходят все наши проблемы, – сказал он.

– Я-то думала, что из Зоны.

Он счел, что круто взял, и сменил тему.

– Прошлым вечером я заглядывал в клуб «Семирамида». И как ты думаешь, кого я там обнаружил? Викова приятеля, Толстяка Антуана, с Моной на буксире. Пили те странные коктейли, какие ему по вкусу.

– Вот и улика, – сказала ассистентка.

Для нее все очевидно: Серотонин связан с Антуаном, де Раад связан с Антуаном, а Антуан – с кафе «Прибой». Но Эшманн пожал плечами.

– Может, это что-нибудь и означает, – согласился он, – но, скорее всего, нет. А притормози-ка.

Он что-то уловил: какое-то движение, тень, скользящую вдоль ограды туристического порта. Когда он посмотрел туда снова, все уже исчезло. Возможно, кто-то перелез внутрь или вылез наружу.

– Поехали, – сказал он. – Там ничего нет.

Он не доверял туристическим заборам.

– И вообще никаким заборам не доверяю, – сообщил он ассистентке. Порты привлекали отщепенцев и психопатов, но Эшманна эти места не потому напрягали. Они слагали очередное звено цепи, связующей с ненадежным, случайным внешним миром. «Кадиллак» величественно развернулся на север и поехал вниз, к морю, где пальмы, похожие на швабры, жалостливо сгибались под резким прибрежным ветром. Дождь перестал. Эшманн надолго замолк. Ассистентка искоса поглядывала на него; наконец, словно отвечая на ее невысказанный вопрос, он пробормотал:

– Вик Серотонин никому не навредит, кроме самого себя. Но с Поли нам пора конкретно перетереть.

* * *

После того как они уехали, Серотонин еще долго стоял под дождем. Мимо проскочила рикша, увлекая за собой стаю бабочек мягких цветов. В двух дверях ниже по улице от «Мира сегодняшнего» лучилось светом окно ателье Дяди Зипа, обещая всем встречным-поперечным немедленное и мгновенное преображение. Вик пару минут глядел с тротуара в открытые каталоги: эмблемы, бренды, умные татушки, дисконтные предложения лучших качеств выдающихся мужчин и женщин прошлого. Гений Майкла Джексона, внешность Альберта

Эйнштейна, цветущий дух Пауло Коэльо – не пора ли сменить прикид на более модный, а потом свалить на другую планету? Ему не хотелось больше встречаться с Поли де Раадом. Ему не хотелось встречаться с Эшманном и полицией артефактов Саудади. Контрабанда хабара из Зоны Явления сулила десятилетнюю отсидку. Вик в этот момент не мог даже припомнить, сколько получил, сбагрив хабар Поли через теневика.

* * *

Словно не желая отпускать Зону дальше чем на расстояние вытянутой руки, Эмиль Бонавентура на пенсии осел в комнате на третьем этаже глоубтаунского домика, в треугольнике тихих узких красивых улочек, облагороженном близостью порта. Там, в тени огромных межзвездных кораблей, за ним ухаживала женщина, которая, по собственным утверждениям, приходилась Эмилю дочерью. Ухаживала в дни лихорадок и галлюцинаций, потерь памяти и прочих постэффектов времечка, прожитого Бонавентурой в Зоне. Верна она ему была яростно, хотя и не подчеркивала этого. В остальном держалась сама по себе, жила на нижнем этаже и вела себя так, словно и вправду считала его отцом.

– Я протупил, Эмиль, – признал Вик, когда женщина впустила его и он поднялся по лестнице на третий этаж. Он описал Эмилю случившееся, роль Поли де Раада и оператора Поли де Раада. Тем временем, добавил Вик, Лэнс Эшманн собрался наехать на Поли, считая его замешанным в каких-то делишках безвестного бара на другом конце Саудади, и детективу взбрело в голову, что Вик тоже к ним причастен.

– Если все так, как ты рассказал, – заключил Бонавентура, – ты влип еще хуже, чем я.

– Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю, – ответил Вик.

Он предложил Бонавентуре бутылку, которую втихаря пронес под курткой. Бонавентура принял ее и жадно уставился на ярлык. У него время от времени что-то происходило со зрением; как и с памятью, проблема была не физиологическая.

– Это «Блэк Харт»? – спросил он.

– Если нет, то я переплатил, – ответил Вик.

– Хочешь совет?

– Не-а.

Бонавентура пожал плечами и откинулся на подушки, держа бутылку так, словно ее вес был для него непосилен. Ему шел

шестидесятый год, но выглядел он куда старше: долговязый нескладный человек с белым гребнем волос, подчеркивающим в профиль тяжелый крюкообразный нос. В конце концов Бонавентура поднес бутылку к губам и подержал ее там. Вик тем временем оглядывал голые половицы и чистое льняное белье, потом сказал:

– Эмиль, ну бога ради, это же для нас двоих было.

– Мне сколько ни наливай, все мало будет, – сказал Бонавентура. – Вик, я тебя попрошу: не таскай больше ничего оттуда. – Эта просьба прозвучала внезапно, будто Эмиль только сейчас поймал нить мысли. Он искоса воззрился на Вика; в свете лампы белки глаз отливали желтым. – Ты мне обещаешь, что не будешь оттуда ничего таскать?

Вик улыбнулся.

– Поздновато завязывать, Эмиль. Да и потом, ты-то сам оттуда хабар грузовиками возил.

– Тогда все было иначе, – ответил Бонавентура, отвернувшись.

Он так исхудал, что видно было, как жидкость перколирует по его телу от вены к вене. Волосы его приобрели оттенок сигаретного пепла, седая щетина на лице перестала расти. Он перестал выходить из дома. Он редко вставал с кровати. В редкие дни хорошего самочувствия глаза его становились ярко-голубыми и почти довольными, но в такие моменты, как сейчас, казались цвета накипи. Вся его энергия разрешалась паркинсоническим тремором, слабой лихорадкой да постоянными искрящими просверками под кожей цвета, какой бывает при тяжелом отравлении металлами. В такие дни, как сейчас, даже постельное белье Эмиля казалось зараженным. Он был похож на мешок с крысами. Он попытался еще что-то сказать, но повторил только:

– Все было иначе.

– Об этом я и хотел бы с тобой поговорить, – осторожно подхватил Вик. – Там что-то происходит.

Старик пожал плечами.

– Там постоянно что-то происходит, – сказал он. И добавил с типичной для его поколения логикой: – По этому можно узнать, что ты еще не вышел наружу. – Он помолчал, давая Вику возможность осмыслить фразу. – И мой тебе совет, – продолжил он, – не подражай пацанятам, которые вообразили, словно могут все это место закартировать.

– И чьим же таким пацанятам, Эмиль?

Бонавентура не обратил на него внимания.

– Они и слышать не хотят о случайности, – сказал он. – Вот это уж точно. – Он уставился на ярлык с надписью «Блэк Харт»,

словно читать разучился. – Эти ребята, – обратился он сам к себе, – кто они? Entradista-лайт. Они тут думают карьеру сделать! Купили у Дяди Зипа карту и пистолет Чемберса, из которого им не суждено будет выстрелить. Оно и к лучшему, потому что такие пушки – сущий кошмар жокея-частичника.

– Эй, Эмиль, – вмешался Вик, – а отдай-ка мне бутылку.

– Они одеты, как туристы. Они болтают, как виршеплеты. Они о себе ничего не рассказывают, но в то же время их оскорбляет, что ты о них ни бум-бум.

– О ком ты, Эмиль?

– Они там никогда не потеряются, Вик, они ничем не рискуют.

– Ты обо мне говоришь? – спросил Вик Серотонин.

Он попытался рассказать о том, что с ним произошло в ореоле. События эти казались ему историей из другого мира, но, может, так оно и было на самом деле. Связной, но бессмысленной историей из другого мира, уже свернувшегося внутрь себя и оставившего дурные воспоминания. Клиентка бежала от него по куче частично поросших сорняками обломков, распахнув шубку плевкам дождя. Одновременно с этим по склону кучи зигзагами, с таким видом, словно животное любопытство в нем пересилило, петлял артефакт, впоследствии проданный Поли де Рааду. Артефакт был похож на оленя или пони, а может, крупную собаку: косолапый, но странно грациозный, безволосый, с мультяшными человеческими глазами. Потом Вик обнаружил себя в баре Лив Хюлы и стал угрожать Антуану, что пристрелит его, если толстяк будет к нему с историями приставать.

– Зона расширяется, – пытался он пояснить Эмилю Бонавентуре. – Там какой-то движняк, Эмиль, и мы не знаем, что делать.

Под этим *мы* Вик разумел себя, потому что больше никого не знал. Кроме него, не находилось больше идиотов, которые бы в Зону ежедневно лазили. Поэтому Вику нужен был совет Бонавентуры, но попросить в открытую он стеснялся.

– Там снова пошел движняк, – говорил он, – впервые с той поры, как ты туда зачастил. – Границы снова сделались эластичны, и в то же время что-то менялось глубоко внутри, так что Вику казалось, будто все случившееся с ним отражает какие-то глубинные события. *Это вроде метафоры, Эмиль,* решил было он добавить, но передумал, поскольку все еще глубоко уважал людей поколения Бонавентуры, а, пользуясь их словарем, мог констатировать только: – Думаю, там все описало полный круг и повернулось к худшему.

Старик не хотел этого знать. Он только снова поднес ко рту

бутылку, потом уронил ее на кровать и уставился вперед обращенным в себя взором; лицо его, тяжелое и понурое, покрывала щетина.

– Это было давно, – сказал он. – У всех свои идеи были.

– Ты помнишь больше, чем притворяешься, Эмиль.

Бонавентура помотал головой.

– В те дни, – повторил он, – у всех были свои идеи. – Но потом сжалился. – Ты бывал в Треугольнике? Ты так далеко совался?

Увидев, что Вик не понимает его, Эмиль пожал плечами.

– Ну, было дело, Атмо Фуга[17] считал, что там находится центр всего. Он туда однажды забрался, и там было обуви выше крыши. Воздух был холодный, стоячий, но полный старой обуви, летавшей из стороны в сторону, точно на сильном ветру. Будто там собственный источник гравитации у нее был, у обуви-то. Он говорил, что обувь словно стайное поведение выработала. Грязная старая обувь, потрескавшаяся, сморщенная, с оторванными подметками. Он и другие штуки видел. Ну и вот, Атмо полагал, что в Треугольнике расположен центр всего. – Он пожал плечами. – Но если ты там никогда не бывал…

– Я заходил дальше, чем кто бы то ни было, – осмелился возразить Вик, – но ничего похожего на обувь никогда не видал.

Бонавентура не сумел осмыслить услышанного. А может, не захотел. Он моргнул, закусил губу, и Вику показалось, что старик отбрыкивается от каких-то базовых механизмов понимания – от чего-то, превосходно ему известного, но предпочтительно отрицаемого. Он мгновение глядел Вику через плечо, а потом на глазах у него выступили слезинки.

– Никто из этих пацанят ни хрена не понимает, – воззвал он к комнате, словно там, кроме Вика, еще расположились слушатели. – Для них это все – шоу.

– Ты обо мне говоришь, – сказал Вик. Он был мирно настроен, но лицо у него сжалось и заострилось. – Ну ладно, старпер. Ну и пошел ты! – Он вынул пистолет Чемберса и уронил его на кровать, где тот остался лежать подле тощего, закутанного в простыни тела Бонавентуры, матово поблескивая черными пульками, взвешенными в каком-то магнитном поле для удержания элементарных частиц. – Мне сорок лет, идиот!

Бонавентура, морщась, отвел взор от пушки. Свернулся калачиком, закрыл глаза рукой.

– Атмо, не бросай меня тут! – взмолился он. – Не здесь![18]

– Ты надо мной издеваешься, – сказал Вик Серотонин. – С какой стати я сюда шляюсь? Да кто ты такой, чтобы надо мной подтрунивать?

Он тут же пожалел о сказанном. Снова поднял с кровати пистолет и спрятал.

– Прости, Эмиль, – произнес он. Положил руку старику на плечо. – Эй, ну извини, я иногда срываюсь. Ты просто помоги мне.

– Ты начинал с азов, – наконец ответил Бонавентура.

Вик усмехнулся.

– Потому и выжил, – сказал он. – Давай, ром допивай. Никто не оставляет «Блэк Харт» на завтра!

Успокоил старика, дождался, пока тот заснет, поставил пустую бутылку к другим таким же под кровать и пошел вниз по лестнице; дочь Бонавентуры тихо напомнила ему:

– Он тебе бизнес продал, Вик. Но он тебе не отец.

– А тебе? – окрысился Вик.

Она пожала плечами.

– Думай что хочешь, – сказала она. – Ты не такой умник, чтобы упирать на разницу.

Она была широкобедрая брюнетка с оливковой кожей. Что бы Вик себе ни думал, а она и впрямь пропутешествовала по гало от мира к миру, начав карьеру двухлеткой на руках Эмиля Бонавентуры. Он называл ее Эдит, невесть почему, и, хотя она совсем не походила на него, старался не ронять. Почти сорок лет прошло. Она понятия не имела, где они начали странствие и зачем, но до сих пор помнила бесконечные тупоносые динаточные грузовозы, некорпоративные ракетные порты, вечера в пыльных барах, где пахло опилками, Мон и барменов, сюсюкающих ей; там ее кормили всякой шнягой из меню и молоком, которое аж посинело от попытки не свернуться. Она заполняла их вакуум – в день встречи и, может быть, на следующий день, пролетая через их жизни дешевым размытым улыбающимся воспоминанием, которое они хранили потом при себе, пока их не догоняло то, что они пытались отрицать.

В детстве Эдит считалась талантливой и красивой девочкой. У нее были красивые ножки. Она рано выучилась играть на аккордеоне и танцевать на столе. Она обладала бескрайней энергией, особенно на публике.

– Что бы ты там ни молол, Вик Серотонин, а мы были сами себе нация. Entradista Эмиль и его Девчонка с Аккордеоном!

– Я про тебя ни разу не слыхал, – ответил Вик.

Иногда это заявление смешило Эдит, а сегодня заставило вспомнить себя-одиннадцатилетку.

– Да ладно, – сказала она, – расслабься. Будь как дома. Выпить хочешь? Или рому хватило? – (Вик отвел глаза.) – Думаешь, я не заметила? Не надо ему подсовывать выпивку.

Он уже слышал эти предостережения, так что удивился, когда

Эдит вдруг подошла к нему вплотную и спросила:

– Если я тебе отдам тот дневник, ты его оставишь в покое?

– Ну что за шутки, Эдит! – протянул Вик.

* * *

Когда Эмиль Бонавентура прибыл в Саудади, тридцать лет назад, все писали на бумаге.

Так бывает. Все вдруг полюбили бумагу. Все ностальжи-лавочки торговали ею, кремовой или белой, чистой, с исчезающими линиями или с узором из крохотных бледно-серых прямоугольников, и стопки бумаги слабо отсвечивали за окнами лавок, словно то были ниши для мощей или раки. Там продавались блокноты всех видов, в невероятном разнообразии обложек, от древесной коры до имитации серого меха, с голографическими картинками из житий религиозных персонажей Древней Земли, набожно воздевших очи горе со сложенными для молитвы перстами, и стоило перевернуть страничку блокнота в свете ретролавки, как фигуры улыбались и осеняли клиентов крестом.

Были они такие же искусственные, как текстура самой бумаги: продукция франшизы Дяди Зипа по технологии откуда-то с другой планеты. И продавались во всевозможных форматах, закрываясь на все лады: на магниты, на замочки, на застежки, на комбинированные замки или узелки из волос, которыми следовало изящно обвязать тетрадку. Некоторые – более современными способами, так что воздух у края страниц едва заметно рябил: горе тому чужаку, кто посмеет сунуть туда пальцы.

Все покупали такие блокноты, потому что ни с того ни с сего стало прикольно записывать в них свои мысли и планы, списки покупок и всякое такое.

Писали: «Кем я хочу сегодня стать?»

Вели дневники.

Все неожиданно полюбили бумагу, не признаваясь почему, а вскоре любовь эта переметнулась на что-то другое. Но кое-кто извлек из нее большую практическую пользу. Эмиль Бонавентура подхватил привычку там, где бросили ее остальные, и принялся записывать в блокноты свои наблюдения – вплоть до последнего дня последней своей вылазки в Зону Саудади. К тому времени он уже не доверял памяти. Он слишком много времени провел в Зоне. Он вынужден был напоминать сложные маршруты, планы, инструкции самому себе. Данные. Ключи. Все, что не

осмеливаешься забыть, когда занят в подобной отрасли. Все, что не осмеливаешься доверить оператору. Эмиль говаривал, что работа на теневиков отучила его доверять каким бы то ни было алгоритмам. Даже прирученным. Среди записей попадались заметки о достижениях Эмиля, а добился он многого. Наблюдения вроде: «В Секторе Семь всегда идет снег. Какая бы пора года ни стояла внутри, какая бы пора ни стояла снаружи». Он разделил всю Зону по Секторам. В те дни, что бы Эмиль впоследствии ни рассказывал, entradistas вынужденно доверяли одним лишь фактам; им приходилось уверять себя, что они обладают знанием, не доступным никому другому.

Эмиль предпочитал бумагу с водяными знаками, словно пытаясь дополнительно убедиться в подлинности написанного. Он писал наклонным трудноразборчивым почерком, мало отвечавшим его натуре. И прятал дневники. Он был скрытен, как и все те entradistas, и когда Вик Серотонин получил от Эмиля его бизнес, дневники в сделку не включили.

* * *

– Вик, это не шутка. Ты слишком о многом заставляешь его вспоминать. Если получишь дневник, оставишь его в покое?

– Я не перестану сюда приходить, – ответил Вик.

Она подошла так близко, что на Вика повеяло теплом ее тела.

– Нет? – поддразнила она. Серотонин попытался поцеловать Эдит, но та увернулась.

– Вик, если ты заполучишь этот блокнот, мы тебя больше не увидим. Так или иначе ты покойник. А что толку от твоей смерти или смерти Эмиля? Иди-ка сюда, Вик. Глянь-ка на это.

Пара-тройка детских костюмов ярко-изумрудного цвета с короткими тесными блузками из фальшатласа. Пары черных балетных кожаных туфелек возрастающих размеров. Аккордеоны и запчасти к ним. Некоторые аккордеоны Эдит использовала, учась играть, пока не вырастала из них или не ломала, а другие купила позднее, потому что они ей понравились. Всех цветов, от голубого электрик до яростно-зеленого, как ее костюмы, и насыщенно-маренового; покрыты толстыми слоями лака и снабжены металлическими эмблемами ракетных кораблей, взрывающихся звезд, снежных гор. Клавиши из кости редких чужацких зверей. Эдит признавала, что при взгляде на эту маленькую обувь ее тянет плакать. Она таскала за собой этот хлам повсюду – расставляла по полкам или располагала в шкафчиках со стеклянными дверцами и гравировкой сцен

экзотической природы Древней Земли. Сегодня она вознамерилась показать Вику что-то новенькое.

– Я вот в этом выступала на Пумаль-Верде. – Костюм, завернутый в пожелтевшую ткань, напоминал униформу для маршевого шествия, и, честно говоря, Эдит не помнила, как это было. – Мне было четырнадцать. – Она зарылась лицом в болеро-жакетик и вдохнула незнакомые запахи. – Я бы тебе в ту пору понравилась. Я была такая невинная, Вик. Хочешь, я и тебе дам понюхать?

– Мне кажется, – сказал Вик, которому тон Эдит не понравился, – что так нечестно.

Эдит благодушно улыбнулась своим мыслям и перешла к следующему свертку. Разворачивая его, она что-то уронила на пол.

– Эй, Вик, – протянула она, – а что это у нас?

Старый блокнот в кожаном переплете.

– Господи!.. – выдохнул Вик Серотонин.

Он как раз потянулся за дневником, когда в комнате старика наверху что-то гулко бухнуло. Вик непроизвольно глянул на потолок, и Эдит, воспользовавшись этим, шустро выдернула у него блокнот. Их взгляды встретились.

– Эмиль не спит, Вик, – сказала она. – Ты бы пошел глянул, нужна ли ему помощь.

– Я с тобой хочу об этом поговорить, – ткнул он пальцем через плечо и покинул комнату.

Эдит смотрела ему вслед. Он всегда заботился о старике. Как и об Эдит, в чьем сознании продолжала играть для переполненных залов Девчонка с Аккордеоном, с макияжем на личике, заЗипированном для идеального сходства с Ширли Темпл; один инструмент за другим, все крупней и дороже, все больше хромированных накладок и дерева дорогих японских пород, год за годом, пока Эдит росла и играла по всему гало, а потом взялась строить карьеру в нью-нуэвском танго, но всегда старалась заботиться об Эмиле, и забота эта окружала ее ненавязчивым сознанием собственной вины, ведь Эмиль столько всего для Эдит сделал – а в итоге они оба угодили в ловушку, потому что теперь сам Эмиль был не в состоянии ни о ком заботиться. Она закрывала глаза и слышала игру на аккордеоне, чувствуя себя культиваркой – воплощенной в последовательности идеальных девичьих тел, облаченных в сверкающие костюмчики с чистенькими выходными юбочками, белые носки и туфельки с круглыми мысками из лакированной кожи. Она глядела вслед Вику Серотонину, размышляя обо всем этом.

* * *

Резюме же Эмиля Бонавентуры сводилось к следующему. Начинал он сотрудником какого-то департамента корпорации «Земные военные контракты», в проекте, обозначенном просто «121», и больше об этом ничего не было известно, потому что Эмиль никогда о тех временах не рассказывал. После этого он слонялся по гало, пьянствуя и трахая всех подряд, в компании маленькой дочки, пока не осел близ Зоны в Саудади, где Эдит и выросла. Тут он укоренился. Зона его поймала на крючок. Молодым человеком он вел себя так же, как все они. Был полон амбиций, но, пока не оказался в Саудади, понятия не имел, на что годится. Спустя много лет Вик обнаружил Эмиля наполовину съехавшим с кровати в комнатенке верхнего этажа на окраине туристического порта. Верхняя часть тела Эмиля, вся в синяках и царапинах от подобных происшествий, была обернута влажной простыней. Лицо весом остального тела вдавило в стену.

– Эдит, – промямлил он, – помоги мне.

– Я Вик, – сказал Вик.

– Чего стоишь, блин, помоги ему! – заорала Эдит.

Они вместе подняли старика на кровать, после чего Эдит молвила:

– Оставляю вас, о двое бравых entradistas, предаваться беседе.

Отойдя к окну, она уставилась наружу, где на галогеновые фонари космопорта падали струи дождя.

– Вик, – прошептал Бонавентура, убедившись, что Эдит отошла, – сядь сюда. Я думал о том, что ты мне рассказывал.

– О чем, Эмиль?

– Послушай, Вик, кого бы я туда ни водил, я брал с них обещание более тягостное, чем они…

– Им туда надо, Эмиль. Им этого хочется.

– Нет, послушай! – Он схватил Вика за кисть. – Я это знаю. Я это знал всегда. Там что-то есть, но оно ничего собой не представляет. Они все это осознают под конец. Они видят, что их околпачили.

– Куда ведет нить твоих рассуждений, Эмиль? В ту же кучу старого засохшего дерьма?

Бонавентура устало покачал головой.

– Я просто хочу знать, где ты бывал, Вик. Я хочу знать, пересекаются ли те места с моими.

– Письками померяться хочешь, – констатировал Вик.

– Потому что ты же, наверное, был в Секторе Семь и видел там колоссальное белое лицо, нависающее над крышами…

– Эмиль, забей.

Но Бонавентура не утихомирился.

– Послушай меня! – потребовал он. – Хоть раз меня послушай! – Им овладели распадающиеся воспоминания. В его поколении все терзались потребностью сравнивать, сопоставлять впечатления, оживлять ужаснувшие их места и вещи. Вик чувствовал, как старика бьет дрожь. – А за ним все дома превратились в груды кирпичей, гребаная бескрайняя пустошь из кирпичей. Каждый раз, как падает черепица, прокатывается эхо, и лицо смотрит на тебя… – Он заметил выражение на лице Вика, и напряженная дрожь оставила его. Он вздохнул.

– И зачем я себя этим утруждаю? – сказал он. Пожал плечами. – Если ты этого не видел, – добавил он, – считай, что ничего не видел. Ничего.

– Ну вот опять, – сказал Вик.

– Ему просто поговорить надо, Вик, – устало буркнула Эдит у окна.

– Держись безопасной стороны, – посоветовал Бонавентура окружающему миру и Вику в частности. – Веди себя как турист. Как все остальные.

Вик отмахнулся.

– Да я где угодно время лучше провел бы, чем тут. – И пожаловался дочери Бонавентуры: – Даже в клубе «Семирамида» – и то лучше.

Эдит пожала плечами. Посмотрела прямо на него. «Если уйдешь, – говорил ее взгляд, – можешь не возвращаться». Потом отвернулась и стала изучать улицу внизу так, словно там было полным-полно объектов куда интереснее Вика.

– Иисусе! – возопил Серотонин. Ему вдруг представился теневик Поли де Раада, с лицом обреченного посредника, озаренным отблесками каких-то сомнительных делишек на Суисайд-Пойнт. – Никому нет ни малейшего дела до *моих* проблем, – посетовал он и поднялся, собираясь уходить.

– Прости, – сказал Бонавентура. – Это обширная территория, Вик. Возможно, мы видели разные части.

Вик отозвался с порога:

– Не думаю.

– Я снов не вижу, Вик! – пожаловался Бонавентура. – Я не вижу снов!

– Ты же знал, что этим все закончится, – ответил Вик, не представляя, чем ему помочь. – Ты всегда знал.

– Погоди, Вик, с тобой ведь то же самое будет.

– Помолчи, – сказал Вик отсутствующим тоном. – Помолчи, старичелло.

* * *

Эдит Бонавентура застигла его внизу; Вик хладнокровно выдирал страницы из дневника.

– Я думала, что спрятала его, – неуверенно сказала Эдит.

– Там ничего нет.

– Правда? Значит, не тот блокнот.

– Ты это знала наперед, – обвинил ее Вик.

Она улыбнулась, соглашаясь.

– Но даже исписанные блокноты – не обязательно нужные тебе, – заметила она. – Эмиль много чего писал в те годы. Ты не хочешь выпить?

Серотонин уронил блокнот на пол и зевнул.

– Мне надо идти, – сказал он.

Эдит все равно принесла ему выпить и постояла перед Виком, пока тот пил.

– Эй, что это? – спросил он.

– Все хорошее пойло, – ответила она, – ты уже высосал.

Серотонин утер губы. Окинул взглядом комнату, заставленную предметами из девичьей жизни; ему не удалось сопоставить ту Эдит, которую Вик знал, с Эдит, которой они принадлежали. Он отставил стакан и притянул ее к себе, усадив на колени.

– Ему нужны деньги? – спросил он.

Эдит отвернулась и выдавила улыбку. Прижала голову Вика к своей шее и заставила его поцеловать ее в затылок.

– Нам всегда нужны деньги, – ответила она. – Мм. Так хорошо.

Когда Серотонин ушел, она еще долго лежала на диване и думала о нем. Вик Серотонин напоминал ей всех мужчин, встреченных на пути через гало. Все, кого она там встречала, тщились уйти в грезы, которым полагалось бы развеяться уже в шестнадцать лет.

Если честно, то Эдит и себя бы к ним должна причислить. На Пумаль-Верде, скажем, она под завязку накачалась «ненасытным доктором» и ей одиннадцать часов подряд мерещилось, что она стала огромной белой птицей, медленно рассекающей вакуум взмахами крыл.[19] Ее приятель тогда сказал:

– Эдит, эта птица – твоя жизнь, и разумнее будет отправиться за нею.

Он не слишком-то ладил с собственной жизнью и, как все, завербовался в ЗВК, где его сделали пилотом какого-то боевого корабля, перекроив для этих целей у армейского портняжки так, что теперь у него из нёба к панели управления тянулись провода.

Рвотный рефлекс выкройка обычно подавляла, но время от времени приятелю Эдит казалось, что провода эти – волокнистая масса, которой он подавился. Паникуя или теряя концентрацию, он слышал голос своей матери, терпеливый и негромкий; голос приказывал ему, как поступать. Трудно было не подчиниться. Мама говорила, что не надо бояться. Не надо сердиться. Она говорила: «Сконцентрируйся и сделай все правильно. Тогда никто не пострадает». Насколько могла судить Эдит, от ее приятеля в этом состоянии мало что осталось.

Ближе к рассвету она поднялась проведать старика.

Он еще не спал, глядя в одну точку прямо перед собой, словно видел там нечто недоступное остальным, но наверняка осознал присутствие Эдит, потому что взял ее за руку и произнес:

– Самое жуткое, что оттуда тащили, – это «дочери». Принесешь оттуда дочь – жди неприятностей. Дочь пытается тебя изменить. Оно не живое, даже не технологичное; никто не знал, что это и для чего это.

Эдит сдавила его руку.

– Ты мне уже говорил, – сказала она.

Он фыркнул.

– Это я их стал так называть. Что бы оттуда ни приволокли, только бы не дочь.

– Ты мне уже сто раз говорил.

Он снова фыркнул, она опять сжала его руку, и спустя некоторое время Эмиль забылся сном.

Она осталась с ним. То и дело оглядывала комнату: теплые кремовые обои с рисунком, неяркое освещение, старая кровать со взбитыми подушками, наволочки сшиты из разных кусков ткани, как ей нравилось или казалось, что понравится старику. *Мы в местах похуже жили*, – подумала она. С ракетного поля полыхнула вспышка, другая, озаряя волевой профиль Эдит и отбрасывая ее тень на стену.

4
В клубе «Семирамида»

Лив Хюла открывала бар поздним утром. Как бы ни выматывалась она предыдущей ночью, а спать дольше двух или трех часов не могла, после чего внезапно просыпалась от снов, в которых ее засасывало куда-то вниз, и растерянно прислушивалась к окружающим звукам, но ничего не слышала, кроме обычных шумов Стрэйнт-стрит: скрипа экипажа и побежки рикши вниз по склону в центр Саудади на неровной мостовой, женской песни. Иногда ей снились другие миры, и от этих снов она неизменно просыпалась с мыслью: «Где это было? Я там была счастливее». В эти минуты отчетливые, хотя и фрагментарные, видения ее прошлого накладывались, не совмещаясь ни друг с другом, ни с тем, что происходило здесь и сейчас; Лив, окинув взглядом пустые белые стены комнаты, резко вставала и сбрасывала на пол оставленную с ночи одежду.

Внизу ей было легче. Спуститься, передвинуть столики, перемыть бокалы, подышать застоявшимся воздухом, плеснуть себе в лицо холодной воды из мойки за барной стойкой. Отпирая дверь, она запускала внутрь дневной свет, и теневые операторы после непродолжительной суеты, словно рыбы на рифах, возвращались к себе по углам. А Лив Хюла – за барную стойку. Она всегда стояла в одном и том же месте. Полируя цинковую пластину локтями, перемещала туда-сюда ящики кассы. Ноги ее продавили скрипучую половицу. Ей не хотелось думать о том, сколько лет она простояла здесь, за стойкой в «Белой кошке, черном коте».

Проверить запасы, заказать продукты, посмотреть, как тянется народ в портняжные лавки, понаблюдать, как медленно скользит по залу свет, и дождаться первого клиента вскоре после полудня. Она рада была его увидеть. Обычно первым приходил Толстяк Антуан, но с ночи смерти Джо Леони он тут не появлялся. А если не Антуан, так Вик Серотонин, туроператор; в этот час дня он редко выглядел лучше самой Лив.

Сегодня их опередили.

* * *

Когда пришел Вик Серотонин, оказалось, что вид у него до крайности сосредоточенный – руки в карманах, то и дело

пожимает плечами, задумчивые глаза устремлены в никуда, – словно он напряженно размышляет о смысле жизни и даже не осознаёт, в каком районе города оказался. Облокотясь на барную стойку, он сказал:

– Рому.

– Привет, Вик, – сказала Лив Хюла. – Рада тебя видеть.

После паузы она повторила, мастерски подделываясь под голос Серотонина:

– И я рад тебя видеть, Лив.

– Я это пропустил, – сказал Вик Серотонин.

– Когда будешь расплачиваться, я тебе это припомню, – ласково ответила Лив. – «Блэк Харт» со льдом? Гм, а как я догадалась?

Она позволила Вику осушить бокал, стоя чуть поодаль за барной стойкой и глядя на него – отчасти удивленно, отчасти удовлетворенно, – затем сказала:

– Твоя клиентка вернулась, Вик.

Вик огляделся и заметил клиентку, которая все это время просидела у окна на табуретке, глядя через запотевшее стекло на улицу. Она склонила голову так, что свет равномерно озарял лицо и, ничего в особенности не подчеркивая, придавал коже молочно-прозрачный оттенок. Перед клиенткой стояла чашка горячего шоколада. Нетронутая. В тот миг как Вик ее увидел, ему в глаза бросились пляшущие вокруг клиентки изображения – слишком подвижные, чтобы различить с уверенностью. Ему показалось, что он бежит вдоль зеленой замшелой ограды под дождем и видит заброшенную улицу под каким-то неправильным углом.

Обычно Вик предпочитал избегать любых проблем. Клиентки приходили к нему, он оглядывал их с головы до ног и тут же отсеивал тех, кто склонен был бы убить его время.

– Я вас больше не хочу здесь видеть, – сообщил Вик.

Он тихо поднялся, неслышно подошел к ней, склонился над табуреткой, приложил губы к шее и повторил:

– Я вас больше не хочу здесь видеть.

Его немного удивила собственная настойчивость. Клиентка мгновение смотрела на него, словно пытаясь понять фразу на иностранном языке. Затем тоже встала и стала рыться в сумочке, откуда в конечном счете выудила визитку. И сказала:

– Я здесь живу. Я хочу, чтобы вы мне помогли. Если передумаете, рада буду вас там видеть.

– С этим проблемка, – сказал Вик.

– Простите?

Вик произнес:

– Я себя знаю. А вы себя – нет.

Остановившись на пороге, он проследил, как клиентка удаляется по Стрэйнт. Сегодня на ней была черная юбка-тюльпан до щиколоток. Поверх наброшена маленькая серебристая шубка с чуть подбитыми плечиками, а на голове – шляпка того же цвета, формой напоминавшая коробочку для пилюль. Остановив рикшу, клиентка поднялась в экипаж.

– Она хочет, чтоб ты ей помог, Вик, – пояснила за его спиной Лив Хюла из-за барной стойки. Вик заказал еще выпить.

На визитке значился адрес где-то в Хот-Уоллс: этот район в памяти Вика отложился скоплением высоких старомодных таунхаусов на стремной стороне корпоративного анклава. Он почти обезлюдел двадцать лет назад, когда нынешнее поколение управленцев переселилось в построенные специально для них жилые комплексы района Доко-Джин. Он пожалел, что вообще перекинулся с клиенткой хоть словом, ибо это наладило между ними какую-то связь.

– Почему бы туристке селиться в Хот-Уоллс? – спросил он у Лив Хюлы.

– А меня бы скорее заинтересовало, откуда она про тебя знает, Вик.

– И это тоже.

Лив увидела, как Вик разорвал визитку на клочки и бросил на барную стойку. Чуть позже он вернулся, собрал клочки и аккуратно засунул в карман.

* * *

Поли де Раад снова вызвал Вика. Было похоже, что де Раад недоволен. В то же время голос его звучал как-то рассеянно и отстраненно. Он сказал, что хочет поболтать о купленном артефакте. Он сказал, что озадачен. Он сказал, что не уверен в покупке. Но каждый раз, когда Вик уточнял у Поли, что именно не так, внимание де Раада словно бы затуманивалось.

– Поли, с тобой что-то не в порядке? – спросил Вик. – Ты не притворяйся, нам нечего скрывать друг от друга.

– Слышь, Вик, не борзей, – сказал Поли. В конце концов он назначил Вику встречу в своем клубе «Семирамида». Поли считал, что так будет лучше. Он хотел Вику что-то показать. Чтобы Вик посмотрел собственными глазами.

– У меня дел полно, – возразил Вик.

– У тебя нет более важных дел, – заявил де Раад. – Вик, если будешь артачиться, я за тобой кого-нибудь пошлю.

– Не надо, – сказал Вик.

«Семирамида» лежала в самом центре города, подобно круизному кораблю, севшему палубой вниз, и привлекала как туристов, так и местных тусовщиков. Поли сам производил оценку их благонадежности и платежеспособности. В шесть тридцать вечера, когда Вик появился в клубе, там происходило следующее. Клуб опустел, если не считать обычных нукеров де Раада – десятка ганпанков плотного телосложения, которые сидели за столиками у дальней стены, азартно мерялись оружием и бросали кости. Кое-какая мебель оказалась перевернута, а пара обугленных дыр в стенах удостоверяла, что здесь недавно стреляли из реактивного пистолета. У ребят Поли был не такой залихватский видос, как обычно.

– Поли тебе не обрадуется, – сказала девчонка-ганпанк, когда Вик сунулся в офис.

– А мне начхать, – ответил Вик, глядя на нее сверху вниз.

Девчонку звали Элис Нейлон, было ей восемь лет, и она носила синий пластиковый дождевик, застегнутый на все кнопки до шеи. Еще до семилетнего возраста у Элис прогнили передние зубы от café électrique, что придало ее выговору своеобразный оттенок. Она обожала сладкую выпечку, заплывы в местном бассейне, а в свободное время изучала финансовое дело, надеясь стать крутой бизнес-леди.

– Вик, – сказала девчонка, – ты не поверишь, что у нас тут стряслось. Не, серьезно! На нас копы наехали. Прямо тут, в клубе «Семирамида»! – Она изумленно покачала головой – медленно, из стороны в сторону. – Эти лузеры из Полиции Зоны какого-то хрена о себе возомнили, они нас взяли в кольцо, расползлись вокруг, словно дешевое гало Тракта Кефаучи. А помнишь того чудика, что на Альберта Эйнштейна смахивает? Поли сказал его не трогать, чтобы все само устаканилось. Мы аж удила закусили, чесслово.

– Жаль, что я этого не видел, Элис, – вежливо ответил Вик.

Элис пожала плечами. Она была профессионалка. Ей было начхать.

– Мы бы их в котлету измолотили, Вик, но… – Она улыбнулась ему усталой гнилозубой улыбкой. – А ты как? Может, ты бы лучше тут подождал? Дождался Поли?

Вик согласился и занял один из пустующих столиков.

– Эй, Вик! – позвала Элис вдогонку. – Я нынче сама брауни испекла!

Вик ненавидел «Семирамиду».

Витрина ее бросала вызов здравому смыслу.

В стыковки это заведение тоже не годилось.

Стоило сюда войти, как становилось ясно, что источник доходов Поли де Раада где-то в другом месте. Столиков было сорок, каждый – с четырьмя креслами, и располагались они под высоким потолком в круглом помещении, первоначально принадлежавшем каким-то мошенникам под названием «ФУГА-Ортоген», которые пытались нажиться на чужацкой технологии. (Активы аферистов исчерпывались тремя комбайнами, припаркованными где-то в Радиозаливе над гамма-источником неизвестного происхождения. По самой консервативной оценке, комбайнам было свыше миллиона лет, и никто не понимал, как с ними работать. «Что эти жокеи намеревались там раскопать, мы так и не вкурили, – говорил Поли с тонкой усмешкой, – поэтому пришлось их отсюда выкурить».) Перебравшись сюда, Поли отбелил стены и подсветил их в нескольких сегментах ультрафиолета. Поли нравилось высокочастотное излучение, ибо оно напоминало ему о старых добрых деньках его славы. Голограммы носились в воздухе, сверкая рекламой; Моны сновали от столика к столику, приглашая клиентов расслабиться и перейти в дальний зал, где им явно будет удобнее. Клиенты Поли заказывали все подряд и играли в кости. У Поли был свой бэнд, так что любую музыку они тоже заказывали. Единственная прихоть Поли – дресс-код, но он и сам это признавал, без обиняков оговаривая, что охоч до красочных нарядов селебрити.

Вик заказал себе выпить.

Убивая время, он сложил разорванную визитку, которую получил от бывшей клиентки в баре «Белая кошка, черный кот». Его удивил выбор апартаментов: Хот-Уоллс – районч ик недешевый, но недостаточно модный для человека из корпорации. Пробило семь, и в клубе прибавилось народу, в основном парочки, которые, заказав коктейль, куда-то улетучивались. В десять минут восьмого Вик удивился, высмотрев в толпе Антуана Месснера; толстяк юркнул в «Семирамиду» и торопливо занял один из дальних столиков.

– Антуан! – крикнул Вик, но толстяк ограничился кивком и не подошел. Вместо этого, Антуан предпочел присоединиться к ганпанкам и бросить кости.

– Ну и пошел ты, Толстяк Антуан! – сказал себе Вик. Тут распахнулась дверь офиса, и оттуда раздался голос Поли де Раада:

– Эй, Вик, мудак ты жопоголовый, ты где?

* * *

Поли де Раад был моложе Вика Серотонина. На его лице выделялись острый нос и ударная волна платиново-белых волос, подчеркнутая армейским «мыском вдовы», – голограммы приключений Поли тех лет иногда выставлялись на всеобщее обозрение в центральном зале клуба «Семирамида».

В четырнадцать Поли оказался у Сердца Карла. Позднее он, в числе трех счастливчиков, уцелел при орбитальном столкновении «El Rayo X»[20] с тяжеловооруженным крейсером ужасников «Касаясь пустоты».[21] С тех пор Поли стал нервным, напряженным и заимел прическу торчком, а в минуты особенного душевного волнения кожа на его лице словно бы утончалась и подсвечивалась изнутри и кровь будто приливала к поверхности. Этим он был обязан радиационным ожогам и общему аблятивному истиранию кожи, от которого избавляться не стал и носил на манер армейской лычки. Поли никогда не останавливался. Ему все нравилось. Он старался захапать все, что плохо лежит. По крайней мере, такое впечатление производил он на собеседника. Но тут же становилось ясно, что план Поли довольно прост: выжить и преуспеть.

– Не хочешь взглянуть на эту хреномутину? – спросил Поли у Вика.

Он имел в виду свой офис. Офис выглядел куда хуже самого клуба. Тут пахло ионизацией и гарью, мебель была разворочена. Было ясно, что в офисе развернулась заварушка. Места для нее не хватало; тем хуже для Поли, потому что группа захвата Эшманна притащила с собой аппаратуру, способную отодвинуть теневых операторов с пути, словно шкафчик. Теперь операторы забились по углам под потолком, так тесно свернувшись, что их бы пришлось оттуда дни напролет выманивать. Они были в шоке. Их унизили. У них не осталось никаких тайн. Поли тоже выглядел скверно. Он сильно потел, а лицо его заострилось и приобрело мясной отлив.

– Ты в курсе, что здесь было?

Вик сказал, что не в курсе.

– Ну, блин, Вик, а кому, как не тебе?

Вик нашел стул, поднял с пола и сел. Поли де Раад тоже позволил себе сесть и утер пот с лица.

– Из Зоны какие-то новые артефакты поперли, – начал он, – по крайней мере, так Эшманн говорит. Он на нас батон крошит за них. – Поли засунул пальцы в рот, подержал, вынул и осмотрел. – Вик, загляни-ка мне в рот; мне кажется, у меня десны кровят.

– Да пошел ты, Поли!

Де Раад усмехнулся.

– А ты почти попался, Вик. Ты уже полупривстал.

Он вдруг резко успокоился и обрел привычный довольный вид. Он снова в полной мере наслаждался жизнью.

– Ты знаешь стыковку, ну, ту, что они кличут кафе «Прибой»?

– В жизни не слышал, – ответил Вик.

– Да ладно, Вик. Я твой друг, не скрытничай.

Если Вик переживает насчет нанокамер, сказал Поли, то бояться нечего. Аппаратура Полиции Зоны курам на смех. Она устарела лет на десять. И при этом дорогущая. Девяносто процентов времени глючит. Поли намекнул, что у него в любом случае прикрытие ЗВК.

– Пока ты со мной, ты невидимка.

Вик, который вплоть до этой минуты ни о чем особо не беспокоился, взглянул на Поли и пожал плечами.

– Ты поэтому меня сюда вызвал?

С лица Поли исчезло довольное выражение.

– Нет, не поэтому, – сказал он. – Я тебе хочу кое-что показать.

Он встал.

– Пошли, – позвал он. – Ты что, думаешь, я его здесь держал бы?

– А почем мне знать, Поли?

Де Раад вызвал свою рикшу и подмигнул Вику.

– Нам недалеко, но зачем пешком тащиться?

К вечеру похолодало. Ветер с моря задувал в центр, влага конденсировалась из воздуха на уличных предметах обстановки и сбруе рикши. Слышно было, как на военной верфи трудится какой-то тяжелый ремонтный механизм. То и дело взлетал К-рабль, устремляясь на парковочную орбиту со скоростью в сорок звуковых, озаряя все вокруг, от Стрэйнта до Корниша, резким светом хвостового факела, и в этом свете лицо Поли де Раада на секунду становилось почти прозрачным. Поли затормозил рикшу. Ему нравилось все военное.

– Ты глянь на эту цыпочку, Вик! Ты только глянь!

Забавно, как обычный старт ракеты резко улучшал настроение Поли.

– Эй, – сказал Поли рикше, которая снова помчалась вперед, – ты себя смотри не загони.

– Я и первой-то передачи не выжала, Поли.

– Спешишь, точно к себе на похороны, – сказал он. И Вику Серотонину: – Это здесь, совсем рядом.

У Поли по всему городу Саудади были натыканы схроны. Эта квартира, мрачная однушка, располагалась на Фойгт-стрит в некорпоративном захолустье и ничем не отличалась бы от остальных, если б не армейская раскладушка, которую Поли всегда ставил в том месте, куда приходил ночевать; ее, в числе

прочего, он берег со времен карьеры вакуум-коммандо. С нее же, при помощи нескольких сверхсветовых коммуникаторов и орбитальных маршрутизаторов, он сейчас управлял своими владениями. Когда дверь открылась, изнутри ударил тяжелый запах. Словно бы смешали дерьмо, мочу и стоячую воду.

– Господи, Поли!.. – поморщился Вик.

Поли заверил, что не ожидал подобного. Кроме запаха, наличествовали булькающие звуки. На раскладушке Поли, частично освободясь от одежек, вытянулось существо, которое называло себя Погодой. В последний раз Вик его видел еще на Суисайд-Пойнт. Каким-то образом оно заглотило Виков хабар, поперхнулось им, и они склеились на уровне, понятном только теневикам. Обручились. Что бы их ни связало, посредника оно не пощадило тоже. Все трое намертво пристали друг к дружке – но, судя по неважнецкому виду мальчишки с Пойнта, ненадолго. Мальчик выглядел больным и перепуганным. Он попытался раздеться и забраться под одеяло – тепла и какого-то уюта ради. Он сумел наполовину стянуть штаны, а кожа под ними в тусклом свете обрела белесый, как у рыбы, оттенок. То и дело мальчишку скручивали конвульсии, рот его открывался, и оттуда вылетало нечто подобное остывшей тапиоке.

– И что это за хрень, Вик? – требовательно вопросил Поли де Раад.

Мальчишка услышал голос Поли. Он сел, дрожа, и оглядел новоприбывших. Поймал взгляд Вика. Узнал его. Вик видел оператора глубоко внутри, и пацана с Пойнта тоже, а между ними – артефакт, по-прежнему белый и непонятный, такой, каким был он в животном своем обличье, когда подбежал к Вику в Зоне Явления. Не приходилось отрицать, что дела тут творятся нехорошие. Как бы Вик и Поли ни располагались в комнате, существо не сводило с них глаз. От него продолжали исходить вспышки нечеловеческого обаяния теневика. На миг вонь исчезла, вытесненная запахами дождя в солнечных лучах и моря. Голос теневика перемежался стонами посредника и музыкальными нотами кода.

– Я здесь? – спросил он у Поли. – Я себя не вижу.

– С ним это через два-три дня после того стряслось, – заявил Поли. – Я его в таком виде клиенту сбыть не могу. Я и сам не могу его поюзать, даже если б знал, что это за хрень. Вик, так дело не пойдет. Тут хреномутия какая-то.

– Вижу, – сказал Вик. – Можно мы пойдем?

Мальчишка с Пойнта засмеялся.

– Никто отсюда не уйдет, – прошептал он тремя голосами наперебой.

– Я сыт этим по горло, – сказал Поли де Раад.

Он снова запер мальчика, и они вернулись на рикше в клуб «Семирамида», где понемногу расхолаживался вечер. Звучала музыка, жужжала болтовня. За столиками яблоку негде было упасть. Там и сям на четырехдюймовых полиуретановых каблуках порхали Моны, источая ароматы перечной мяты или ванили; впрочем, некоторые оригиналки выбирали при перекройке аромат корицы. По стенам мелькали кадры деяний ЗВК у Сердца Карла и на Мотеле Сплендидо, а вместе с ними – архивная запись с изображением старого корабля Поли де Раада; «Адский цветок» беззвучно вспыхивал, пораженный в самую середку каким-то высококлассным орудием ужасников. Вик с Поли снова уселись в офисе, и Поли велел Элис Нейлон запереть дверь, чтобы шум им не мешал. Они выпили. Поли начал:

– Ты меня понял, да? Вик, я вынужден задать тебе вопрос. Ты еще что-нибудь нехорошее оттуда притащил?

– Там все нехорошее, – ответил Вик. – Ты сечешь риски.

– Я твой покупатель, – напомнил ему Поли. – А ты профи, которого я нанимаю.

У него наметились проблемы с глотательным рефлексом. Руки дрожали, и это Вику Серотонину тоже было внове.

– Это ты рискуешь, – сказал Поли, – а не я. Что, если я от этой твари чем-нить заразился?

– Ну, тогда тебе бы стало плохо. Но ты вроде в порядке, Поли.

– Нет, не в порядке, – сказал Поли. – У меня не спадает температура. Я есть не хочу. Приведи сюда Мону – и я через пару секунд про нее даже не вспомню. Меня рассеянность мучает. Ну что это за жизнь?

– Вот что я тебе посоветую, – сказал Вик. – Пристрели эту штуку.

Поли посмотрел на него.

– Я сразу и попытался. Но она самовосстанавливается, Вик. По всему полу катались белые огоньки. Я ничего более жуткого, блин, в жизни не видел. Оно все время кричало и хныкало.

Вик поднялся уходить, и Поли добавил:

– Кстати, твой кореш Антуан теперь на меня работает. В смысле, чтоб ты не удивлялся.

* * *

Одиннадцать часов вечера: слишком поздно куда-то идти, слишком рано возвращаться домой. Вика озадачило все увиденное и услышанное. Он подумал было навестить Эмиля с

Эдит Бонавентурой. Задумался: а не поехать ли домой и не завалиться ли спать? В итоге он ничего этого не предпринял, а остановился у столика Толстяка Антуана Месснера. Антуан, облаченный в новенький, с иголочки, синий драповый пиджак поверх желтой рубашки, зависал в компании одной из клубных Мон. При близком рассмотрении это чудо природы оказалось бывшей пассией Джо Леони, Ирэн. Ирэн сидела так близко к Толстяку, что взору Антуана открывались многообещающие глубины выреза ее насыщенно-охряной мексиканской блузки. Пальцами Ирэн сжимала запястье Антуана, точно меряла пульс; пили оба розовый и желтый коктейль, его любимый.

– Привет, Ирэн, – сказал Вик. – Хай, Толстяк Антуан! Клевый прикид!

Ему приходилось перекрикивать толпу.

– Почему бы не предложить мне сесть за ваш столик? – любезно осведомился он.

Ирэн с Антуаном переглянулись, посмотрели на Вика и промолчали. Вик всплеснул руками: ну что, дескать, поделаешь? – с таким видом, словно ответ парочки заглушила музыка, и все равно подсел к ним. Заказал себе выпить.

– И что, теперь все подряд на Поли работают, э?

– Это временная работа, Вик, – быстро ответил Толстяк Антуан, словно ожидал услышать такой вопрос.

– Это *работа*, – поправила Ирэн, искоса глянув на Вика. – Всем нужно работать. Не знаю, достаточно ли ясно я выразилась.

Ирэн сочла необходимым объяснить, что в нормальных обстоятельствах профессионал уровня Антуана нашел бы работу на верфи или в космопорту, но заказов на гражданских верфях не так-то много, как кажется.

– Он повсюду искал, ну и в конце концов я ему предложила попробовать тут. – Она напомнила Вику, что всем сейчас тяжело и на усыхающем рынке труда не всегда удается перебирать предложениями; к счастью, вовремя подвернулась вакансия у Поли де Раада. Она сказала, что считает Поли честным работодателем и на зарплату он, как всем известно, не скупится. Она сказала, что наилучшим подтверждением ее слов перед Виком может выступить новый пиджак Антуана. Правда, красивый?

Вик согласился, что подтверждение и впрямь веское.

– Мне там в общем-то нечем было заниматься, – резко перебил их Антуан, имея в виду бар Лив Хюлы. По его мнению, в этом и состояла проблема. – Но ведь мне только и требовалось, чтобы как-нибудь приспособиться…

– И все же, – сказал Вик, – разве ты не грустишь по тем

веселым ночкам у Лив?

– Еще одно преимущество моего нынешнего положения в том, что меня называют просто по имени. Я предпочитаю, чтобы ко мне обращались именно так. А не *Толстяк Антуан*, как на некоторых стыковках.

– Я очень рад, что ты похудел, – ответил Вик.

Ирэн, с ее отточенными инстинктами и восприятием жизни Моны, Вик Серотонин казался котом, который гуляет сам по себе. Когда Вик осушил бокал и распрощался, куртуазно добавив в сторону Ирэн: «Ты бы этой ночью держала хвост пистолетом», Мона учуяла все, что сам Вик о себе и своем нервном напряжении не знал. Она следила, как Вик удаляется через толпу посетителей «Семирамиды» и задерживается на миг у дверей поговорить с Элис Нейлон. Она печально сказала себе:

– Я знавала миллион таких мужчин.

Ей пришлось признать, что темноволосый Вик, с его грустными, но решительными глазами, – само воплощение нью-нуэвского танго. Но он не разбирается в людях, да и в себе. Она иначе не могла объяснить. Кот, который гуляет сам по себе и при этом знает себя хуже, чем его самого – остальные. Она накрыла своей ладонью ладонь Толстяка Антуана.

– Вик Серотонин, – сказала она, – постигнет реальность мира, но слишком поздно, и поймет, что все мы в этом мире лишь гости.

Толстяк Антуан передернул плечами.

– Не надо нам про него думать.

Так он сигнализировал, что неплохо бы продолжить прерванный появлением Вика разговор. Тот же самый разговор, что и в любую другую ночь после гибели Джо Леони: о том, как они вскоре покинут Саудади и пустятся в новое странствие по гало, но на сей раз вместе. Как справедливо указывала Ирэн, это вполне естественный исход событий, ведь нужда в таком путешествии, по определению, впервые и свела их вместе.

– Я пыль стольких планет отряхнула с волос своих, почему бы и не этой? – восклицала Ирэн. – Джо бы этого хотел. О, я знаю, что он бы желал для меня такой судьбы! – Глаза ее лучились беспечным сиянием. – О Антуан, разве так не было бы лучше?

Антуана не слишком порадовал поворот беседы. Каждый раз, когда так получалось, он напоминал Ирэн, что в порту достаточно попутчиков лучше и богаче его, хотя, без сомнения, и сам Антуан в дни славы своей не уступал им. В ответ она всегда заявляла:

– Не надо принижать собственных достижений, Антуан!

Если он будет на себя наговаривать, предупреждала Ирэн, она его бросит. Она говорила, что ей очень повезло встретиться с

таким достойным человеком, как Антуан, в жуткую ночь смерти Джо. Ирэн была известна непреклонным убеждением, что в жизни необходимо следовать велению сердца и не принижать собственных заслуг. Их ждет блестящее будущее, сказала Ирэн, и жаль, что люди вроде Вика сроду не отыщут пути туда.

* * *

Не подозревая о столь резких высказываниях в свой адрес, Вик Серотонин шел через Манитаун в сторону Корниша. Получасовая прогулка привела его в тень позади заброшенного причала, и он остановился, глядя на песок. Ни прилив, ни отлив: море сияло, будто там, совсем рядом с горизонтом, что-то происходило. У периметра Зоны Явления прибой приобрел фиолетовую окраску, а пенные волны загадочно пахли окислителями и гелем после бритья. Это место было похоже на опустевший танцзал.

Вик знавал такие места. Он выработал специфический нюх на места, застрявшие на полпути между городом и Зоной Явления. Но тут ничего не почувствовал, только решил, что никого этим путем не поведет. Вику маршрут не понравился. И как путь отхода тоже не приглянулся. Он закурил. Он стал смотреть и слушать. За его спиной, исторгая облачка пара в прохладный воздух, шумно дышали рикши на парковке кафе «Прибой», формой как надтреснутая ракушка. В бар подтягивались клиенты, посмеиваясь и отмахиваясь от запутавшейся в волосах рекламы. Каждый раз, как открывалась дверь, наружу вылетали звуки музыки. Вик такой музыки не любил, но все равно зашел.

Покинув заведение часом позже, он не узнал ничего нового. Имитация декора Сандры Шэн. Зал со стоячими местами. Переполненные пепельницы, заваленные использованными салфетками столики, полупустые подносы да бутылки из-под пива «Жираф». С кухни тянуло готовкой. Под красной неоновой вывеской «ЖИВАЯ МУЗЫКА ВСЮ НОЧЬ» непритязательная парочка музыкантов без устали бибопила ремиксы сентиментальных хитов прошлого года. В туалет было не протолкнуться: оттуда все время кто-то выходил. Вик прислонился к барной стойке, послушал джаз и покачал головой, потом резко развернулся на пятках и протолкался к двери. Если тут что-то и творится, то он не понял, что именно.

Он взял рикшу назад в город и попросил девушку притормозить рядом с детективным агентством в верхнем городе, на перекрестке Юнимент и По, где работал Лэнс Эшманн.

Миновала полночь. Влажный ветер носил по опустевшим мостовым обрывки бумаги. На втором этаже горело одно из окошек. По ту сторону жалюзи двигались силуэты. Несложно было вообразить, как Эшманн там пьет ром и методично расхаживает по кабинету, втискивая Вика в схему некоего злодеяния, о котором сам Вик ни слухом ни духом. Что забыла Полиция Зоны в кафе «Прибой»? Может, подельники Поли де Раада из ЗВК там проворачивают свои операции с артефактами. Но зачем тогда притягивать к этому делу за уши Вика Серотонина? Поли тронуть боятся, субчики?

– Эй, дядя, – напомнила ему рикша, – ты лошадку нанял, чтоб скакала?

– Так скачи, – сказал Вик.

– Ты же знаешь, если долго стою, блевать начинаю. Людям это не нравится.

– Извини, – сказал Вик.

– Жизнь слишком короткая для извинений, милок.

Вик слез с рикши на краю поросшей бурьяном парковки в нескольких кварталах от своего дома в Саут-Энде, затем направился домой в обход. Хвоста не засек, но, войдя в подъезд, понял, что обманывать возможных преследователей было незачем. Для него оставили пакет. Вскрыв его, Вик обнаружил маленький блокнот в кожаном переплете. На обложке была нарисована рука с букетом цветов. Хотя цветки все росли из одного стебля и были одной формы, расцветка их различалась. Он подумал было, что это Эдит Бонавентура нашла дневник отца и передала Вику. Но почерк не принадлежал Эмилю, а первая фраза гласила: «В смятении ли я, когда вспоминаю или пытаюсь вспомнить пору, предшествующую детству?» Серотонин раздраженно воззрился на эти слова, затем поднялся наверх к себе в квартиру, но света включать не стал, а подошел к окну в темноте и выглянул на улицу. В десяти—двадцати ярдах на другой стороне улицы кто-то стоял и смотрел на него. Это была женщина из бара Лив Хюлы. Лицо ее отбеливал свет газоразрядных ламп и обрамлял воротник меховой куртки. Когда Вик распахнул окно и позвал, ее уже и след простыл.

* * *

Несколькими часами позже на другом конце города человек, похожий на Эйнштейна, вошел в бунгало своей покойной жены на берегу моря.

Входная дверь, просоленная брызгами, иногда заклинивала,

даже если на нее приналечь. По линолеуму в коридорах скрипел песок. Не включая свет, Эшманн остановился и позволил глазам привыкнуть к слабым отблескам, которые море отбрасывало здесь на любую поверхность. Он осторожно прошел на кухню, вытер окно и посмотрел на океан.

– Ты как там? – сказал голос мертвой жены. – Видишь вон тот корабль?

Кухня пустого дома: пустые чашки, пустые полки, слой пыли и песка повсюду, тонкий и грязный. Эшманн набрал теплой воды из-под крана в пригоршню и омыл ею лицо. Затем спустился в прихожую и снял с вешалки плащ.

Пока он одевался, голос мертвой жены спросил:

– Ты видишь тот же корабль, что и я? Вон те огни справа от Пойнта?

При жизни она то и дело задавала ему такие вопросы, стоял ли он рядом или лежал в постели с другой через полгорода от нее. Она почему-то никогда не доверяла своим глазам.

– Вижу корабль, вижу, – заверил он ее. – Это просто корабль. А теперь иди спать.

Умиротворенный неожиданно всплывшим с недоступного дотоле уровня памяти фрагментом разговора, он сел, расстегнул ворот рубашки и связался с ассистенткой, которой сказал:

– Надеюсь, у тебя для меня хорошие новости. Потому что со вчерашнего дня дела идут наперекосяк.

Он знал, что утверждение это двусмысленно. *Ну и пусть*, – подумал он.

После налета на клуб «Семирамида» они поругались в машине.

– Я не хотел перестрелки, – сообщил он ей тогда. – Придется теперь извиняться перед Поли.

– Поли – жестокий подонок.

– И все же. Перестрелка – не мой способ решать проблемы. Ничего не нашли и пропалили им стену, разве ж это работа? Детей перепугали! Проблема с де Раадом та, что он не меняется. Он никогда не поумнеет достаточно, чтобы измениться к лучшему для себя, и не поглупеет достаточно, чтобы измениться к лучшему для нас. Такой уж он, Поли.

Он коснулся ее руки.

– И не гони так, – попросил он. – Не хочу терять эту отличную машину. Не хочу никому причинять вреда.

Она уставилась перед собой и чуть прибавила скорость. В Манитауне сновали рикши и пешеходы; «кадиллак» то выныривал из раннего вечернего потока движения, то застревал в нем. Остановка, вперед, остановка, вперед; Эшманну стало не по себе.

– Это не дети были, – сказала ассистентка.

– Я понимаю твои чувства; ты рассержена.

Налет на клуб «Семирамида» не принес ничего нового. Он ничего и не ожидал, – в конце концов, кто бы стал прятать запрещенный артефакт в задней комнате клуба? Даже Поли де Раад не станет. Сам не понимая почему, Эшманн с тех пор то и дело возвращался к кафе «Прибой», повторяя про себя: *Там все начинается. Если у тебя нет объяснений, присмотрись к этому месту внимательнее.* Вечером он проследил своих големов бибопа до точки, где они в буквальном смысле сдали в сторону и исчезли – в тесном переулке центра Саудади. Чистый трюк, словно шулерский. Один из десяти чуть подзадержался, видимо собираясь поискать себе ночлег.

– Это что-то да означает, – говорил Эшманн ассистентке. – Десять процентов не такие слабаки. Они чего-то хотят. Артефакты ли это вообще в привычной нам трактовке?

Она отвечала, что все эти наблюдения-де только подтвердили уже известное. Эшманн пожал плечами.

– Три часа утра, – сказал он. – Не понимаю, зачем ты тратишь свое время на болтовню старпера вроде меня.

– Потому что сегодня вечером, через полчаса после вашего ухода, в кафе «Прибой» заявился Вик Серотонин. Я с тех пор вам пыталась дозвониться.

5
Девяностопроцентный неон

– Ага, – протянул Эшманн.

– Я не могу вам докладывать, когда вы не на связи.

– Да, наверняка.

– Вы отключились и пошли гулять сами по себе, – упрекнула она его. Поняв, что ответной реплики не последует, добавила: – У нас небольшая запись. Хотите посмотреть?

Эшманн сказал, что да.

Дом дернулся и исчез. Эшманн смотрел через нанокамеры на скачущие фигуры в каком-то людном помещении. На видео наложился голос ассистентки: гулкий и лишенный тембральной окраски из-за артефактов при передаче. Казалось, что она близко, но не в одной с Эшманном комнате.

– Порядок? – спросила она. – Это переслали по какому-то низкоприоритетному каналу ЗВК. Все наши линии вырубились.

– С каналом порядок. Сама запись хреновая.

– У них тоже возникли некоторые технические проблемы.

Трансляция имела мало общего с реальностью. Поток картинок пошел волнами, очистился и внезапно переключился в оттенки серого, а черные полосы в медленном тошнотворном ритме покатились сверху вниз в поле зрения Эшманна. Даже опытному пользователю трудно было бы удержаться от дурноты. Но затем возникла вполне отчетливая фигура Вика Серотонина: футах в восьми от Эшманна Вик, в габардиновой куртке и сбитой на затылок кепке, прокладывал себе дорогу через Лонг-бар в кафе «Прибой», пока люди в толпе лихорадочно дергались или неслись куда-то, словно в ускоренном повторе, – могло показаться, что они на ином плане бытия.

– Такое впечатление, – сказал Эшманн, раздраженно качая головой, будто в попытках кого-то переубедить, – что он кого-то там ждал. – Его взгляд фокусировался на одном и том же месте в пустой комнате, терял фокус, снова находил. Люди часто так пытаются повысить качество входящей картинки. Жмурятся, постукивают пальцем по виску над глазом: обычная машинальная реакция, но это никогда не приносит эффекта.

– Вы смотрите с того же ракурса, что и я? – возбужденно спросила ассистентка. – Примерно с уровня пояса? И там, справа от барной стойки, женщина в красном платье?

– Да, я это вижу.

– И вот он. Вы его видите? Он говорил, что в жизни не

слышал про кафе «Прибой», но вот он там. Именно этого-то нам и было нужно!

Эшманн не испытывал подобной уверенности. Он попросил ее закрыть канал, а когда зрение вернулось к норме, произнес:

– Я вижу только мужчину, который зашел выпить в бар. Будь это незаконно, мы бы все уже торчали в орбитальной исправительной колонии. Куда Вик направился потом?

– Неизвестно.

– Это полезная информация.

– Если посмотрите всю запись, то там серьезный сбой примерно на двести восьмидесятой секунде, и они все отключили, чтобы его исправить.

Эшманн поблагодарил ее за картинки.

– А теперь ступай домой, – посоветовал он. – Поспи немного. Нам нужно будет многое обдумать.

Он потер глаза и оглядел комнату, где умерла его жена. Он знал, что останется здесь до утра, полулежа на грязном желтом подлокотнике кресла, в окружении ее вещей. Он будет слышать, как она спрашивает, что сегодня за день, и предлагает ему выпивку. Он проводил здесь больше времени, чем готов был признаться ассистентке, и тосковал по жене сильнее, чем готов был признаться себе.

* * *

Что-то в ролике из кафе «Прибой» привлекло внимание Эшманна, но трудно было понять, что именно. Вечером следующего дня, когда он сидел в Лонг-баре и слушал джазовый дуэт, за соседний столик села девушка и заказала коктейль под названием «Девяностопроцентный неон». Он ее сперва принял за Мону: в красном облегающем вечернем платье и туфлях того же цвета с высоченными каблуками, похожа на Мэрилин Монро.

– Я вас здесь видел, – произнес Эшманн.

Она наклонилась к нему. Попросила спичку; верхняя часть туловища чуть перегнулась в поясе, голова отведена назад так, что все тело выгодно закутано в пелену шелка, джаза и света под «ЖИВОЙ МУЗЫКОЙ ВЕСЬ ВЕЧЕР». Ей только фоторамки из полированного алюминия не хватало до культового образа, одновременно нереального и запоминающегося. Он видел это платье на картинках с нанокамер, в ролике с Виком Серотонином. И что еще важнее, видел его четырнадцать дней назад, когда девушка выбрела, спотыкаясь, из туалета в кафе «Прибой», такая дезориентированная неоновыми огнями и музыкой, словно

сегодня на свет родилась. Ее по-прежнему окружала аура недооформленности, лабильности. Улыбалась она несмело, но платьем обещала многое.

– Я тут часто бываю, – продолжил Эшманн. – Мне нравится здешний бэнд. А вам?

Он на миг отвлекся – раскурить трубку. Отпил немного рому.

– Они, как всегда, испытывают вину, – сказал он.

– Вину?

– Мастерская игра аккордеониста скрывает не интеллект и не душевное расположение, но лишь компульсивное расстройство. Не будь тут никого, он бы все равно играл, сам для себя, соревнуясь сам с собой и с последующими версиями самого себя, рождаемыми этим процессом, пока в итоге вся его неизменная личность не вытекла бы вовне, чтоб он мог расслабиться на секунду в резком свете и сигаретном дыму, как уловленный на старом черно-белом снимке джазмен древности. Вы понимаете?

– Это просто музыка, – заметила девушка.

– А возможно, – согласился сыщик. *Детективу кажется*, – подумал он, – *что все на свете с двойным дном.* Он предложил ей другой коктейль, но девушка лишь рассеянно взглянула на него, словно не поняв услышанного, так что Эшманн продолжил: – Тот, что старше, пришел к иной трактовке, и она может показаться его коллеге слишком простой и самоочевидной. Он считает, что музыка возможна только потому, что невозможна в принципе. – Эшманн едва заметно усмехнулся собственным премудростям. – В итоге, – закончил он, – Вселенная ныне вовлечена в процесс постоянного пересоздания себя самой, руководствуясь двумя-тремя инвариантными правилами и устаревшим музыкальным инструментом под названием «саксофон».

– Но вина? Разве этого достаточно, чтобы они испытывали вину?

Детектив пожал плечами.

– Они соучастники. Вопрос лишь в выборе слов. Лично я предпочел бы нью-нуэвское танго. Оно более душевное.

Она посмотрела на него, отодвинула стул и рассмеялась нервным смехом, показав следы помады на белых зубках. От нее повеяло сильным теплым ароматом – дешевеньким, не слишком скрывающим немытое тело; в каком-то смысле это его успокаивало.

– Прощайте, – сказала она. – Хотя, может, еще увидимся.

Эшманн посмотрел, как она уходит, затем, допив ром, беззвучно выскользнул вслед за нею в черное сердце города, наполненное теплым воздухом. Он обонял ароматы вины и возбуждения, источаемые жалюзи на окнах. Он обонял ее восторг

от пребывания здесь, в красочном городе Саудади. Разве она не слышит его шагов? Он не понимал, как она представляет себе мир, но был уверен, что она его не забыла; насколько это опасно? Он последовал за ней в дом без горячей воды и лифта за молокозаводом на Тайгер-Шор, взбежал по нескольким пролетам металлической наружной лестницы, чтобы перехватить ее у двери, опустив руку на теплое плечо. Она завозилась с ключами, заслышав его топот. Уронила. Подняла.

– Стойте! – приказал он. – Полиция. Без меня не входить.

Она уставилась на него отчаянным взглядом, потом за его плечо, словно там было что-то еще, кроме города.

– Пожалуйста! – взмолилась она. – Я не знаю, что сделала не так.

– И я тоже не знаю.

Он хотел побывать там, что бы дальше ни случилось.

Квартира была голая: серые половицы, единственная лампочка без абажура, одинокий деревянный стул. На стене против окна тени ставен падали на постер с эмблемой «SURF NOIR».

– Ну-у, – протянула она, – а почему бы вам не присесть?

Она наклонилась расстегнуть ему плащ, и Эшманн на миг углядел ее груди в разрезе красного платья. Она присела, и он услышал ее дыхание. Негромкое, слегка хриплое, как у простуженной. Потом она освободилась от платья и села на Эшманна верхом. Так близко, что он теперь понял: в неоновом свете кафе «Прибой» ее походка, тени под глазами, застрявшая в обрамленных нежным пушком уголках рта печаль обманули Эшманна, выставив девушку старше истинных лет. Когда он кончил, она прошептала:

– Туда. Теперь туда.

Она уже месяц в одном и том же платье. Она жертва, но чего и чья? Он не знал. Он понятия не имел, что она такое. Почему он обоняет ее запах, но не чувствует собственного? От этой мысли ему стало не по себе.

– Где ты спишь? – озадаченно спросил он. – Тут же кровати нет.

Девушка на миг смутилась. На очень краткий миг. А когда Эшманн тряхнул головой, прочищая мозги, и развернулся заплатить ей, она уже стояла в углу комнаты, в бессловесной панике глядя в точку между стен. Она узнала достаточно, чтобы понять, чего от нее хочет город, но не более. Новая одежда валялась на полу, чистая, но смятая, словно девушка пыталась ее носить, но не понимала как. Она собирала разные предметы: цветные перышки на палочке, непочатую бутылку

«Девяностопроцентного неона»… Под его взглядом девушка начала таять, но Эшманна вынесло на металлическую лестницу задолго до окончания процесса. Он вернулся в Лонг-бар и пил, пока руки не перестали трястись. Окруженный светом и музыкой, он подумал расслабленно: *Какая разница, кто она, если в этом месте каждый вечер нечто вторгается в мир?* И виновато отчитался ассистентке:

– Думаю, я начал понимать, что здесь происходит.

* * *

Двумя днями позже, держа руки в карманах после обеда в компании верной подружки-бутылки, Вик Серотонин заявился в бар Лив Хюлы и, прислонясь к двери, стал смотреть, как течет в Зону кошачья река. Он простоял так пять минут, а поток на Стрэйнт все не оскудевал.

– Заплатить можешь в любое время, – сказала ему Лив Хюла из-за оцинкованной барной стойки.

– Ну да, – отозвался Вик.

Он молча постоял еще пару минут, потом поднял воротник и ушел.

Лив Хюла оттирала пятно на стойке. Покончив с этим, кинула тряпку в раковину.

– Всегда рада тебя видеть, Вик, – тихо проговорила она. – Приходи еще.

Поднялась наверх и включила «Радио Ретро», но там как раз объявляли предстоящие вечерние бои, а это ей напомнило про Джо Леони.

Снаружи простирался Саудади.

В одну сторону – высокие черные и золотые башни делового центра и туристических отелей, исчерканные загадочными шифрами огней; в другую – пастельные тона Корниша утопают в закате неестественно горячих зеленого и розового оттенков. Между ними – море; где-то сразу за величественным накатом прибоя – горизонт, будто складка на листе бумаги цвета голубиного пера. Ветра с моря продували улицы, принося ароматы морепродуктов и дешевой выпивки; они были настойчивы, как рука на плече. Отели пустели, бары переполнялись, из всех дверей неслись басовые рулады сёрф-нуара.

Вик Серотонин шел, равнодушный к ним, не переставая пожимать плечами.

Вик был крайне озадачен. В одном кармане он нес дневник в

кожаном переплете, в другом держал пистолет Чемберса.

Он спустился по Стрэйнт до пересечения с верхними номерами Нейтрино, где двое рикш и их клиенты уже увязли в предвечерней пробке, свернул налево на Кахуэнгу[22] и добрался до Хот-Уоллс. У него ушло пять минут на поиски нужной двери; шесть этажей узкого высокого дома были заняты квартирами. Вик позвонил. Ждать пришлось долго, так что он успел звякнуть еще дважды. Потом неуверенный голос отозвался:

– Кто там?

– Помните меня? – спросил Вик. – Вы хотели со мной увидеться. Вы хотели, чтоб я вам помог.

– Заходите, мистер Серотонин.

Вик взлетел по лестнице через две ступеньки.

* * *

Дневник Вика встревожил, но удержаться от чтения он не мог.

«Я страшусь неизвестного, – писала она, – но известного бояться куда хуже». Много страниц подобных рассуждений. Много записей о дорогостоящих покупках: рикши бизнес-класса напрокат, обеды-ужины в дорогих ресторанах вроде «Эльс и Энсиентум», нижнее белье от Уэст, умные книги в «Паркер и Брайт». Описания боев: сполохи горящей нефти, своеобразная антииллюминация над ареной, запах жженой корицы, культивары в бивнях и татуировках, вздыбленные члены, как у жеребцов, неожиданный укол восьмидюймовой пикой – а потом что-то скользкое, свитое кольцами вылетает наружу и падает остывать в тень. «Моральная сторона всего этого, как мне кажется, никого не заботит», – подытожила она после боев. Отлично. Не слишком глубокая мысль, но вполне понятная. Такого дневника путешествий и можно было ожидать. И тут ее снова уносило: «На всем вокруг жирный грязный налет уже известного. На что угодно пойду, чтобы избежать уже известного».

Трудно было ее классифицировать. Сперва казалось, что она в Саудади провела много времени; потом казалось, что нет. Но если она и принадлежала к какому-то другому месту, то ключей к разгадке не оставила. Возникал образ женщины, которая удостоилась существенных привилегий одной планетой раньше, чем удержала в памяти, и, как следовало ожидать, потерялась в космосе. Время, свободное от еды, покупок и прогулок по городу, она проводила дома, и ее напряжение нарастало. Она писала, что любит свою квартиру, но отношения с городом у нее не

складываются, получаются неконструктивными. Несмотря на это, она не пыталась сесть на корабль и улететь отсюда, как на ее месте поступила бы любая туристка.

«Обречена ли я на такую жизнь? – спрашивала она себя. – И обречены ли на нее другие существа? Такой ли они ее воспринимают?» Вику стало любопытно, кто эти *другие существа*.

Но ответов не находилось, а язык дневниковых записей оставался смутным, потому что истинный их предмет – глодавшее автора беспокойство – никуда не уходил, но и не получал отражения; и каждое сделанное в дневнике наблюдение словно бы наливалось двойным смыслом. В результате даже описания физических объектов казались слишком плотными и зашифрованными. Страницы источали запахи городского центра: кофе, духи, полированное дерево. Очень слабые нотки человеческих феромонов. Вику не удалось вообразить сцен секса. Запахи перемежались словами, будто те сами составляли часть его ощущений: «Мне постоянно снятся безумные сны. Человек выплевывает змею. Ему помогает еще кто-то. Крыша их дома в огне. Они сторонятся друг друга, но кажутся переплетенными, хотя язык их тел уже утратил всякий смысл. Ждет ли меня нечто подобное в Зоне? Сулят ли это мои сны? Не хочу туда идти, но должна». Вик, не находя объяснений такой комбинации паралича и потребности, раз за разом возвращался к записи, которая первой попалась ему на глаза: «В смятении ли я, когда вспоминаю или пытаюсь вспомнить пору, предшествующую детству?» И, как если бы этого было недостаточно: «Огромные долгоножки, стрекозы и саранчовые каким-то образом заполонили мою жизнь и обрели для меня символическое значение. Это инопланетные виды, воплощения инаковости, хрупкие и устрашающие, хотя и сами они, как кажется, пугались меня. Они обычно заводили разговор через посредство женщины, которая мне известна как Девушка, Лежащая под Стрекозой. Она переводила для них, захваченная ими, наэлектризованная, вытолкнутая прочь из себя, одержимая их потребностью. У нее не осталось собственной жизни. Она стала радио, ретрорадио. Она лежала на сыром черном пепле. Это была я. Они сидели над ней, дрожа. Они пытались объяснить через ее посредство, как скверно все обернулось. Как их сюда забросило волею неконтролируемых обстоятельств. И что они не стремились сюда попасть. В каком-то смысле они и суть мои родители, но в мир, каким мы его знали, никогда не стремились попасть».[23]

«Между инцестом и инсектом, – подытоживала она, – различие всего в букву».

Даже для детства на другой планете переживание

экстремальненькое.

* * *

И наконец он узнал ее имя, которым были заполнены две-три страницы: монограмма из неуклюжей стала натренированной и свободной. Имя ее было Кьелар.

«Миссис Элизабет Кьелар, – писала она снова и снова, как девочка, перебирающая будущие имена для побега из дорогой нью-венусборгской школы. – Элизабет Кьелар. Миссис Кьелар».

Вику имя показалось неудобным, но все же это было имя. Она стояла, неуверенно глядя на него. Шубка, вызвавшая такой восторг у Ирэн, была небрежно накинута поверх атласной комбинации цвета устричной мякоти, и в коридорном свете казалось, что под тонкими ключицами клиентки залегли синие тени.

– Извините, – проговорила она. – Я…

– Извинений, – сказал Вик, – всегда оказывается недостаточно.

Он оттолкнул ее и вошел в квартиру. Апартаменты вмещали семь или восемь комнат, и все межкомнатные двери были распахнуты, открывая полный обзор анфилады. По всей длине ее, на левой стене, тянулись одинаковые окна, подсвечивая квартиру, точно ресторан или галерею. Вик чувствовал, как клиентка стоит позади, зябко кутаясь в шубку, наблюдая за ним с неизменным мягким удивлением. От нее пахло духами «Anaïs Anaïs» и каким-то дорогим цветочным мылом.

– Вы же это понимаете, – настойчиво произнес он, не оглядываясь, – но до сегодняшнего дня никогда не признавали. – Он помахал в воздухе дневником. – Зачем вы мне это отдали?

Она тихо притворила дверь.

– Вы сердитесь, – сказала она. – Не понимаю, почему вы так сердитесь.

– Я не могу работать, когда настолько не уверен в клиентке.

– Не хотите выпить? – Она словно бы собралась с мыслями. – Я спала, когда вы пришли. Пожалуйста, проходите, выпейте чего-нибудь.

– Я хочу знать, – сказал Вик, – что, по вашему мнению, вы можете от меня получить.

– Так не пойдет. Вы очень сердились. Я больше опасалась вас, чем этого места.

– Может, вам сейчас так и кажется, – отозвался Вик.

В конце концов, а что ему оставалось, как не пожать плечами?

Он прошел за ней по странной анфиладе комнат, принял предложенный бокал, сел на краю софы, покрытой зеленой синелевой накидкой, и стал смотреть, как клиентка устраивается на другом краю, подальше от Вика. Она села, поджав колени. Распахнула шубку и посмотрела на Вика в ответ. Вик представил себе пантомиму: вот он встает, аккуратно кладет ее дневник на столик, что означало бы: *с меня хватит*, и спокойно уходит, не сказав больше ни слова. На столике стояла узкая стеклянная ваза. По утрам резкий утренний свет наверняка падает сквозь нее, присоединяя прозрачную тень вазы к четкой тени оконной рамы.

– Вы любите этот напиток? – спросила она. – Вы его предпочитаете в таком виде?

Помолчав немного, он сказал:

– Когда вы появились в баре Лив Хюлы, я вас за туристку принял. Я ошибся. Вы на нас обоих навлекли опасность.

– Мистер Серотонин, я…

– Посмотрите на меня, – попросил Вик. – Послушайте. Я вам вот что скажу. Тут самые ненадежные люди – те, кто чего-то ищет. Им со своими жизнями трудно разобраться. Они являются сюда в надежде на перемены к лучшему, но они так долго надеялись, что это делает их опасными. Никогда не знаешь, что с ними случится там. Они считают, что им там чего-то надо, – а куда проще было бы остаться по эту сторону вещей. – С женщинами вроде этой он говорил именно в таком тоне. Обычно беседа проходила в баре Лив Хюлы или в номере одной из туристических гостиниц.

Он проглотил напиток. Подался вперед.

– Вы меня понимаете? – спросил он.

Она вздрогнула и вдруг резко запахнула шубу.

– Вы сердиты, – сказала она, – потому что боитесь.

Вик пожал плечами и улыбнулся.

– Хорошо, что мы нашли общий язык, – вежливо заметил он. Она поджала губы и отвернулась: напряглись длинные сухожилия на шее. Вик видел, как ее раздирает напряжение. Кожа клиентки чуть потемнела в сравнении с тем, что ему помнилось.

– Я этим утром, – тихо проговорила она, – тут час без движения просидела. У меня тело затекло. Я чего-то жду и даже не знаю, из какой части моей жизни оно возникнет. – Она быстро обернулась к нему и бросила: – А вам случалось сбиваться с пути?

Глаза ее были любопытного оттенка, не то карие, не то зеленые, такие широкие и целеустремленные, что он не рискнул в них заглянуть, забоявшись вдруг разочаровать ее невесть чем.

– А разве я бы не понял? – ответил он.

– Люди сбиваются с пути, решив защитить себя. Затем паникуют и решают, что неплохо бы найти этот путь снова.

Она встала с софы и с улыбкой остановилась перед ним.

– Пойдемте посмотрим, – сказала она. – Пойдемте со мной, выглянем в окно.

Он не ответил, но она все равно направилась к окну.

– Я вас ждать не буду, – произнесла она. И тут же: – Взгляните!

Снаружи простирался Саудади: крыши и улицы уходили во все стороны в мягком сумраке под дождем. Полосы света. Пешеходы и транспорт снуют в неоновых огнях, объявления носятся, как пастельные насекомые. Далекие крики и смех. А за пределами всего этого, за туристическим портом и военными шахтами, на грани видимости, едва заметная – беловатая, неспокойная, как прибой, граница Зоны Явления неутомимо па́рила ненадежной физикой. Красивое зрелище, но очень странное. Над городом растянулся в чернильно-черном небе Тракт Кефаучи, словно порождающий принцип космологии. Вик Серотонин и Кьелар стояли рядом. Он слегка хмурился, словно что-то почувствовал, но без уверенности. Наконец опустил на нее взгляд.

– Тихая ночь, – сказал он.

Она улыбнулась.

– Да? – сказала она. – А зачем вы сюда пришли?

– Не знаю.

– Говорите себе что хотите. Это не поможет.

Шубку она снова распахнула. Свет городских фонарей расплескался по узким ключицам, на краю атласной комбинации кожа приняла оттенок бальзамического крема. От нее повеяло неожиданным теплом. В тот миг, как он это понял, поняла и она. Издав низкий смех, отступила на пару шагов.

– Вам же не нужно было со мной видеться. Зачем себе нервы трепать из-за какой-то туристки? Это не из-за дневника. Это из-за меня.

Вик уже обнял ее за плечи – маленькие, округлые.

– А что это? – проговорил он. – А что это у нас происходит?

И начал целовать.

Не размыкая поцелуя, она попятилась к софе и утянула его туда. Вик стянул с клиентки шубку и подцепил комбинацию на талии, чувствуя, как веет теплом на лицо; даже через пелену возбуждения он заметил слабые искорки света на ее коже. Она оказалась из тех, кто сопротивляется и извивается. Некая внутренняя борьба – такая же настойчивая, как желание. Узкие косточки, кожа да мышцы… Таких прошибает по́том, стоит коснуться одежды. Им все мешает. Не знаешь, хотят они тебя или нет, но что-то внутри не дает им остановиться. Она укусила Вика

за руку. Нетерпеливо отбросив шубу в сторону ногой, устроилась на нем и ввела в себя.

– Господи!.. – вымолвил Вик.

– Тебе нравится, – произнесла она. – Тебе это нравится. – Тихо, возбужденно задышала; ей, видимо, тоже нравилось. Мгновение сидела, улыбаясь потолку, затем подтянула ноги и стала говорить «да» настойчивым, но медитативно-отстраненным голосом, в ритме фрикций Вика:

– Да. Да. Да. Да. Да.

Он кончил.

– Как же тебе этого хотелось! – сказала она.

Вик попытался освободиться, перекатиться поодаль и сесть; он в жизни еще не бывал так удивлен. Клиентка лишь оплела его ногами и схватила за плечи, не давая уйти от ее взгляда.

– Мистер Серотонин, вы меня отведете в Зону?

Он уставился на нее и помотал головой. Оттолкнул ее и высвободился.

– Это Вик, – густо выдохнул он, сидя на краю софы, глядя в окно и говоря скорее с собой, чем с клиенткой. – Я Вик.

Он чувствовал себя использованным. Он непонятно как себя чувствовал. Он просидел в этой позе с полчаса, выгнув спину в ее сторону оборонительной дугой. Оба молчали. Потом он развернулся и снова взял ее. Отводя глаза, чтобы сдерживаться, она шептала:

– Ты не знаешь, кто ты.

Когда Вик проснулся, еще стояла ночь, и он был один.

Он пошел искать ее в анфиладе комнат. Белая обивка и слои каких-то этнических тряпок сменялись мраморной плиткой до уровня плеч да крупными черными и белыми квадратами линолеума; затем потянулись зеленые шелковые обои и темные половицы, неравномерно истоптанные, но как следует отполированные. Везде предметы: перья с мертвого чужака, музыкальные инструменты и их угловатые тени, три наброска портретов чьих-то предков в тонких черных рамах японского стиля. Керамика неведомой культуры, за тысячу лет отсюда по Пляжу миллион лет как слитой в канализацию. От комнаты к комнате все менялось, кроме окон, и через окна падал ровный чистый городской свет, отбеливал цвета, подчеркивал музейный простор, приближал все на своем пути к пустоте. Он обрадовался, что его пробили мурашки. Это значило, что он жив.

– Миссис Кьелар? – позвал он. Вот она: полулежит, обнаженная, на подоконнике, поджав ноги и выгнувшись в талии так, чтобы не смотреть на него. Острые хрупкие плечи поддерживали верхнюю часть тела, опираясь о подоконник;

руками она закрыла лицо. Она едва заметно покачивалась из стороны в сторону. Вик коснулся ее.

– Миссис Кьелар?

Ответа не последовало. Язык ее тела говорил, что она ждет самого страшного.

«У меня тело затекло, – вспомнил он. – У меня тело затекло».

– Я вас туда отведу, – пообещал он. – Скоро.

* * *

В другом конце города человек, похожий на Эйнштейна, удовлетворенно посасывал пустую трубку и кивал собственным мыслям.

– В кои-то веки эта технология сработала, – сказал он ассистентке. – Он у нас на крючке.

И снова покивал.

– Вик у нас на крючке, – сообщил он.

– Не понимаю как, – отозвалась ассистентка.

Уже светало, она проголодалась. Они десять часов напролет сидели в офисе Эшманна, склеивая воедино разрозненные детали нанокамерных записей; Вик Серотонин, сам того не зная, пронес эту устаревшую глючную аппаратуру в квартиру Элизабет Кьелар, и нанокамеры смешались с пылью, аэрозолями пота и влаги от дыхания, крошечными, дрейфующими в воздухе частицами кремовой кожи хозяйки. Кончилось дело тем, что поток картинок заморозила своеобычная последовательность ошибок декодирования и ретрансляции, и Эшманн с ассистенткой остались сидеть, глядя, как обнаженный турагент заботливо склоняется над Элизабет Кьелар, распростертой поперек подоконника в неуклюжей позе, открыв рот что-то сказать ей и отражая свет одним глазом так, что возникала неуместная ассоциация с настороженным псом.

– Отвези меня домой, – велел Эшманн, – и, может, я тебе по дороге расскажу.

Но в машине он передумал и взялся рассказывать про свою жену. Ассистентка не поняла, с какой стати. По его настоянию она опустила крышу. Вид у детектива был усталый и веселый, он казался чуть уязвимее обычного, седые волосы растрепались в потоке холодного утреннего воздуха над «кадиллаком». Ассистентка предложила остановиться где-нибудь перекусить, но сыщик раздраженно отмахнулся.

– Моя жена, – продолжил он, – страдала агорафобией. Ты этого не знала.

Ассистентка затруднилась с ответом, сбившись на череду обычно успокаивающих ее действий: глянуть в зеркальце с водительской стороны, переключиться на другую передачу, притормозить, пропуская стайку культиваров, что брели через дорогу перед «кадиллаком», – пьяные, избитые в мясо, довольные после кровавых боев на арене.

– Тебе полезно будет узнать, – сказал он. – Тебе стоит меня послушать сейчас, если хочешь понять значение убийств Неонового Сердца.

– Я могу слушать и рулить одновременно, – заметила она.

– Ты так говоришь.

Повисла тишина. Затем он продолжил:

– Некоторым агорафобам даже стук в дверь кажется вторжением в их личное пространство. За них кто-то должен отвечать. Но стоит войти к ним в дом, как попадаешь в плен к чудовищу.

В комнатах его жены, говорил Эшманн, каждый квадратный дюйм мебели и пола был чем-то заставлен, так что непонятно было, как пройти от двери к дивану.

– Там приходилось двигаться с крайней осторожностью. Любые быстрые движения обрушили бы этот лабиринт, – он рассмеялся, – и даже существовал специальный код: три-четыре раза дернуть за шнурок, чтобы зажечь свет в туалете. Понимаешь, они такой дискомфорт испытывают на людях, что отыгрываются властью над личным пространством.

Он, кажется, ожидал какого-то ответа, но не получил его. Наконец ассистентка отозвалась:

– Бедняжка. Где будете завтракать?

Эшманн скрестил руки на груди и уставился перед собой.

– И это все, что ты можешь сказать? «Бедняжка»? Такие болезни очень просто вылечить, нет надобности с ними жить. Ты в это веришь, да?

– Я думала, вам есть хочется.

– Агорафобия – агрессивная территориальная стратегия: отказ выходить принуждает окружающих стремиться внутрь, насколько это допустимо. На территории больных агорафобией попадаешь в лабиринт агорафобии.

– Не понимаю, – ответила она, – какая тут связь с убийствами.

– Ты слишком нетерпелива.

Преступления начинаются и заканчиваются, говорил Эшманн, но эти убийства продолжаются.

– Они продолжаются поныне.

В голосе его прозвучало горькое удовлетворение. Новая

жертва, новые стихотворные строчки, и никакой связи, кроме бритой подмышки и татуировки в кармодийском стиле.

– И разумеется, – напомнил ей Эшманн, – кроме самого расследования.

Он давно запретил обычным сыщикам расследовать эти убийства. Послужной список и ранг ему позволяли так поступить: он раскрыл слишком много преступлений и взял на себя слишком много бумажной работы. Ширились слухи, что Эшманн и есть убийца. Большинство полагало, что он мог бы так замаскироваться.

– И что?

– Остановись тут, – приказал Эшманн. – Здесь можно отлично позавтракать.

Они остановились у тротуара возле «E Pellici».

Заведение в средних номерах Нейтрино отличалось ужасающим содержанием холестерина в меню, отделкой в стиле ар-деко и упором на café électrique. Важнее, сказал Эшманн, что тут чувствуется запах животного жира, на котором еду готовят. В этот утренний час «E Pellici» заполонили рикши в розовых и черных костюмах из лайкры, подзаряжаясь диетическими блюдами. Они бочком продвигались к стойке, вертя головами: обычные сиденья для них не годились, а в обществе людей нормального роста девчонки чувствовали себя неловко. Эшманн улыбнулся им, пара-другая улыбнулись в ответ. За едой он, казалось, позабыл про жену и убийства. Ассистентка, обрадовавшись этому, перевела разговор на Вика Серотонина.

– Ах, наш бахвал Вик! – сказал сыщик с вернувшимся на углеводной волне юмором. – О Вик, – посетовал он таким тоном, словно Серотонин сидел за соседним столиком, – Вик, Вик, Вик. – Пренебрежительно взмахнул рукой. – Помимо секса, в целом малооригинального, Вика связывает с этой Кьелар еще и заговор, и мы теперь можем это доказать. Значит, Полиция Зоны имеет право вмешаться. Мы вправе его задержать и поговорить.

– Не вижу, как бы это нам помогло.

– Давай сформулируем вопрос следующим образом: с какой стати Вик должен тут шляться и беспрепятственно обстряпывать свои темные делишки, если мы не добились, чего хотели?

– Его в любой момент можно было арестовать.

Эшманн передернул плечами. Улыбка его намекала, что, хотя ассистентка недалека от истины, девушка тем не менее упускает важное обстоятельство, на которое Эшманн ей по доброте душевной сейчас и намекнет.

– Вик раньше не представлял ценности, – сказал он, – а сейчас представляет.

Он раскурил трубку и откинулся на стуле.

– Ешь, пока не остыло, – посоветовал он. Понаблюдал за ней с минуту, кивая и ободряюще усмехаясь при каждой встрече вилки со ртом, затем сказал: – Все это время такие, как я, ошибались. Мы боялись Зоны, но не по тем причинам, по каким стоило бы. – Ассистентка не повелась и продолжала смотреть в тарелку. – Мы шестьдесят лет[24] пытались контролировать то, что оттуда появлялось, – новый код, новые разновидности сбежавших артефактов, весь этот чужацкий хабар, чье поведение не то что предсказать сложно – порой вообще неясно, для чего он нужен. Но мы никогда не задумывались: что, если эта дорога с двусторонним движением?

Она от удивления перестала есть и воззрилась на него.

– Туда же ничто не попадает, – сказала она.

Эшманн с улыбкой покивал.

– Отличный ответ, – проговорил он. – Ты в этом уверена, не так ли? – Он вручил ассистентке разогретое полотенце. – Вот этим вытирают губы.

* * *

Следующим вечером Вик Серотонин отправился на бои.

Он их не очень-то жаловал. Можно, как это часто делают, утверждать, что все бои разные, но это различие проистекает из преодолеваемого сходства, засим повидал один бой – считай, повидал их все. Так полагал Вик. Но он сильно переживал из-за предстоящей повторной вылазки с Кьелар в Зону и решил снова попытаться раздобыть дневник Эмиля Бонавентуры – в надежде, что, вопреки очевидным соображениям, там обнаружится более точная и надежная карта, чем состряпанные Виком. И может, именно она даст ему преимущество. Вик позвонил Эдит Бонавентуре и пригласил ее в «Prêter Cur».[25]

– Я знаю, тебе там нравится, – сказал он ей.

– Я бы пошла, Вик, – ответила Эдит, – но Эмилю, ну ты знаешь, не очень хорошо. Как он мучается за свои грехи! И мне голову мыть надо будет. Так что пока, и постарайся развлечься. – Она отбила вызов.

Вик со вздохом повторил его.

– Тебе нужно куда-то выбраться на вечер, Эдит, – настаивал он.

– Кроме того, – ответила Эдит, словно разговор и не прерывался, – после смерти Джо Леони я утратила прежний интерес к боям. – Она хрипло рассмеялась. – А назови девчонку,

которая бы не утратила. – Это было сказано негромко, точно в сторону, кому-то невидимому. Голос ее в дешевом общественном канале связи обретал сардоническое эхо. Фоном долетали звуки аккордеона: нью-нуэвское танго с обычной манерной точностью препарировало абсурдную жизнь в стиле танго. Вик побился бы об заклад, что это игра самой Эдит в ее славные деньки. Тринадцать лет ей было, а она уже удостоилась голозаписи.

– Послушай, Вик, мне жаль, но ничего не поделаешь.

На сей раз вызов отбил Вик.

– Ну что, я хотя бы попытался, – признал он вслух. – Думаю, ты знала, чего хочешь добиться.

Эдит тут же перезвонила.

– Ну, может, я и выберусь, – сказала она.

Бои проходили по всему городу, их на любой улице после шести можно было увидеть, но место, именуемое «Prêter Cur», считалось в Саудади самой престижной ареной. Изобилующее загрязнителями и естественной флорой, которой они пришлись по вкусу, изрытое кавернами и пригорками: несколько акров грязного бетона на границе ореола Явления, в конце улицы, отходящей от бульвара Кахуэнга. Обширные секции арены стояли без ограждений, только на подпорных столбах, и днем на тела мертвых, спящих, бомжей и полудурков лил дождь или ложились тусклые полосы света. Когда-то здесь располагались военные верфи, пока ЗВК не перенесла их на нынешнее место. На закате арена оживала: самоцельный и самоценный, самоуправляемый и самопатрулируемый нахалстрой, муравейник, где торговали несвежей едой с лотков и всякой всячиной с блошиных рынков, сдавали бараки в аренду, принимали ставки, промышляли дешевыми выкройками и татухами, кишел культиварами и уловками всех сортов и размеров. Хитрые технологии волновой ретрансляции позволяли комментаторам «Радио Ретро» вещать о ставках и результатах буквально по воздуху. Хихикающими стайками сновали рикши и Моны, слонялись сексуально озабоченные новочеловеки, накачиваясь «ночным поездом» и высматривая тихий уголок для дрочки. Все это – в свете пропитанных нефтью факелов или безличных, как на допросе, галогенок, а также всех промежуточных источников освещения. В «Prêter Cur» тень столба зачастую падала на зеваку со всем весом реального столба, и в следующий миг легко было потерять равновесие от непредсказуемого прыжка и мерцания дымчатых огней, снующих вокруг, как рыбьи косяки. Везде плавали рекламные объявления, пленяя посетителей единственным обещанием невыносимой легкости бытия, пока венец из бабочек вокруг головы не обращался в венец терновый и не выяснялось,

что незадачливый гуляка уже мать родную заложил твинк-фермеру в сорока кварталах от арены, на Пирпойнт-стрит.

Неразбериха света, дыма, людей и явлений в каждый отдельный момент поддавалась описанию, но о следующем ее состоянии это ничего не говорило; бойцы двигались в этом месиве с грозной неясной призрачной грацией, сведя речь тщательной гормональной настройкой к уверенному, довольному нечленораздельному рычанию, долженствующему выражать неуязвимость, нежелание терять в статусе и извечное превосходство над рядовыми болельщиками. Свет выхватывал их ноги, бронзовые от загара, утыканные когтями и шпорами, затем внезапно проявлял странные изгибы колен и бедер, огромные, постоянно эрегированные члены, выпирающие из кожаных штанов, бронзовую шпору – дополнительный большой палец на каждой руке, стеклярусово сверкающие, подвижные, как фары, живые татуировки и карты сокровищ на темных, покрытых струпьями и шрамами торсах. Каждый боец всего сутки как родился на свет, в лучшем случае, и уже стал мифологической фигурой, обреченной на заклание.

Туристам это нравилось. С высоты пяти-шести сотен футов над Саудади по вечерам видно было, как все рикши города устремляются к арене «Prêter Cur Дяди Зипа», точно Т-клетки к месту инфекции.

Эдит Бонавентура тоже любила бои.

– О, Вик, – воскликнула она, – ты посмотри! Посмотри на огни! – Обычно жесткая, она смягчилась от удовольствия, и каждый проходящий мимо боец ее поражал в самое сердце. – Ты глянь, какой у него огромный член!

– Они не живые, в отличие от нас, – сказал Вик и удивился, потому что это была правда. – Они все равно что кондитерские фигурки.

– О нет! – рассмеялась Эдит. – Что я слышу? Зависть? Ты правда ревнуешь? Сдается мне, Вик, что да!

Но Вик испытывал не сколько зависть, сколько искреннее удивление. Как мочиться, если член все время эрегирован? Как мыться? Вопреки исходящей от бойцов силе жизни – от них прямо веяло ею, как от коней или других крупных животных, – казались они нереальными, пленниками собственных грез, добровольными воплощениями какой-то общественной идеи. Вик подумал, что «грезы» в любом случае не подходят. Грезы дешевы. Грезы повсеместны. Все бойцы прошли обработку у Дяди Зипа, но кто в гало ее не проходил? Кроме Мон, никто не рисковал жизнью ради грез. Но широкобедрая Эдит в лучшем своем взрослом наряде, такая довольная, какой редко бывала после тринадцати лет, не

купилась на его подначки. Она заявила, что здесь арена, а не место политических дебатов. Прильнув к нему, она оглядывалась вокруг сияющими глазами, и Вик чувствовал отстраненное удовлетворение.

– Ты в восхищении, – заметил он.

Эдит искоса смерила его прагматичным и таинственным в одно и то же время взглядом.

– А ты проницателен, э? – проговорила она. И тут же они утонули в облаке корично-адреналинового запаха из молекулярного рекламного потока, который, обходя защиту неокортекса и действуя прямо на мозговой ствол, вынудил Эдит застонать от наслаждения.

– Хочу поставить! Хочу поставить!

Вечерние бои выдались крутыми, технически несложными, но исполненными неподдельного драматизма. Арену плотным туманом окутывал запах гемоглобина, пронизанный специфичными для каждого бойца химическими соединениями, традиционными производными алкопопов Древней Земли: «двух собак», «хопалуме», «желтой лихорадки» и старой доброй стандартной «альколы», популяризированной лично Джо Леони. Эдит была в восторге. Первые два бойца, на которых она поставила, победили: один за три с половиной минуты, другой за четыре; третий проигрывал, но она этого пока не заметила. Улучив момент ее хорошего настроения, Вик спросил:

– Ты этот дневник не видела? Старый дневник Эмиля?

Эдит рассеянно взглянула на него: свет нефтяных факелов расплескался по ее личику. Потом ответила:

– Господи, Вик, я не знаю, где он. А какая тебе разница?

– Я в Зону иду.

– Вик, ты в Зону еженедельно ходишь. Ты там работаешь.

Последний из бойцов, на которых поставила Эдит, свернулся калачиком на куче собственных кишок, и на этом вечер для него был окончен. Раны ему, казалось, доставляли наслаждение. Побежденного уволокли в синюю тень за пределами арены, публика проводила его добродушными подколками, а Эдит помотала головой, словно прочищая мозги, и внимательно взглянула на Вика.

– Ты меня сюда вытащил, чтобы спросить про дневник Эмиля? Ты поэтому меня пригласил? – Эдит рассмеялась. – Вик, господи, да зачем было деньги тратить! Я бы тебе дома сказала, тихой ночью, наедине, я бы тебе ответила *нет*, а потом Эмиль бы свалился с кровати, или наблевал, или стал задыхаться во сне, как это с ним в последнее время частенько бывает. – Она медленно, недоверчиво качала головой. – Вик, ты лузер.

– Послушай, – начал Вик, – я…

– Ты этим вечером хорошего секса лишился.

– Эдит…

Она быстро смешалась с толпой. Вик успел один раз высмотреть ее в людском потоке, а потом Эдит исчезла. В «Prêter Cur» свет вытворял странные штуки. Трудно было судить, что это за тень на краю поля зрения – обычная или теневик, гангстерский алгоритм с чувством юмора на подряде у жажды наживы. Вик Серотонин пожал плечами. Он не винил Эдит. Эдит сфокусирована; она понимает свои потребности, как, верно, никто другой. Со временем вернется. Вик купил программку и узнал, что в следующем поединке дерется его знакомый, парень со Стрэйнта, которого перекроили в паре дверей вниз по улице от бара Лив Хюлы. Судя по статистике, у парня неплохая реакция, и на него стоит поставить. Двадцатью минутами позже, в трех боях от попытки потешить самолюбие, Вик почувствовал, как его тянут за рукав, и опустил глаза: лейтенант Поли де Раада, Элис Нейлон, в маленьком пластиковом дождевике и красных «веллингтоновских» сапожках.

– Привет, Элис, – сказал Вик. – Хочешь мою удачу перебить?

Элис прибыла в компании двух-трех ребят Поли, которые одарили Серотонина задиристыми ухмылками. Выгнув шею, Элис заглянула на арену и поморщилась.

– И на кого ты поставил свои денежки в этом мутном деле, Вик? – поинтересовалась она; Вик пояснил, и Элис с профессиональным недоверием покачала головой.

– Похоже, что мы явились слишком поздно, чтобы спасти тебя от самого себя, – заключила она. Вик меж тем сложил из пальцев ствол и нацелился на ганпанков.

– Не тупите, – предупредил он.

Элис вздохнула.

– Поли говорит, чтоб ты отправлялся с нами, – не без сочувствия проинформировала она Вика. – Он сегодня не в лучшем виде.

* * *

Недалеко в толпе Ирэн-Мона, забавляясь, наблюдала за ними. Глаза у нее были зоркие, чуйка острая. В неверном свете «Prêter Cur» лицо ее казалось старше, и любой, кто знавал настоящую Ирэн, беглянку с планеты, куда редко залетали туристические корабли, углядел бы ее черты, тектонической структурой проявившиеся под обычными плоскостями и изгибами пакета

Моны. Наверное, именно эта Ирэн заметила, как ускользает в толпу Эдит Бонавентура, а ей на смену тут же возникает Элис Нейлон, словно эти двое представляли единственную доступную Вику пару вариантов, стерегли развилку на пути одинокого странника. Наверное, именно эта Ирэн подумала: *Легче войти в поток, девочка моя, чем выбраться из него*; а вслух, Толстяку Антуану Месснеру, заметила:

– К Вику Серотонину вечно кто-нибудь да в очереди стоит.

– Вынужден с этим согласиться.

В «Prêter Cur» он соглашался почти со всеми репликами Ирэн. Она поневоле признавала, что Антуан рохля, но атмосфера боев заставляла его собственнически обнимать Ирэн за талию и покупать всякую дешевку. Рождала в нем желание секса. В сексе с Толстяком Антуаном Ирэн больше всего привлекал его непрофессионализм – какой Антуан неопытный, какой застенчивый. Она прижимала голову Толстяка к своей груди после его оргазма, а он, запыхавшись, распластавшись по кровати, мямлил:

– Ой, прости…

Она успокаивала его:

– Ш-ш, ш-ш, я всякий секс люблю, и такой тоже.

От реакции Антуана у нее теплело на душе до такой степени, что потом во сне Ирэн видела себя одной из альфа-самок Древней Земли.

Она проследила, как Элис Нейлон уводит Вика, и, сжав руку Толстяка Антуана, сказала:

– А знаешь, Вик мог бы нам помочь.

– Не хочу я Вика ни о чем просить, – напрягся Толстяк Антуан.

– Ну ладно, придется тогда как-то иначе деньги искать, – сказала она. – Может, продадим что-нибудь?

– Нет у меня ничего.

– Милый, у всех есть что-нибудь на продажу. Антуан, мы скоро станем успешны и счастливы! Но реальны. Куда бы мы ни направились, мы будем успешны и реальны, а наши решения – лучшими среди миллиона звезд. Я так люблю свою любовь! То есть, в смысле, так люблю свою жизнь, какой она станет – реальной, совсем как по телевизору показывают!

Говоря так, она рассуждала про себя: *Но сперва придется его к Дяде Зипу сводить. Купит себе пакет, станет стройным, изящным, быстрым, как молния, во-от с такими руками, и чувственным; а в глубине души останется тем Антуаном, которого я знаю и люблю. Для меня он всегда останется Антуаном, который слишком быстро кончает и никак не поймет, что я его без труда прощаю,*

ведь я повидала все оргазмы на свете.

6
В баке на Си-стрит

Часом позднее, когда Элис Нейлон и ганпанки конвоировали Вика в офис на задах клуба «Семирамида», Поли де Раад все еще сидел в кресле, в той же позе; казалось, что за истекшее время он вообще не пошевельнулся и ему стало хуже. Элис полагала, что он так уже не менее суток провел. Она носила ему напитки из бара, но обычного интереса выпивка у Поли не вызывала; фактически у него вообще ничто не вызывало интереса.

– Он не в себе, вот, – сказала она Вику. – Ну, ты ему «ночной поезд» подсунешь, так он его обычно бы высосал в один глоток и смял жестянку ударом о лоб, одним плавным движением, угу? А сегодня он вообще ничего не пьет. Потом внезапно пришел в себя и послал за тобой.

– Как именно послал?

– Ну, понимаешь, он сказал: «Приведите мне этого мерзавца Вика», – процитировала Элис. – А потом снова так лежит. В смысле, – предложила она, – ты посмотри сам.

Поли лежал, вытянув ноги перед собой, запрокинув голову так, словно у кресла имелся подголовник, хотя на самом деле оно было совершенно обычное, неуютное, из цельного куска. Выглядел он скверно. Кожа либо приобрела голубовато-молочный оттенок, либо налилась тяжелым металлическим блеском, особенно заметным на лбу и щеках, в местах радиационной абляции. Глаза его были закрыты, но создавалось впечатление, что он вот-вот поднимет веки. Трудно было сказать, насколько тяжело Поли болен и что может с этим поделать. Улыбался он счастливой девичьей улыбкой. Иногда удивленной, иногда неподдельно сексуальной. Поли словно бы хотел что-то передать этими улыбками. Так настойчиво, что казалось – вот-вот, и подмигнет. Вик Серотонин понятия не имел что. Но видел, что улыбка не настоящая: так улыбаются, когда радоваться на самом-то деле нечему.

– Блин, Поли, – произнес Вик.

– Он иногда просыпается, но мы не вкуриваем, что он тут мелет.

Вик подошел к двери офиса и приотворил ее на щелку. Он увидел, что в клубе «Семирамида», как обычно, дым коромыслом, пьянка-гулянка; никто не глядел в его сторону. Он снова прикрыл дверь.

– Кто-то еще об этом знает? Кто-нибудь из ЗВК?

Элис так не считала.

– Пускай и дальше не знают, – посоветовал Вик. – Этим мудакам незачем знать, ты со мной согласна?

Элис, в меру своего разумения ситуации, была согласна.

– Отлично, – сказал Вик. Обернувшись к Поли, он обнаружил, что де Раад пришел в себя, встал с кресла и стоит прямо перед Виком, в его личном пространстве, с лицом, так налитым кровью, что под кожей перекатывались тугие красные узелки, а синие глаза распахнулись и сейчас, того гляди, из орбит выскочат.

– Что ты со мной сделал, подонок? – завизжал Поли.

У Вика волоски на шее встали дыбом.

– Господи, Поли, – протянул он, – да не знаю я.

Не успел он ничего к этому добавить, а Поли уже оттолкнул Вика и пал на колени перед Элис Нейлон.

– Ты, моя маленькая красавица? – вопросил он.

– Я, – ответила Элис.

– Так улыбнись мне своей лучшей улыбкой! – взмолился Поли. – Во-от! Видишь? Уже лучше!

Он опять вскочил и начал сновать по комнате без определенной цели; ниже колен ноги у него были как палки. Казалось, его все вокруг интересует, пока он не замирал, глядя в стену, в полном бездействии. Походив так некоторое время в попытках рассмотреть предметы офисной обстановки – словно затем, чтобы припомнить, кто он такой, – Поли остановился перед голограммой, изображавшей его самого в компании выживших при крушении старого «El Rayo X» ребят. Несмотря на ожоги, все они широко улыбались; вакуумные скафандры сняты лишь на верхнюю половину, одна рука у каждого поднята с оттопыренным большим пальцем, вторая демонстрирует какое-то оружие или инструмент.

– Кто все эти люди? – спросил Поли у Вика, но не ответил, когда Вик пояснил, кто это. Кровь снова отхлынула от его лица. Вик посмотрел на Элис, та передернула плечами.

– Это не тот Поли, которого мы знали.

Снаружи, из главного зала клуба «Семирамида», едва слышно доносились смех и аплодисменты. Второй акт вечернего концерта начался с современной классики на мотив джордановского «V-10».[26] Вик Серотонин поразмыслил.

– А есть тут другой выход? – спросил он.

– Задняя дверь ведет в переулок.

– Позови-ка его рикшу, – велел Вик. – Ни с кем больше не говори.

Когда Элис ушла, Вик стал рыться в одежде Поли, пока не нашел ключ от помещения, где Поли запер артефакт. В обычных

условиях похитить ключ у Поли было бы весьма затруднительно, однако сейчас Поли стоял смирно, чуть склонив голову, и созерцал собственную голограмму. Потом его веки снова сомкнулись. Несколькими минутами позже в дверь стукнула рикша.

– Это Энни, – сказала Элис, появившись следом за нею.

– Ой, что-то ты хреново смотришься, – сообщила Энни Поли. Втроем они эскортировали Поли в переулок и с некоторым трудом запихали в экипаж. Элис Нейлон уселась Вику на колени. Самого Вика зажало между стенкой экипажа и Поли. Он пытался придумать план дальнейших действий. Он сильно пожалел, что не поладил как следует с Эдит Бонавентурой, потому что блокнот ее отца мог чем-то помочь в разгадке болезни Поли. Вик начинал подозревать, что совершил ошибку.

– Поверить не могу, что это Поли де Раад, – сказала рикша спустя пару миль. – Он мертв или где?

– Поворачивай налево, на Фойгт, – скомандовал ей Вик.

– Ладно, забудь.

– Приехали? – спросила Элис.

В комнате на задворках Фойгт-стрит мало что изменилось. Вонь не ослабевала. Поли пришел в себя, как только приблизился к комнате, и унюхал вонь за двадцать ярдов. Голова его вздернулась, ноздри раздулись. Он пассивно стоял на ступеньках, пока Вик сражался с замком, а рикша неспешно трусила в ночь некорпоративного захолустья, но ясно было, что происходящее заинтересовало Поли.

Если Поли заинтересовался, то и мальчик внутри – не меньше. Войдя в комнату, они обнаружили, что мальчишка сполз с раскладушки и забился в угол. Он был наг. Он смотрел на них с мягкой улыбкой и делал странные толкающие жесты в направлении Поли. Поли улыбнулся ему в ответ. Тело мальчишки сотряслось с ног до головы; под слоем грязи кожа его сделалась восково-прозрачной и немного натянулась, словно изнутри что-то прорастало.

– Ты мне не нужен, – сказал ребенок на три голоса – не как человек, а как электронный синтезатор. Из одного глаза выпорхнули несколько ярких мошек. Внезапно мальчишка рванулся к двери, но Поли перехватил его и дернул к себе за плечо. От этого их обоих закрутило.

– Эй, – произнес Поли словно себе самому, – полегче, проказник.

Они топтались так мгновение, вцепившись друг в дружку, потом рухнули на раскладушку, где остались лежать в тесном объятии. Поли улыбнулся широкой дружелюбной улыбкой и

прижался щекой к лицу мальчика, зашептав ему что-то на ухо. Мальчик посмотрел в потолок пустым взором и тоже стал улыбаться.

Вик понятия не имел, что творится.

– Надо это прекратить! – заявил он.

Элис не думала, что надо это прекратить.

– Поли не причинит ему вреда, – сказала она. – Глянь. Они подружились.

– Этого, – сказал Вик, – я и боялся.

Ситуация не менялась минуты две, после чего лицо мальчишки осветилось изнутри: могло показаться, что кто-то зажег лампочку в его черепе. Рот медленно раскрылся, и свет воссиял оттуда по всей комнате, заливая тело Поли де Раада: яркий и жесткий, как радиация, содравшая с него пятнами кожу много лет назад. Свет был слышен, как органная музыка. Он исходил у мальчика изо рта, но так быстро отражался от стен, что легко было заподозрить и другой источник. Вик с Элис прикрыли глаза, пока они не привыкли к этому яростному сиянию, не дающему тепла. Затем свет померк, в комнате снова стало темно и тихо, и на койке остался лежать на своих одежках сконфуженный грязный голый мальчишка с Пойнта. Рядом с ним лежал Поли де Раад, открыв глаза, и орал на старого друга Вика:

– Ах ты, подонок! Ах ты, говнюк!

– Поли… Я…

– Это дочерний код, Вик! Ах ты ж, дилетантишко гребаный, ты мне дочку притащил, и я теперь на шаг от смерти!

Строго говоря, шагать Поли больше не мог. Он лежал на койке недвижим, если не считать отдельных участков на лице, глаз и губ. Глаза его от натуги полезли из орбит. Челюсти он так стиснул, что голос звучал словно при ретрансляции по зашумленному каналу с парковочной орбиты. Слышался треск зубов. Руки Поли сжимали одежду.

– Это не я, – вымолвил он. – Я – это я? – И вдруг захохотал. Смех был, несомненно, де Раадов, его помнили во множестве мест, от Сердца Карла до Мотеля Сплендидо, где хохот этот сулил заварушку. – Эй, Вик! Ты помнишь старые добрые деньки?

При этой мысли он будто бы расслабился. Вздохнув, повернулся на постели лицом к мальчику; изо рта у ребенка холодной тапиокой сыпался код. Вик с Элис растащили их. Мальчик дергался в конвульсиях, катался по раскладушке, сворачивался в позе эмбриона, бормотал что-то сам себе на три разных голоса. К тому моменту Поли де Раад снова потерял сознание, он ухитрился сорвать с себя часть одежды, и голые руки его приняли такой же восковой оттенок, что и у ребенка.

– Это была ебенематическая ошибка, – сказал Вик. – Надо его назад в клуб, бля, и быстро.

Элис покачала головой.

– Оставь его со мной, – велела она. – Ему теперь нужно оставаться тут. Не хочу, чтобы в «Семирамиде» об этом пронюхали.

– Элис, о чем ты только думаешь?

Элис рассеянно улыбнулась.

– Я о нем позабочусь, – ответила она. Глаза девчонки обратились внутрь, и Вик понял, что она с кем-то на связи. Элис было только восемь, но это не значило, что от нее нет проку: наоборот, она числилась у Поли де Раада лучшей девочкой. Она уже просекла, что почем. Она отдавала распоряжения.

– Да, – проговорила она, – десять минут, Картограф. На задах Фойгта. Рикша не справится. Слышь, ты, не еби мне мозги. И не суйся сюда, – она слегка фыркнула, – иначе траблов не оберешься. Да-да, ты уже это слышал, так что заткнись и работай. – Она еще немного поболтала с Картографом, потом взгляд Элис снова сфокусировался, и она обратилась к Вику: – Ты еще тут, Вик? Вообще-то, ты мне уже не нужен.

Серотонин пожал плечами и пошел к двери. На полпути его настигла реплика Элис:

– И, Вик, лучше бы ты дотумкал, как эту муть разрулить.

Два часа пополуночи: Вик ощущал отстраненность от всего, в особенности от Поли. Де Раад всегда считал Вика своим современником. Он был крайне далек от истины, но за двадцать лет в деле Вик привык расценивать подобные утверждения как отложенный комплимент за некие будущие заслуги, хотя в толковом словаре Поли сие скорее означало соотнесение с чокнутым и безбашенным поколением. В начале их дружбы Вику такие заявления польстили бы, но сейчас ему меньше всего хотелось окончить дни свои в стиле Поли или его дружков. Дополнительно осложнял его положение тот факт, что вина за нынешние проблемы Поли лежала именно на Вике.

Улицы опустели, к утру соленый туман обещал пролиться дождем. Вик в нерешительности постоял на перекрестке Фойгт и Альтависта, но возвращаться в клуб «Семирамида» не стал, а вместо этого поднял воротник плаща и поплелся на Стрэйнт-стрит в бар к Лив Хюле, где Лив зевала по одну сторону барной стойки, а Элизабет Кьелар что-то, запинаясь, ей объясняла по другую.

* * *

Примерно в то же время в другом конце города Лэнс Эшманн, человек, безошибочно узнаваемый благодаря своему сходству с постаревшим Эйнштейном, сказал ассистентке:

– По виду поверхности уже можно определить, глубоко ли в этом месте. Ребенком учишься определять это по цвету, по игре света, по движению воды. – На поверхностях самого Эшманна играл жесткий оранжевый свет уличных фонарей, а теневые операторы, которых он, недолюбливая, забросил, неловко ерзали по углам. – Нам нужны опытные образцы для уверенных оценок. Сыщик руководствуется стремлением исключить все факторы, не имеющие отношения к преступлению. Не только в этом деле, но и в мире вообще. Понимаешь? Нет? Ну ладно. Ты пока подумай над моими словами, а я проведаю своего приятеля Эмиля Бонавентуру.

– Я поведу машину, – сказала она.

– Блин, – протянул Эшманн, – у меня есть право навестить старого друга без полиции на хвосте? – И пренебрежительно отмахнулся. – Эта ночь в твоем распоряжении. Ступай домой, голову вымой.

Она посмотрела на него, словно впервые в жизни.

– Ой, вижу, я тебя снова обидел. Ну ступай тогда в бар или еще куда. Могу тебя снабдить списком приличных заведений, только смотри не попадись охране, когда будешь заниматься сексом на парковке.

– Спасибо за совет, – ответила она.

Это его умилило.

– Вот видишь, – произнес он, – мы понемногу узнаем друг друга.

Он предложил ей ключи от «кадиллака». После налета на клуб «Семирамида» Эшманн запретил ассистентке наведываться туда или в кафе «Прибой» в одиночку.

Когда детектив ушел, ассистентка велела теневым операторам открыть его записи. Встревоженные несоответствием этой просьбы ее должности, они закружились по офису, зашептались:

– А может, мы чем-нибудь другим тебе подсобим, милая?

Она растянулась в кресле Эшманна и уставилась в пространство. Вид у нее был как у человека в первые минуты пробуждения от сна, губы слегка шевелились, каскады необработанных данных затапливали предплечье. Она отыскала запись о гибели жены Эшманна. Она возвращалась к ней снова и снова, чувствуя, что история эта таит ключ к личности сыщика, но понятия не имела, как вставить его в замочную скважину.

– Ты уверена, что тебе удобно? – спросили теневые

операторы. – Тебе, кажется, ужасно неудобно сидеть.

– Со мной, – ответила ассистентка, – все будет в порядке.

Закончив с делами, она вывела «кадиллак» Эшманна на Корниш и припарковала капотом к морю.

Ночь выдалась тихая: низкие облака, просверки зеленого света совсем низко над горизонтом. Прибрежный ветер взметал песок между похожими на швабры пальмами, песчинки шелестели о корпус машины. Асссистентка двинулась по дорожке к бунгало, где раньше жила супруга Эшманна. Тут было сыро. Внутри дома стоял застарелый запах, но не еды и не человеческого тела. Она остановилась на кухне, постояла немного в коридоре, в единственной гостиной, смежив веки и ожидая, пока подробности жизни Эшманна и его жены соберутся перед нею в кобальтовом полумраке под шелест моря. Но тщетно. Эшманн отсутствовал, его жена умерла: они не хотели открываться ассистентке. Нужно было искать следы – в старой мебели, под заплесневевшими коврами. Она решила начать с писем, громоздившихся в ящиках фальшбюро.

«Такого счастья, – писал сыщик жене вскоре после того, как они повстречались, – такой открытости другому человеку я никогда от себя не ожидал». Предвестие нервного срыва. Он никогда не успокаивался. Он изменял ей со дня свадьбы, в туристических отелях после обеда и на парковках баров по ночам. Она прощала ему измены много лет, но он себя простить не сумел; неожиданно появлялись слова: «Часть меня теряет терпение, она не в состоянии больше все это переносить. Она хочет вернуться к жизни. В конце концов, один партнер всегда получает больше другого, и я этим разочарован». Он от нее ушел, потому что жена не умела защищаться от Эшманна, но лишь себе хуже сделал, став так же жалок. «После обеда пошел дождь, – отчитывался он из квартиры на Третьей улице. – Я совсем один и тоскую без тебя. На миг мне захотелось вернуться домой, оказаться среди привычных вещей, словно я просто в гости куда-то без тебя сходил». Ее звали Прима, но по каким-то причинам, ассистентке не ясным, Эшманн всегда называл ее Утц или Утци. [27] «Дорогая Утц. Привет, Утци». Когда они разъехались, он перестал писать о себе и стал описывать ей город. Писал о самых обычных вещах. Писал о своей работе: «Чтобы изловить преступника, надо спуститься к самому его сердцу».

Корреспонденцию, если это слово здесь было уместно, он вел на хрупкой, почти прозрачной бумаге светло-синего оттенка, складывая ее конвертиком. Ранние письма, исполненные признаний в любви и красочных описаний секса (словно, оживляя эти воспоминания, он раз за разом доказывал себе, что был там),

истрепались, но остались целы; более поздние, хотя и не истерлись, были порваны на сгибах, словно их с той поры ежедневно разворачивали и сворачивали.

Зачем писать ей письма, если они жили в одном городе, в одном доме? Прима вообще хоть отвечала ему? Узнать ответ было невозможно.

«У меня усиливается близорукость, – писал он за три дня до ее смерти, – но сны мои компактны и красочны, как реклама».

Ассистентка Эшманна перечитала все письма и отошла к окну. Снаружи шумели волны, набегая на пляж, пахло солью и песчаным тростником, наползал туман, и все это конденсировалось в сплошную пелену, будто из дымчатого пластика. Тем не менее она что-то услышала: плач или смех. Возвращаясь к машине, ассистентка заметила, как из тьмы возникают ребята в блестящих костюмах ганпанков, перешептываясь, толкая друг друга локтями и мрачно взирая на нее.

– Только попробуйте, – сказала она ганпанкам с такой улыбкой, что те чухнули обратно в туман, качая головами.

– Вот видишь? – прошептала она.

На пути домой она глядела в зеркало со стороны водителя и на крыле, аккуратно переключая передачи; она была полицейской, прагматичной и спокойной, но ей не сиделось на месте. Она размышляла, почему ей не удается понять ни Эшманна, ни его супругу, которые, наперед зная о грядущей катастрофе, сами ее на себя накликали. Она задумалась, какой половиной себя тут присутствует.

* * *

Эшманн всегда описывал свои отношения с Эдит Бонавентурой как «двусмысленные».

– Это потому, – говаривала Эдит, – что я его не люблю.

Эшманн с ее отцом были друзьями и спарринг-партнерами с первых дней работы полиции артефактов города Саудади. Не успел Эмиль прибыть на планету и сойти на берег в некорпоративном порту, весь покрытый характерным для гало загаром, в сопровождении малолетней звезды-аккордеонистки, как Эшманн уже его арестовал.

– Старые добрые деньки, – напоминал Бонавентура Эдит, словно в тринадцать лет она еще была недостаточно умственно развита. – Тогда все было не так запущено.

Даже в тринадцать Эдит сильно в том сомневалась, но

оставалась верна отцу.

– Я не люблю человека, который арестовывал моего папу, – сказала она сейчас Эшманну, – только и всего.

Детектив сидел на деревянном стуле в ее комнате, с улыбкой оглядывая голограммы и призы, костюмы и платьица у стен, такие чистые и выглаженные, словно Эдит еще могла их носить. Аккордеоны напоминали старых псов, потрепанных всеми ветрами; скаля клыки в прерывистых ухмылках танго, собаки настороженно следили за ним с полок и из застекленных шкафчиков.

– И все же, – сказала она, протягивая сыщику «Блэк Харт», – ты сперва выпей. Вик Серотонин нам в другой день оставил.

Эшманн, который через нанокамеры следил за перебранкой Вика и Эдит в «Prêter Cur», не поверил ей, но и не огорчился, что имя Вика так быстро всплыло в разговоре.

– Ох уж этот Вик! – улыбнулся он. Покачал головой, словно туроператор был их общим бременем.

Эдит бесстрастно смотрела на него.

– Вик добр к старому приятелю, как и ты.

– Все любят Эмиля, – сказал Эшманн. – Таковы плоды былой известности. – Он сделал глоток. – Отличный ром Вик вам принес.

– У меня еще есть.

– Спасибо, хватит.

– Пропусти еще стаканчик – и наберешься достаточно храбрости, чтобы посетить Эмиля. Он там, наверху, как и всегда. Он сегодня чуть хандрит, так что проблем тебе не создаст.

Эшманн не отступил.

– Жаль, что Вик вляпался в нехорошее дело, – закинул он наживку.

– Мы все в него вляпались.

– Вик отпер дверь, может, даже и не по собственной воле. Оттуда прут новые сорта артефактов.

Эдит кисло взглянула на него.

– И что такого нового в том, чтобы оттуда появлялись новые артефакты?

– Они тут так шастают, – с удивлением услышал собственный голос Эшманн, – словно это их город.

Мысли Эдит все еще были заняты новизной. В те дни все стремилось показаться новым, и, как следствие, ничто им не являлось. Она видела эти слова на стене.[28] Ее философия сводилась к девизу: *У тебя уже было время обновиться.*

– Может, и их, – сказала она.

– И вот еще что. В этом замешан Поли де Раад, а он как в

воду канул. Наша аппаратура его не видит. Это хорошая аппаратура, может, и подустарела чуток, но кто-то ей заговорил зубы. Возможно, военные. Возможно, его дружки из ЗВК вскоре начнут задавать вопросы, на которые у нас пока нет ответов. – Эшманн решил, что пора еще выпить. Наливая себе рому, он добавил: – Я не хочу отпускать Вика в Зону, пока не узнаю, что там творится. Эдит, если ты в курсе, скажи мне, потому что это уже не шутки. Это не просто комната ужасов для иномирских туристок, и нас время поджимает.

На лице Эдит последовательно сменились несколько вариантов выражения, сложных, но объединенных нотками презрительной жалости.

– Ты и так обо всем сам пронюхаешь, – бросила она.

Она выхватила у Эшманна стакан, вылила его обратно в бутылку и унесла.

– Отец наверху, – сказала она. – Ты его помнишь?

– Я надеялся на его помощь.

– Да как бы он тебе помог? Он уже давно конченый человек. У него никого не осталось, кроме вас с Виком, но, когда он тебя видит, ему становится только хуже… – Эдит резко замолчала. Обвела взглядом музыкальные инструменты в демонстрационных футлярах – граничные условия ее жизни, на которые Эдит натыкалась снова и снова. Затем устало закончила: – Я не сдам тебе Вика, можешь не рассчитывать.

Эшманн и не ожидал ничего иного.

– Пойдем посмотрим, как там Эмиль, – предложил он, будто это была новая идея.

Бонавентура полусидел на кровати. Подушки так подпирали его спину, что иссохший костяк выгнулся к беленой стене буквой S. Он будто спал с открытыми глазами, глядя в примерном направлении дальнего угла комнаты. Слева верхняя губа чуть приподнялась, обнажая зубы, но это выражение вряд ли отражало его мысли. Увидев Эшманна, глаза блеснули.

– Привет, Вик! – сказал старик.

– Я не Вик, – сказал Эшманн.

Лицо Эмиля утратило живость.

– Ну арестуй меня, что ли, – пробормотал он и, кажется, опять заснул.

– Есть новости? – спросил Эшманн у Эдит.

– Нет, – коротко ответила та. – Все как было, Лэнс: твой старый друг умирает.

Его опухоли даже описать не удавалось, не то что вылечить. Внутри у Бонавентуры все как с цепи сорвалось, словно тело его хотело преобразиться в иную форму, но не представляло, в какую

именно: органы без видимой закономерности отказывали и оживали, костный мозг переставал продуцировать тромбоциты. Последняя напасть, как сообщила Эдит Эшманну, оказалась гибридным вирусом, который собрался в его клетках сам по себе из трех-четырех разных сортов РНК; ну и еще какой-то непонятный ген нарисовался.

– Ничего нового, – сказала она. – Хуже всего, что он по-прежнему не видит снов. Я вас тут наедине оставлю, с меня на сегодня уже хватило. Так хорошо, когда кто-нибудь приходит.

– Не нравится мне все это, – отозвался Эшманн.

Он долго сидел на жестком стуле у кровати, но ничего не происходило.

– Мне надо поговорить с тобой, Эмиль, – сказал он. – С Зоной проблемы. – И: – Ты бы мне мог в этом помочь, хоть мы и за разные команды играем. Я обнаружил что-то совершенно непонятное.

Бонавентура заерзал во сне.

– Не подходи ко мне с этой хреновиной, – произнес он, и детектив наклонился ближе; но Эмиль просто бредил. Дыхание Эмиля отдавало смертью, и все кошмары, которые он был бессилен увидеть, вуалью окутали его.

– Прости, Эмиль, – сказал наконец Эшманн. – Тебя бы заинтересовали мои находки.

Внизу Эдит сидела на полу, настойчиво копаясь в коробке с блокнотами всех размеров; обложки выцвели и пестрели водяными пятнами, листы бумаги были все в записях неразборчивым почерком и диаграммах, начерченных чернилами разных цветов. Казалось, что блокноты заполняли в спешке, распихивали по карманам, роняли и топтали, мочили в крови, теряли и находили из года в год. Она вынимала из коробки очередной блокнот, открывала в двух-трех местах наудачу, слитным движением пролистывала все страницы, словно в надежде, что наружу вывалится застрявший между листов предмет, и клала назад. В воздухе носилась пыль. Когда появился Эшманн, Эдит захлопнула коробку и оттолкнула в сторону. Он подумал, что ее настроение портится на глазах.

– Не смог до него достучаться, – сказал он. – Пора мне.

– Хочешь еще выпить?

– Нет. Это тебе.

Эдит злобно посмотрела на сыщика.

– Да не деньги нам нужны, блин! – огрызнулась она. Протолкалась между Эшманном и дверью. – Помнишь, как я сидела у тебя на коленях, когда Эмиль меня привез в Саудади? Ах, какие то были деньки! Я сидела у тебя на коленях в твоем

кабинете. – Она презрительно засмеялась – непонятно над кем. – Ты бы лучше тогда не дал себя уговорить. Ты бы лучше его посадил под замок на пожизненное. Он бы тогда остался здоров.

Эшманн не сумел найти ответ.

– Я рикшу вызову, – промямлил он.

Она пожала плечами и отошла в сторону.

– И вот еще что, – сказала она ему вслед, – не нравится мне, как ты пытаешься Вика ко всему этому приплести. Он чокнутый, но никому никогда не причинил вреда. – После паузы Эдит вынужденно добавила: – По крайней мере, не нарочно. – Но сыщика уже не было.

* * *

Эшманн всегда восхищался Бонавентурой и его современниками, хотя с течением времени чувство это поблекло. Они мнили себя неограненными алмазами, а в действительности были пьяницами, наркоманами, пилотами и entradistas. Но в те дни Зона только-только пала на землю. Она оставалась в известной мере недоступна картированию. Не существовало еще надежных маршрутов через ореол – он был в ту пору куда активнее, – а потом, пройдя через него, внутри они оказывались невесть где… хотя не были уверены даже, имеют ли там смысл понятия «внутри» и «снаружи». Несмотря на это, они отправлялись на вылазки ежедневно: пешком, по воздуху и на дешевых автомобилях с бензиновыми ДВС. Они возвращались – если возвращались, – проведя в Зоне три недели, и обнаруживали, что снаружи минуло двенадцать часов. Столь же часто выходило ровно наоборот. Ни перспективы, ни данных – вообще ничего, на что можно было бы полагаться.

Артефакты? Они их собирали с земли горстями в полном противоречии со здравым смыслом. Они их выдергивали из почвы, как спелые овощи, загоняли анестезирующими дротиками и излучателями. Они погибали от странных болезней и необъяснимых несчастных случаев внутри и снаружи Зоны, оставляя чрезмерно многословные завещания и прощальные записки, вытатуированные на задницах. Карты сокровищ, духовным полюсом которых всякий раз оказывался новый, равно ненадежный объект Тракта Кефаучи в ночном небе, не приносили никакой пользы.

– Но блин же… – начинал в этих случаях Эмиль Бонавентура таким тоном, словно сейчас извергнет на слушателя всю сумму знаний выживших в Зоне, а потом, после длинной паузы, неловко

пожимал плечами: он успевал забыть, о чем говорит.

Эшманн приказал рикше ехать в бунгало бывшей супруги сыщика.

– Но через некорпоративный порт, – пояснил он Энни. Движение было редкое. Порт стоял в успокаивающем бездействии, ворота и заборы в свете галогеновых фонарей казались неповрежденными. Достигнув Суисайд-Пойнт, он ощутил, как поднимается ночной ветер, и туман снесло к морю. На воде появился слабый маслянистый налет, а за изгибом бухты раздались звуки погрузки каких-то предметов на корабль. Ребята с Пойнта в дешевых прикидах ганпанков бесцельно сновали по пляжу. Эшманн немного пообщался с ними и решил позвонить ассистентке.

– Странно, что ты сюда отправилась, – сказал он, – а меня предупредить забыла.

Ассистентка поняла, что раскрыта. Она ощутила стыд и заторможенность. Она провела эту ночь в твинк-баке, на Си-стрит. Там, полностью погрузившись в роль домохозяйки модернового 1956 года, она вымыла пол, прокатилась на аттракционе под названием «Метеорит», а потом, в труднообъяснимом третьем эпизоде, обнаружила себя стоящей перед гардеробным зеркалом в одних прозрачных атласных трусиках. Груди у нее были тяжелые, с крупными коричневыми сосками; в ее родном времени тело сочли бы слишком мягким и даже толстым. Чуть позже она ловко просунула руку в трусики и стала разучивать перед зеркалом фразу:

– О Роберт, как приятно, что ты там. Ты меня трахнешь, Роберт? Ты меня уже трахаешь?

Внезапно кончила – в поле зрения сверкнула резкая синяя молния – и почувствовала себя совсем истощенной. Ночка выдалась занятная, но не такая прикольная, как мнилось ассистентке. Опыт был скорее художественный. Из всех эпизодов ей больше всего понравился «Метеорит»: в этом аттракционе нужно было войти внутрь огромного колеса, похожего на разъятый ажурный барабан, закрепленного на ярко-красной стальной штанге под углом градусов семьдесят-восемьдесят к горизонтали. «Метеорит» начинал вращаться все быстрее и быстрее. Ее прижимало к стенке простыми, но безжалостными физическими силами.

– Я совершила ошибку, – извинилась она перед Эшманном. – Мне показалось, вы сказали, что будете там.

Она покосилась на предплечье, по которому струились бесконечные потоки данных; весь ее опыт был бессилен. *Я пыталась вас понять*, – взвесила она в уме реплику, но в конце

концов только посоветовала:

– Вы бы пошли поспали хоть немного.

И отбила вызов.

* * *

Когда Эшманн ушел, Эдит Бонавентура поднялась в спальню отца, постояла пару минут, созерцая синие тени в подключичных впадинах, потом взяла за плечи и стала трясти, пока Эмиль не очнулся.

– Эмиль, послушай, – сказала она. – Послушай. Посмотри на меня. Ты должен мне помочь.

Он внезапно закашлялся.

– Прости, что я так поступаю, Эмиль, – сказала Эдит. Она подтянула его к себе, невесомого и вонючего, умостила у себя на плече, как ребенка, стала шарить под подушками и костлявыми ягодицами отца.

– Мне эта штука нужна, и я найду ее.

Вдруг она отпихнула его в сторону и стала бить в грудь кулаками.

– Я серьезно, Эмиль, – сказала она. – Я серьезно.

Эмиль ответил слабым жестом отрицания.

– Да ну, – прогудел он. – Не надо.

– Где эта штука?

Долгая пауза, и ей почудилось, что он снова отключился. Затем Эмиль стал смеяться.

– Под кроватью.

– Ах ты ублюдок Эмиль! Ах ты ж подонок!

– Под кроватью, среди бутылок. Всегда там лежит, – сказал Эмиль. – Ты в любой момент можешь забрать. – Смех стал тише и оборвался. – Вику Серотонину добра эта вещь не принесет, – предостерег он ее. – Вику нет смысла ее давать.

В голосе Эмиля сквозило презрение:

– Ну зачем? Он же турист.

Осторожно перегнувшись через край кровати, он аккуратно сблевал желчью на пол.

– Извини, – сказал он. И остался висеть, навалившись на изножье, лицом в футе от пола; умные татуировки, точно вши, искали укрытия в тенях и язвах его межреберья. От него густо пахло чем-то непостижимым. Эдит толкнула его обратно на кровать и вытерла желчь. Потом утерла ему лицо; когда-то обладатель этого лица решал за нее все проблемы, а теперь посмотри на него – кожа да кости, взгляд виноватый, как у

нашкодившего пацаненка. Лицо это шестьдесят лет выражало желание, но не облегчение. Он всегда стремился в будущее, не искал укрытия и в результате остался с голыми руками. Она прижала его к себе и стала баюкать.

– Ты всегда был бесполезен, – сказала она. – Ты был бесполезным отцом.

Она разрыдалась.

– Не знаю, что мне делать.

– Прости, что испортил тебе жизнь, – прошелестел Эмиль.

Она позволила ему рухнуть на кровать и села поодаль, исполнившись омерзения.

– Да ты вырастешь хоть когда-нибудь?! – заорала она на него.

Дневник лежал там, куда указал Эмиль: отец так глубоко затолкал блокнот под кровать, что найти его в потемках удалось только вслепую, с отвращением шаря по полу руками. Что еще там под кроватью? Эдит не хотелось этого видеть.

– Если на меня наблюешь, пока я тут корячусь, – сообщила она отцу, – я тебя убью.

Ответа не последовало. Но как только она выудила блокнот из-под кровати и поднялась, он схватил ее и подтащил к себе. Ее ошеломила сила Эмиля – как ошеломляла и всех остальных, кому приходилось с ним сталкиваться. Это Эдит поняла только сейчас.

– Где Вик? – прохрипел он.

– Вика здесь нет, Эмиль.

– Я никогда не бывал глубже, – сказал он. – Там записи. Год в Зоне, и этот блокнот – все, что я оттуда спас.

– Эмиль…

– Пятьдесят наших туда зашло, а двое вышло. Мы были в самом сердце Зоны. А где был Вик Серотонин? Нигде.

– Эмиль, ты делаешь мне больно.

– Оно того стоило, – сказал он.

Внезапно его глаза расфокусировались, и Эмиль выпустил ее руку.

– Там год прошел, Билли-бой, – закричал он, – а тут – меньше суток! Как тебе это, а?

Успокоив Эмиля, Эдит унесла дневник к себе. При свете блокнот выглядел хуже, чем в сумерках. Приключения отца заодно состарили и блокнот. Обложка растрепалась и засалилась, а переплет сгнил, как и хребет Эмиля. На всех страницах были пятна, порезы, пропалины, некоторые оказались рассечены посередине, так что удалось прочесть лишь странные сочетания слов: «эмергентное поведение», «закат миндалевидного тела», «данные на выходе приняты на вход». Вечные проблемы разборчивости записей. Электромагнитный кошмар Зоны не

оставлял иного выхода, как делать все записи, предназначенные для внешнего мира, от руки. Но как вообще можно составить путеводитель по местности, которая пытается изменить даже чернила на странице, где в данный момент строчит ручка, не говоря уж про вещи, описываемые на этой странице? Отцовский почерк отражал этот процесс: слова срывались с края страницы, чудом находя продолжение на следующей.

Эмиль старался сохранять спокойствие. О неудачной попытке выйти в море на надувных лодках он записал: «Две мили от <неразборчиво>-Пойнт, полуприлив, катастрофа». Затем: «Спутники так же ненадежны тут, как навигационное счисление, но, если ориентироваться по линии от Маттон-Дэггера до заброшенного нефтеочистного завода, можно при некоторой удаче высадиться на песок. Бен Моран говорит, что, когда вмазался, на мелководье видимость достигала двух футов». Поперек этого абзаца, безумными каракулями, словно чужой рукой: «Забудь!» И внизу: «Какая-то тварь сожрала Билли в тумане. Мы потеряли <неразборчиво> и вынуждены выбираться. Четыре дня в Зоне. Неделя снаружи».

А потом: «Почем нам знать, что мы вернемся туда, откуда явились?»

В этом месте Эдит захлопнула дневник. Вчитываясь дальше, она рисковала слишком закопаться в личность Эмиля. «Почем нам знать, что мы вернемся туда, откуда явились?» Не крик ужаса, а скорее вопль торжества. Фактически ее отец только и жил этими вылазками в отравленную зыбкую неопределенность. Что бы он ни говорил о ней – или о себе, – ему эта смурь нравилась. Он любил тени и исковерканные пути света, любил непредсказуемость. Записи в дневнике – не более чем показуха, уверенная мина перед другими или даже собой, и вот почему его почерк такой дезориентированный, небрежный и стремительный. А Вик Серотонин ничем не лучше. Хоть Эмиль о нем и низкого мнения, но Вик такой же, и, возможно, блокнот ему поможет. Возможно, блокнот снабдит Вика решающим козырем в партии против Лэнса Эшманна и Поли де Раада. На каких бы ставках та ни проходила.

– Вик, ты чокнутый, – мягко сказала Эдит, словно тот мог ее услышать.

Подняв глаза, она встретилась взглядом с аккордеонами; через окно было видно, как по улице струится кошачья река, но иголки дождя, золотые от солнечного света, не касались черной и белой шерсти. Презрев эти знамения, Эдит спрятала блокнот, облачилась в мареновое шерстяное пальто и отыскала зонтик.

– Я пошла! – крикнула она отцу.

Ответа не последовало – так долго, что она уже почти захлопнула дверь, когда Эмиль, которого Эдит, забрав дневник, оставила лежать на кровати в сознании и тревоге, с любопытной жесткой усмешкой на лице, отозвался:

– Ему от этого проку не будет. Советую отнести дневник Эшманну. Эшманн хотя бы ответственный человек.

– Эмиль, да ты так и скажи, что любишь Вика!

Отец засмеялся, но смех тут же перешел в кашель.

– Ну и что? – спросил Эмиль Бонавентура у потолка, когда снова смог говорить. Он научился любить моменты разочарования.

* * *

Раньше, той же ночью, Вик Серотонин вошел в бар Лив Хюлы как раз вовремя, чтобы услышать, как Лив говорит Кьелар:

– Иногда я могу без этого обойтись.

Он не понял, о чем они говорят. Жесткий потолочный свет иссушал фигуры женщин, склонившиеся друг другу навстречу по обе стороны цинковой барной стойки, придавая им сходство с известной иллюзией, вазой Рубина. Хотя это не устраняло их различий, но все же наделяло некоторыми общими чертами, выраженными в большей мере, чем, например, стынущая на стойке у руки Элизабет Кьелар чашка шоколада; и уж куда больше было у них общего друг с другом, нежели с Виком Серотонином. Вик удивился, уловив этот моментальный проблеск близости. Женщины поболтали еще минутку, затем, увидев его, томно расцепились, стряхнули чары.

– Привет, Вик, – сказала Лив Хюла. – Тебе чего-нибудь налить? – И – словно он мог этого не заметить: – Твоя клиентка пришла.

Ночь выдалась тихая. Чуть раньше заходили отпраздновать выигрыш на боях портняжки из франшизных ателье по Стрэйнту; за ними из «Prêter Cur» явились какие-то туристы с круизного корабля «Бетс/Хирстон» – вероятно, с «Нервной анорексии», для которой Саудади не более чем остановка на дозаправку в прихотливо распланированном двухлетнем круизе по Пляжу. Минут двадцать теневые операторы Лив провели в нездоровом возбуждении, но затем один из туристов припомнил название нового бара недалеко от Антарктик-бульвара, и они ушли. «Жизнь моего бара в ореховой скорлупке», – подумала Лив, собрав посуду со столиков, пересыпав деньги в кассу и помыв бокалы в горячей воде. Она скучала по прежней своей жизни, что так отличалась от

этой. В тот день у нее в спальне на втором этаже произошло два события.

Во-первых, Лив случайно встретилась взглядом в зеркале сама с собой. В лице, увиденном там, слишком много было от Лив и слишком мало – от Элизабет Кьелар. Лицо это носило печать усталости от вечной нехватки шуб. Оно устало быть самим собой. Наверху, в гало, с этим можно справиться – там вечно переопределяешь себя, вечно движешься вперед. Пустота ласкова. С ней легко договориться. Там почти не с чем столкнуться. Но тут, внизу, в спальне, все обстоит так, как обстоит.

Второе происшествие с Лив сводилось к следующему: пробудясь от неглубокого сна, она села на краю незастеленной кровати, выглянула в окно и увидела, как мимо идет Антуан Месснер с Ирэн-Моной под ручку. У Ирэн был новый прикид: короткий мохеровый болеро-топик, латексные сапожки до колен на полиакриловых каблуках, все – популярного в том сезоне подростково-розового оттенка; толстяк же облачился в бледно-голубой костюм, который купил, начав работать у Поли де Раада, и уложил волосы лакированным гребнем. Выглядела парочка забавно, и в то же время взаимная близость их парадоксальным образом возвеличивала. Словно король и королева в состоянии аффекта шествуют. Заметив Антуана с Ирэн в таком необычном виде, Лив подумала было спуститься в бар и окликнуть их, спросить, отчего они перестали к ней заходить. Теперь же, глядя, как Вик Серотонин уходит с клиенткой к окну, усаживает ее за столик и начинает о чем-то шушукаться, Лив поймала себя на той же мысли, что в миг, когда увидела Антуана с Моной. «Эти двое воображают, что перед ними открылись новые перспективы. Ну-ну, удачи».

Вик Серотонин тем временем говорил:

– Может, через четыре дня рискнем.

Кьелар, еще не дослушав фразы, отмахнулась: нет. Ей нужно быстрее, сказала она, и так долго ждать нельзя. У нее нервы шалят. Она не уверена, сказала она, что продержится еще день.

– Я не уверена, что еще хоть час протяну.

«И это правда», – подумалось Вику. То, что он заметил у нее внутри в квартире на Хот-Уоллс, когда она трахалась с Виком, набирало силу и продолжало ее грызть.

– Тогда три дня, – предложил он.

Она помотала головой. Он взял ее за руку, которую Элизабет уже начала отдергивать, и пояснил:

– Это только потому, что тут начались события, которые мне непонятны.

– Нет, – сказала она.

– Два дня, – отрезал Вик. – Два дня, миссис Кьелар. Это я могу себе позволить. С Поли что-то не так, с Зоной что-то не так. Тут полиция везде шастает.

Кьелар вскочила так порывисто, что опрокинула табуретку, – можно было подумать, что ответ Вика она восприняла как физический удар. Она уставилась на упавшую табуретку с таким видом, словно ничего горшего с ней или с Виком уже произойти не может.

– Я не могу, – прошептала она.

Вик не видел выхода. Его и собственное-то поведение озадачивало не меньше, чем поведение клиентки.

– Я чего-то жду, – говорила она ему тогда, – и даже не знаю, из какой части моей жизни оно возникнет.

Он встал, обнял ее и поднял табуретку.

– Смотрите, – сказал он. – Видите? Все в порядке. Никаких проблем.

Коснувшись клиентки, он почувствовал, что все ее тело напряжено и дрожит. Ему представились раскаленные косточки внутри, пронизанные миниатюрными надписями: ЭЛИЗАБЕТ КЬЕЛАР, ЭЛИЗАБЕТ КЬЕЛАР.

– Мы туда в течение сорока восьми часов отправимся, – сказал он. – Я обещаю.

Она была похожа на голограмму. Приглядись – и каждая часть обещает раскрыть информацию о целом, но необъяснимом. Он попытался ее усадить. Она прильнула к нему. Они заказали еще выпить и сели друг против друга, молча держась за руки. Так их обнаружила, уже гораздо позже, вошедшая в бар Эдит Бонавентура, в мареновом шерстяном пальто и с дневником отца в руке.

– Вик, – сказала Эдит, – ах ты ж дешевый потаскун!

Она прошагала мимо и заказала у Лив Хюлы выпить.

– Я тут посижу, – сообщила она Лив. – Ты не против, если я тут посижу и поговорю с тобой?

– Ты моя клиентка, – отозвалась Лив Хюла.

– Ну и славно, ну и хорошо, – сказала Эдит. – И хорошо, что мне не придется смотреть на этого мерзавца у окна.

Она окинула оценивающим взглядом бар.

– Хорошее у тебя местечко, – сказала она Лив Хюле, – малость заброшенное, правда. Нужно тут ремонт сделать. Нужно тематическое оформление, и повеселее чтобы.

Вылакав половину бокала, она утерла с едва заметного изгиба верхней губы алкоголь.

– Эй, Вик! – позвала она, высоко воздев блокнот, чтобы у Вика не осталось сомнений. – Эмиль был насчет тебя прав. Я через весь

город чалапала, чтобы тебе его отдать. Но тебе его не видать, как своих ушей.

– Господи!.. – сказал Вик.

– Тебе его не видать, как своих ушей, потому что ты дешевый сливной бачок, а не мужик. Да и где ты был, по сути? Нигде.

Эдит допила свою порцию и поднялась.

– Спасибо, – сказала она Лив Хюле. – Мне понравилось. Покедова.

Вик Серотонин уже вскочил. Он подбежал к двери первым и схватил Эдит за руки.

– Эдит, нам нужно поговорить, – сказал он.

Эдит негромко рассмеялась.

– Нет, Вик, не нужно, – ответила она. – В этом ты ошибаешься.

Вик пытался придумать, как ее задержать.

– Слушай, – начал он, – что б там тебе ни говорил Эмиль, а в Зоне пошли перемены. – Он увидел, что эта тема ее не интересует, но остановиться не мог. – Весь наш предыдущий опыт может обесцениться.

– Как было бы классно, – сказала она мечтательно, – если бы вы повзрослели наконец. Ну хоть кто-то из вас.

– Эдит…

– Ты знаешь, что мне это все напоминает? – спросила у него Эдит, обведя широким жестом Элизабет Кьелар, бар Лив Хюлы, далекую перспективу Стрэйнт-стрит, куда она даже не глядела, и Саудади, песчинку на Пляже, заправочную станцию для чьих-то круизов. – Мне это напоминает бои.

– Эдит…

– Мне это напоминает тот вечер боев, – сказала она.

Она опустила глаза на свои запястья в плену рук Вика, потом подняла и посмотрела ему в лицо.

– Мне насрать на то, что там происходит, Вик.

Не найдя ответа, он выпустил ее, и Эдит ушла на Стрэйнт под дождь. Остановилась лишь однажды, чтобы добавить, не оборачиваясь:

– И ты знаешь, что дело тут не в Эмиле.

После чего стук ее каблуков продолжил удаляться, следуя простой, ясной и неизбежной акустической кривой затухания. Вик долго глядел ей вслед. Обернувшись, он обнаружил, что Кьелар разбила бокал о стену, сидит, обхватив себя руками, как обиженный ребенок, на почерневших половицах у окна, глядя вдоль Стрэйнт-стрит на ореол Зоны Явления – заметный отсюда на пределе видимости, линией ржавых крыш, разбитых окон и колючей проволоки, – и говорить отказывается.

Лив Хюла терпеливо подметала осколки.

– Мне чувство юмора тут малость изменяет, – сообщила она Вику. – Может, тебе стоило бы найти себе другой офис?

При этом она думала: «Сегодня после обеда я просто без сил. После обеда везде слишком плохо одной».

7
Космический нуар

Вик отвез Кьелар в Хот-Уоллс на рикше. Наутро, когда он возвращался домой, его арестовали. Арест провели быстро и ловко: «кадиллак» с откидным верхом, неслышно проскользнув между жерновами трафика, нагнал его у тротуара и передняя дверца с пассажирской стороны откинулась ровно настолько, чтобы идущий рядом Вик влетел прямо в нее.

– Эй! – возмутился он. Тут с ним поравнялась ассистентка Эшманна, улыбаясь ему прямо в лицо, и сказала:

– Вик, садись в машину.

День выдался приятный, с моря дул легкий освежающий бриз. Зеркальце на идеально блестящем крыле автомобиля посылало солнечные зайчики Вику в глаза. Вид у Вика, наверное, сделался не самый приветливый, потому что ассистентка улыбнулась еще шире и активировала выкройку; он краем глаза уловил подкожную и подсознательную рябь нанодвижений. Взгляд ассистентки опустел. По ее предплечью заструился поток данных: зрелище само по себе было захватывающее.

– Вик Тестостерон, – сказала она, – можешь, конечно, попытаться надрать мне зад, но я тогда, – многозначительный взгляд в небо, – вызову группу поддержки. Или же, что было бы проще всего, ты поедешь со мной, и в этом случае никто не погибнет. Что скажешь?

Вик пожал плечами и сел в «кадиллак».

Ассистентка мгновение глядела на него прежним пустым взглядом, потом покачала головой и захлопнула дверь.

– Пристегнись, – посоветовала она.

Вик ожидал оказаться в КПЗ. Ожидал допроса. Вместо этого, ассистентка молча рулила в слабом трафике около пяти минут, достаточно, чтобы Вик немного отошел и стал размышлять, что вообще происходит, а потом внезапно сказала:

– Ты, наверное, с Лэнсом уже давно знаком.

– С кем? – переспросил Вик.

– Ты встречался с его женой?

– У своей руки спроси, – посоветовал Вик. – Она тебе наверняка поможет.

Он не понял ее вопроса. А если бы и понял, то не стал бы закапываться.

– Или это у тебя результаты боев только подоспели?

– Он здесь, – сказала ассистентка, открыв линию.

– Клевая тачка, – произнес Вик, словно кто-то третий в «кадиллаке», на заднем сиденье, мог его слышать, – и мне нравится запах натуральной кожаной обивки сидений. – Он крутанул хромированный шишак переключателя станций на приборной панели, зазвучала музыка. WDIA,[29] сиречь «Радио Ретро», – по воздуху на всей планете. Ассистентка Эшманна, не прекращая разговора по своей линии, потянулась к радио и заглушила его.

– Нет, – проговорила она, пустыми глазами обводя Вика и улицу, – он не доставил мне проблем.

Вик Серотонин сидел в офисе на втором этаже полицейского участка на пересечении Юнимент и По. Он провел в одиночестве уже минут десять. В участке недавно побрызгали настоящим лаком для мебели, жалюзи были опущены, хотя и не полностью, так что неровные, но яркие полоски света лежали на всем, от коричневого кожаного кресла и слегка кривоногого стального стола с множеством ящиков до отполированного зеленого линолеума на полу. С потолка на Вика глядела парочка теневых операторов, вид у них был уставший и одновременно грустно-невостребованный.

– Его еще нет, дорогой, – извинились операторы. – Хочешь чашку чаю?

Вик стал рыться в ящиках стола. Он обнаружил там стопки писем на хрупкой голубоватой бумаге, тщательно сложенных конвертиками. Края конвертиков от времени истрепались. Одно из писем начиналось словами «дорогой Лэнс», но больше Вик узнать не успел: пришлось засунуть его обратно в ящик, потому что вернулся Эшманн.

– Вик, не вставай, – сказал сыщик. – Приятно тебя видеть таким расслабленным. Если операторы тебя напрягают, ты просто скажи.

– За что меня арестовали?

– Я плащ тут повешу, вот на этом крючке, – указал Эшманн, – чтобы тебе не мешать. И, Вик, ты еще не арестован.

Серотонин поднялся и пошел к двери.

– Приятно было с вами увидеться, – бросил он.

– Ты еще не арестован, но это ведь Полиция Зоны, а не бар на Стрэйнт-стрит. Сядь, поговори со мной. Разве тебе так тяжело?

Вик снова сел, нагло угнездившись в уютном кожаном кресле за столом, а Эшманну оставил жесткий стул перед столом. Если детектива и рассердило подобное нарушение протокола, он своих чувств не выдал, а лишь устроился поудобнее, давая отдых коленям, подвернул светло-коричневые брюки, так что стали видны короткие черные носки и белые щиколотки с признаками

варикоза, и произнес:

– Вик, каково там, в Зоне?

– Да вы шутить изволите, начальник. Да откуда ж я знаю?

Детектив кивнул собственным мыслям, словно ожидал именно такого ответа или, точнее, как если бы принимал в расчет несколько вариантов ответа, каждый из которых, случись Вику его дать, обладал бы в глазах Эшманна одинаковой важностью. В конце концов, вопрос был с подвохом.

– Я трубку раскурю, если ты не против, – сказал он, – а ты пока подумай.

На стене напротив Вика стали прокручиваться черно-белые кадры скверного качества с ним в главной роли. Вик Серотонин идет по улице к Хот-Уоллс; Вик Серотонин ставит на боях с пышкой под ручку; Вик Серотонин покупает кепку; Вик идет по улице, где живет, сбив кепку на затылок. Жизнь его была задокументирована с исчерпывающей полнотой: на одном снимке Вик прокладывал себе путь через толпу виповских клиентов в клубе «Семирамида» у Поли де Раада, остановившись на миг поговорить с лучшей девочкой Поли; съемка внезапно обрывалась у дверей задней комнаты клуба и возобновлялась в городе, прослеживая путь Вика до Лонг-бара, где в тумане помех и артефактов декодирования угадывался дуэт из кафе «Прибой», играющий маленькую авторскую композицию, – называлась она «Декода». Эта видеозапись словно обладала собственным интеллектом, строила нарратив и сама себя редактировала. Сопровождала Вика в туалет, проплывала над облупившейся краской и шахматным линолеумом, потом обратно, чтобы показать в итоге, как Вик стоит на влажном песке за баром, озадаченно глядя через периметр в Зону. Эшманн наблюдал, как Вик смотрит сам на себя. Курил трубку. Спустя несколько минут остановил воспроизведение.

– Итак, – сказал он. – Дальше мы посмотрим, что происходит в этом заведении почти каждый вечер. Вик, тебя на этой записи нет, но не будешь ли ты так любезен уделить ей некоторое внимание?

На стене крались в полумраке фигуры, совершая трудноинтерпретируемые движения; дверь с одного ракурса, неоновый знак «ЖИВАЯ МУЗЫКА ВЕСЬ ВЕЧЕР» с другого, еще одна дверь и море. Нанокамеры роились в свете фонарей на тропинке перед морем, словно икринки. Вик увидел, как дивные новые люди нерешительно удаляются от кафе «Прибой» – недооформленные, эмергентные, озадаченные, но полные надежд и предвкушающие новый опыт.

– Возможно, это и днем происходит. Может, мы недостаточно

пристально наблюдаем.

Двое парней в выходных рубашках. Девушка, неумело танцующая на песке. Держась за локти, бредут по Марикашель-Хилл вверх, к центру города. Пытаются завязать разговор, но вместо этого, прильнув друг к дружке, затягивают обрывки композиций, слышанных двадцатью минутами раньше в кафе «Прибой». Мало-помалу находят то, за чем пришли, и исчезают. Задумчиво взирают на неоновые вывески, с мягкими медитативными улыбками утягиваются в переулки, проскальзывают в тату-салоны и бордели. Вот они на камере – на миллионе камер, – а в следующее мгновение город уже поглотил их. Камеры мигнули.

Эшманн резко остановил запись.

– Артефакты ли это? – спросил он. – Или люди? Вик, а вдруг ты нам поможешь там, где бессильна аппаратура? Кем бы они ни были, они полностью лишены жизненного опыта – в буквальном смысле. У них нет связи с реальностью. – Он помолчал мгновение. Потом наклонился вперед, положил трубку на стол рядом с пепельницей и сказал: – Моя жена была немного похожа на них.

Вик уставился на него.

– Что?

– Они очень быстро выгорают, Вик, большинству и часа не продержаться. Но те, кто выжил!.. – Эшманн покачал головой. – Как тебе описать? Они учатся, как есть, Вик, как одеваться. Они учатся тому, что город от них хочет. Снимают жилье…

Он восхищенно качал головой.

– Вик, я должен узнать, какова твоя роль во всем этом.

– Вы считаете, что это мы с Поли затеяли? Контрабандой провозим их в город? Мы тут ни при чем!

Эшманн пожал плечами. Вик сердито глядел на него. Оба молчали. Близ потолка сновали и шерудились теневые операторы, похожие на летучих мышей. По стене офиса опять забегали зернистые картинки: Вик Серотонин входит в Лонг-бар, сдвигает на затылок новую кепку, перебрасывается парой слов с барменом. Выходит через туалет и идет по сырому песку к ореолу Зоны Явления, который камеры отображали зеленоватой люминесценцией. Эшманн кивнул с таким видом, словно камеры предложили ему не просто новую улику, а scienza nuova,[30] новую науку постижения вещей. Потом проговорил:

– Вик, я вынужден перед тобой извиниться. Из этого фильма, конечно же, очевидно, что ты никогда не бывал в кафе «Прибой», а особенно на задах этого заведения, у колючей проволоки, на расстоянии пары бросков от Зоны, той самой Зоны, которую ты

посещаешь регулярно, и даже не пытайся это отрицать…

Вик возмущенно фыркнул.

– Я в жизни не бывал в кафе «Прибой», пока от вас про него не услышал. Я сходил туда на разведку. Положитесь на меня – более гадостной стыковки тут нету.

Детектив, впечатлившись профессионализмом этой отговорки, задумался. Но к каким бы выводам ни пришел, а, когда заговорил снова, слова его потянулись по прежней колее.

– Представь себе, Вик, что они интегрируются. Зачем? Что с ними дальше происходит? – Он помолчал, словно взвешивая вопрос, на который у него не было готового ответа. Наконец закончил: – Вик, я тут не эксперт. Мне нужен твой совет.

– Я просто турагент.

Выдвигая это возражение, никем из них всерьез не воспринятое, Вик вдруг ощутил прилив воспоминаний о Зоне, о той встрече с артефактом, который впоследствии удалось сбагрить Поли де Рааду. Артефакт наблюдал за Виком с расстояния десяти ярдов. Существо нервничало, но от взгляда не уходило. Вик провел в ореоле два-три часа, а от Перехода углубился в Зону ярдов на пятьсот; он стоял под вишневым деревом, которое тут цвело уже шесть лет изо дня в день, и вдыхал обычные запахи Зоны, походившие на прогорклый жир. Вдалеке шумели животные. Долетали обрывки знакомой Вику музыки. Казалось, что рядом чей-то голос читает наизусть стихи. Все теряло здравый смысл. Воспоминание из тех, какие быстро отступают; но Вик погрузился в задумчивость и вдруг захотел оказаться подальше от полицейского участка.

– Приятно было с вами поговорить, – произнес он. – Может, еще увидимся.

Эшманн с неожиданным для своего возраста проворством рванулся к двери и преградил Вику путь. Схватил того за руку.

– Вик, не уходи, – потребовал он. – Это не всё. Я сегодня был у Эмиля, но он не в себе. Он давно уже не в себе.

– При чем тут Эмиль?

– Вик, этой записи можно дать устраивающее всех объяснение. Я закрою глаза на все, что вы там натворили. Даже на это.

– И что для этого требуется?

– Мне туда нужно. Мне нужно, чтобы ты отвел меня в Зону.

– Господи, – вырвалось у Вика, – да ты ж не хуже моего на голову ебанут.

Он смотрел в лицо сыщика, на его заЗипированные черты знаменитости – мешковатые щеки, ударную волну седых волос, дружелюбные глаза чуть навыкате. В глазах этих сияло

необъяснимое возбуждение, они слезились и предательски юлили, уголок рта бессильно обвисал. Сорок лет никому, ни ассистентам Эшманна, ни его начальству, ни даже супруге, не удавалось заглянуть под выкройку детектива, а теперь сыщик взял и раскрылся перед обычным турагентом в пустом неряшливом офисе, в середине утра, под сенью мертвой листвы теневых операторов, раскрылся без всякой видимой причины. Он подорвал этим глубинные основы представления о себе, то, что заставляло его уважать как сыскаря-профессионала, делало достойным соперником Вика. Маниакальная верность Эшманна делу Полиции Зоны вывернулась наизнанку и оказалась просто той же самой одержимостью, какая глодала Эмиля Бонавентуру или Вика Серотонина. Вик инстинктивно почувствовал, что копаться в этой информации не стоит. Он только оттолкнул сыщика с пути и вышел из офиса. Ему не было дела до мотивов Эшманна. Ему не было дела до причин внезапной перемены в поведении Эшманна. Ему не хотелось заглядывать в душу, которая на поверку оказалась такой же слабой и уязвимой, как его собственная, потому что он боялся поколебать хилую свободу своих действий.

– Арестуйте меня или отпустите, – сказал он через плечо. – Мне тут не нравится.

– А кому сейчас в гало легко? – напомнил ему Эшманн и посмотрел Вику вслед. – Ты бы лучше поосторожничал – на тот случай, если я тебя не смогу спасти от тебя самого.

Он связался с ассистенткой.

– Наведи на него все камеры, какие у нас есть, – велел Эшманн.

Но орбитальная группировка микроспутников системы слежения, списанная с какой-то войны в десяти-двадцати световых вдоль Пляжа, не работала.

– Эти поликремниевые движки и к своей-то керамике неласковы, – проинформировала ассистентка. – Они сегодня в отключке, и завтра, наверное, тоже будут, они извиняются. Ограничения в обслуживании, потеря связности.

Вскоре после того, как Вик Серотонин на ярком дневном свету поймал рикшу на перекрестке Юнимент и По, он стал так же невидим, как его приятель де Раад.

– А я думала, мы его арестуем, – заметила ассистентка.

– Мы передумали.

Как всегда, объяснял подчиненным человек, похожий на Эйнштейна, полицейская работа полностью лишена романтики, но напоена всеми разновидностями тайны. Он считал эту жизнь противоположностью жизни, которую прожила его жена, но

понимал, что его восприятие себя, способность оценивать свои действия в непрерывности, уже на ранних этапах их связи пострадало из-за попыток сфокусироваться на супруге. Но разве это имеет теперь значение, коли он наконец стал понимать, что творится в тесной эпистемологической щели между Саудади и Зоной Явления?

* * *

Вик Серотонин из полицейского участка поехал в клуб «Семирамида», потому что это было ближайшее место, где он мог опрокинуть стакан. В этот утренний час клуб походил на большой магазин, и атмосфера там царила примерно такая же, за вычетом высококлассных феромонов и дешевого ликера. Тут убирались. Несколько работников Поли, встревоженные его отсутствием, сидели за столиками у дальней стены, и меж ними Толстяк Антуан Месснер со своей телочкой Ирэн, судача на самую популярную тему дискуссий в гало в любой час любого дня – как дальше жить, когда они наконец слиняют с планеты. Ирэн воображала, как займется мелким бизнесом. Она признавалась, что идей у нее на этот счет не меньше, чем улыбок, но знала доподлинно, как его назовет, когда ей улыбнется удача: «Нова Свинг». Она полагала, что это имя толстяку понравится, и, действительно, он с ее идеей согласился, как соглашался со всеми планами Ирэн, словно та его уже убедила исчерпывающими аргументами. Он предлагал купить корабль. «Нова Свинг», считал Антуан, отличное имя и для ракеты, и для бутика, а ракетный корабль, как ни крути, тоже бизнес-актив. Антуан был уверен, что им удастся заработать ракетным извозом. Ирэн, услышав это, протянула руку через столик и усмехнулась всеми частями тела.

– О Антуан, это ведь только старт, а каких успехов мы достигнем потом, и представить сложно!

Тут на них наткнулся Вик.

– Привет, Толстяк Антуан! – воскликнул он, подтягивая один из многочисленных пустых стульев. – Я как раз о вас думал по дороге сюда, ну надо же!

Это утверждение отвечало истине, хотя более всего на пути в «Семирамиду», который разморенная поутру рикша преодолевала без особой прыти, Вика занимала другая проблема: что делать с его обещанием Элизабет Кьелар? Время для похода с клиенткой в Зону было неудачное. С другой стороны, не приходилось сомневаться, что если так пойдет и дальше, то вскорости Вик

вообще лишится возможности посещать Зону. Он не знал, чего боится больше: ареста за участие в делишках Поли де Раада, чем бы тот ни занимался в кафе «Прибой» (ибо Вик теперь был уверен, что кафе «Прибой» причастно к каким-то теневым операциям Поли, очевидно, при поддержке ребят из ЗВК), или оскорбительного для своего профессионализма увязания в вялотекущем умопомешательстве высокопоставленного сотрудника Полиции Зоны, спровоцированном вышеозначенными операциями Поли. Размышляя об этом, Вик чувствовал, как колеблется его уверенность в себе. Поэтому он обрадовался, завидев Толстяка Антуана, хотя уже через минуту передумал.

– Я тут вспоминал, как вам обоим всегда хотелось в Зону, – сказал он. – Ну что, теперь можно сходить. – Он улыбнулся Антуану. Тот не ответил. Потом Ирэн. Та недружелюбно взглянула на Вика в ответ и проговорила:

– Извини, мне в нюхалку надо.

– Антуан, если тебе нужна работа, у меня она есть.

– Я работаю на Поли, – ответствовал Антуан. – Потом, ты прикинь, я тебя целыми днями, неделями не вижу, и тут ты ни с того ни с сего зовешь составить тебе компанию в Зоне. Ты никогда не принимал моей помощи, когда я тебе ее предлагал.

– Наверное, – согласился Вик, – я поступал неосмотрительно.

– Ты никогда не принимал моей помощи, – только повторил Антуан, – когда я тебе ее предлагал.

– Да понимаю я, – отозвался Вик. Он знал, что этого недостаточно, но не смог больше ничего из себя выжать. Помолчав, он продолжил: – Поли хреново. Думаю, ты в курсе.

Он пожал плечами.

– Я это от самого Поли знаю, и тебе бы не понравилось с ним увидеться. Антуан, ему реально хреново. Тут еще нескоро появится новая работа. Оглянись-ка. – Он указал пальцем на ганпанков, осыпавших друг дружку бессвязными угрозами за партией в кости – точнее, в «Трехчленного Хьюи». Стоило кому-то показаться в дверях, как лица шестилетних и семилетних сорванцов выжидательно поворачивались в ту сторону – а если это была Элис Нейлон с новостями, то преисполнялись радости. – Ребята в курсе. Слышь, как насчет выпить?

Вик откинулся на стуле. Антуан смотрел на него, словно обдумывая ответ. Так они и сидели, пока из нюхалки не вернулась Ирэн, чье настроение улучшилось настолько, что она даже приняла от Вика коктейль, особо настояв, что они с Антуаном платят за себя.

– Вы двое все еще можете остаться друзьями, – рассудила она, взявшись за напиток. – Вы бы только доверяли друг другу чуть

больше. Нет, ну вы же знаете, что я права. – Она попыталась поймать взгляд Вика.

– Отличная идея, Ирэн, – сказал Вик, не глядя на нее. – Золотые слова. – И – Антуану: – Я думаю завтра туда выбраться.

Воспоследовало беглое обсуждение: где встречаться, когда, как спрыгивать, какого вознаграждения за свои услуги вправе ожидать Толстяк Антуан. Потом Вик отправился домой.

– Он очень одинок, – заключила Ирэн, пока они смотрели, как Вик покидает «Семирамиду», – и пути его всегда замыкаются в кольцо. Антуан, я тебе должна кое о чем сказать, но ты должен как следует подумать над ответом, потому что твое решение может очень много означать для наших надежд и грез.

* * *

У Вика Серотонина в углу квартиры в саутэндском доме без лифта стоял небольшой деревянный комод с ящиками, выкрашенный от руки темно-зеленой краской; там он держал некоторые предметы из Зоны. Ничего смертоносного. Если отвести взгляд от артефакта, неизменно создается впечатление, что тот живет собственной жизнью, фактически улучает возможность прожить ее. Но это были не артефакты, или, во всяком случае, они себя такими не проявляли; обычные предметы, которые Вик подобрал в Зоне: бронзовая фигурка ящерицы длиной дюйма три, чашка, полная бусинок ярких цветов, пара пыльных керамических плиток с фруктовым рисунком.

Вик изучал их пару мгновений: они его успокаивали, каким-то образом выделяясь из дешевых репродукций остальной комнаты. Потом, вздохнув, выдвинул другой ящик и снял мягкую тряпку с пистолета Чемберса.

Он тщательно протер комод, вытащил вторую тряпку и разобрал пистолет, исследовал и аккуратно смазал механические части, прежде чем собрать снова. Чип, по идее, обязан был держать физику в узде, но пистолет Чемберса слыл кошмаром жокеев-частичников, равно людей и чужаков. Вик его купил с хорошей скидкой у Поли де Раада, а тому оружие досталось, в числе прочего хабара, от снабженца ЗВК; они вместе служили на какой-то войне. Каждый раз, когда Вику приходилось чистить пистолет, он так и слышал наставительный голос Поли: «Будь вежлив с этой пукалкой, тогда, может, она убьет кого-то другого вместо тебя».

Закончив с этим, Вик задумался, что делать дальше. В

комнату вползали вечерние сумерки. Воздух остывал, с дальнего края некорпоративного порта подтягивался туман. Время от времени Вик вставал, подходил к окну и смотрел вниз на улицу, но большей частью просто сидел на койке, заворачивая пистолет в тряпку и снова разворачивая, пока в дверь не постучала миссис Элизабет Кьелар и он ее не впустил.

– Я так испугалась! – сказала она.

Она переминалась с ноги на ногу на пороге, словно ожидая дальнейшего приглашения.

– Меня на улицу вынесло, сама не знаю зачем. Я пошла в бар, но потом вспомнила, что тебя там еще не может быть. – Не дав Вику ответить, она быстро спросила: – Ничего, что я пришла?

Подняла воротник куртки и снова опустила; заоконный свет подчеркнул резкую линию челюсти.

– Ты же сказал мне прийти.

– Ты вообще хоть когда-нибудь говоришь то, что имеешь в виду? – поинтересовался Вик.

Он коснулся ее там, куда упал свет. Оба стояли очень прямо. Она озадаченно поглядела на Вика.

– Мы никогда не знаем, что имеем в виду, – сказала она. – Мы это проживаем от момента к моменту. Мы никогда не знаем, что имеем в виду, пока не станет уже слишком поздно. – И – когда Вик опустил пальцы ниже, нашаривая пульс у нее на шее: – Почему бы тебе меня не трахнуть? Нам же обоим этого хочется.

Вик проснулся в темной комнате от глубокого и беспокойного сна, убежденный, что кто-то в этот момент пытался с ним связаться, передать сообщение, которое никому не пришлось бы по вкусу, – весть о переменах плана, о взыскании долга, о смерти кого-то из родителей, короче – весть, которая в 2444-м только и могла отвлечь человека от переживаний, утверждавших его реальность перед самим собой. Атласное нижнее белье Элизабет Кьелар валялось на койке, ускользая от прикосновений, точно вода. Сама Элизабет стояла на коленях невдалеке, чуть изогнувшись в пояснице, поджав под себя ноги: йодистые тени подчеркивали каждую мышцу и косточку. От нее шел резкий суховатый возбуждающий запах: наверное, индивидуальные феромоны. Она раскрыла дневник и держала его так, чтобы свет из окна падал на страницы. Увидев, что Вик не спит, улыбнулась.

– Зачем мне это? – спросила она.

– Только ты можешь ответить.

– Пока ты спал, я выглядывала из твоих окон, – сказала Кьелар. – Я твои вещи пересмотрела. Это было неправильно? – Она вздрогнула и уставилась прямо перед собой, точно в конец

долгой дороги. – Я пишу дневник, потому что ничего о себе толком не помню. Вы помните свое детство, мистер Серотонин?

– Я Вик, – сказал Вик.

Он потянулся к ней и взял под локоть.

– Не паникуй, – произнес он. – Прочти мне что-нибудь.

– Я боюсь того, что завтра случится, – ответила Элизабет.

– Ты это в дневнике вычитала или у тебя предчувствие?

– Я это в дневнике вычитала, – сказала она, – и у меня предчувствие.

– Не надо тебе туда идти, – сказал Вик, хотя знал, что она пойдет. Закрыв дневник, она уронила его на койку и стала одеваться. Вик подцепил дневник с койки, понюхал страницы, пошелестел ими. Он чувствовал, как она наблюдает за ним, пытаясь понять, как он поступит дальше. Найдя относительно понятную запись, он прочел ее вслух. «Некоторым, – писала она, – после путешествия по морю так и не удается вернуться к прежней походке. Они, конечно, выходят на берег, но впоследствии им так же тяжело ходить по суше, как по матрацу. Но еще тяжелее им сидеть или пытаться заснуть. В движении эти симптомы, по крайней мере, минимизируются».

– Не надо! – воскликнула она. – Не надо!

«Они зовут это mât de débarquement».[31]

Она закрыла ему рот рукой.

– Чем пахнут мои пальцы?

Вик рассмеялся.

– Морем, – сказал он.

– Ну так увлажни меня, э?

Он повернул ее руку, облизал пальцы и вложил ей в вагину.

– Ты это делаешь, потому что… – начал было он, но тут сработало подключение, и голос Элис Нейлон без предупреждения вторгся в его голову.

– Если это Вик Серотонин, – сказала Элис, – то с тобой хочет поболтать Поли.

После этого включился сам Поли. Вик отодвинулся от Кьелар.

– Хай, Поли, – сказал он.

* * *

У Поли де Раада в числе прочих схронов имелась квартира на Бэддингтон-Гарденс, на верхнем этаже типовой высотки в ретросоциалистическом стиле 1965 года; шикарная для той эпохи, но стены основательно потрескались, а в промежутках между полами и плинтусами заметны были бумажные пыжи,

использованные предыдущими владельцами взамен цемента. Прямоугольное пространство квартиры озаряла точечная подсветка, а панорамное окно выходило на залив, обеспечивая обзор до самой Суисайд-Пойнт. Квартира была обставлена и оформлена под модерн, тут имелись бар и, среди других предметов обстановки, телевизоры в исторически корректных деревянных корпусах, подключенные к сверхсветовым маршрутизаторам: через них Поли управлял делами по всему Радиозаливу.

На полу лежал белый ковер от стены до стены.

Элис доставила сюда босса двумя днями раньше и с тех пор присматривала за ним. Она готовила ему блюда, какие умела, – в основном фалафель и брауни, но Поли не хотел есть. Она смешивала ему коктейли в баре, но Поли выпивка не интересовала, и это было очень странно. Когда Поли спал, Элис вытирала ему лоб полотенцем или, стоя на цыпочках, любовалась его причиндалами. Больше всего Элис любила белые трусы и кальсоны, которые Поли аккуратно раскладывал в шкафу, и, увидев их впервые, зарылась туда лицом, но впоследствии заглядывала в шкаф только затем, чтобы взять свежую пару взамен запачканной. Остаток времени она проводила в разговорах с персоналом «Семирамиды», разруливала проблемы по всему городу и пыталась понять, кто и насколько струхнул.

– С ним все в порядке, – говорила Элис своему дружку Картографу: он был не из ее ватаги, так что ему можно было приоткрыться. – С другой стороны, ты бы к нему лучше не подходил. Я и сама осторожничаю. Понимаешь, о чем я?

Поли ненадолго приходил в себя, но не обращал на нее особого внимания, предпочитая перетирать со своими дружками на Пляже. Понять, как обстоят дела, было сложно, и поначалу Элис даже обрадовалась, когда Поли вспомнил про Вика. Она слушала разговор на случай, если бы кому-то из собеседников понадобилась ее помощь, и в надежде, что от услышанного ей полегчает. Надежду вскоре убили. Стоило Вику сказать: «Хай, Поли», как Поли рявкнул на него:

– Не хай меня! Ты кто, бля, такой, чтобы меня хаять, дешевый членосос?

Вик порекомендовал Поли успокоиться и взять себя в руки.

Де Раад густо расхохотался.

– Не, ну ты прикинь? – сказал он Элис Нейлон. Может, Поли и пошел вразнос, но сохранил достаточную ясность ума, чтобы заметить присутствие Элис на линии. Поли всегда ставил безопасность переговоров во главу угла. Она ответила:

– Ну да, Поли, мне и самой не верится.

Услышав Элис, Вик вроде бы расслабился.

– Как у вас дела? – спросил он у нее.

– Ты не смей говорить с Элис, – заорал Поли, – пока я здесь! Ты со мной, бля, говоришь или с кем, чучело? – Позволять беседе и дальше развиваться в этом направлении не стоило, поэтому все участники как воды в рот набрали.

– Идиот жопоголовый! – добавил Поли после паузы, имея в виду скорее себя, чем Вика. – Вик, ты хоть что-нибудь делаешь, чтобы мне помочь? Я от своих людей прятаться вынужден. Мне плохо. У меня бизнес зачах. Оно во мне, Вик. Я его чую, я слышу, как оно говорит со мной. Мне ребята советуют *прокакаться*. Когда кишки парализует, такой совет не слишком эффективен, друг мой. А между тем – ты-то что делаешь, чтобы мне помочь?

– Поли, я не знаю, как тебе ответить.

Вик обнаружил, что ему легко признаться в своем состоянии.

Элис видела, что Поли теряет перспективу, – она же у него лучшая, ей легко было понять, что Поли теряет перспективу.

– Если я тебе приволок дочку, – говорил Вик, – ну так ты же всегда считался с таким риском. – Элис чувствовала, как он подбирает слова, размышляя, что добавить, но Вик сказал только: – Я завтра с клиенткой стартую от Балтийской биржи, сразу после рассвета. Может, получится для тебя что-то найти.

Все трое понимали, что этот шанс выеденного яйца не стоит. Снова воцарилась тишина, после чего Поли де Раад сказал:

– Вик, ты меня наебал.

И отбил вызов.

– Элис? – позвал он. – Я еще могу на тебя положиться?

– Ты же знаешь, Поли, что да.

– Набери-ка мне Лэнса Эшманна, у меня есть кое-какая инфа для него.

В первую ночь на Бэддингтон-Гарденс Поли кричал во сне четыре часа подряд, и у него по рукам ползли ко рту точки белого света. Утром он послал на Фойгт-стрит за тем самым пацаном с радиоактивной кровью или еще чем, который всю эту кашу и заварил. У Элис ушло все утро на транспортировку мальчишки, поскольку тот все время падал, блевал, вылезал из рикши и норовил скрыться в универмагах, напевая себе под нос с экзальтированным выражением лица, и Элис его усладе не завидовала; когда они вернулись, Поли разделил самую просторную комнату пополам шторой. С тех пор он проводил время за ней, забрав к себе мальчишку, а Элис не подпускал и не давал на себя взглянуть. У них там был биотуалет. Приходилось передавать им обоим вещи за штору. Однажды Элис удалось заметить, что кровать вся скользкая и Поли с мальчишкой тоже

скользкие от какой-то прозрачной смолы. Возможно, их рвало этой смолой и поэтому Поли отказывался есть. Спустя примерно восемь часов комнату стал заполнять запах; одновременно с этим у Поли за шторой что-то случилось с голосом. Каждую фразу он начинал басом, будто слова у него застревали в глотке или он жевал рокфор на ходу; потом, на середине, голос подскакивал на добрую октаву и становился музыкален. Элис эту музыку помнила. Ей она не нравилась.

– Он на связи, – сообщила Элис Поли, когда детектив подключился. На сей раз Элис не стала оставаться на линии. Никогда не знаешь, какие операторы на дежурстве в Полиции Зоны.

* * *

Примерно за час до звонка Поли Вику, но не больше, Лэнса Эшманна можно было застать быстро идущим по Корнишу в сторону кафе «Прибой», где, не заглядывая в Лонг-бар и не занимая привычного места за столиком в углу, он укрылся от дождя в сумраке заброшенного причала и простоял там некоторое время, постукивая ногой по песку в такт слабо слышному джазу, пока на пляже не появился Антуан Месснер и не направился к сыщику.

– Ага, – произнес детектив. – Добрый вечер, Толстяк Антуан.

– О, можно просто Антуан, – ответил Антуан.

Вид у Толстяка был обреченный, он вымок до нитки, словно его недавно сбросили в море. Складной дождевик при каждом порыве ветра раздувало по сторонам, и роскошный голубой костюм он защищал плохо. Дождь вынудил Антуана этим вечером совершить тур по всем барам, от «Мира сегодняшнего» до «Стоп-крана», и промокшие волосы его казались на красном лице лакированными: стоило Антуану куда-то сунуться, как дождь утихал, а стоило выйти, как лил с новой силой. Толстяк остановился недалеко от причала и, взглянув на издырявленные ржавчиной колонны, сказал:

– Я туда не пойду, спасибо.

Улыбка детектива Антуану добродушной не показалась.

– Я уже много часов тут хожу туда-обратно, чтобы вас не проморгать.

– Мы ведь на это время и условились.

– Мне со временем никогда не везло. У меня с ним вечная напряженка.

Внезапно дождь припустил еще сильнее. Антуан был

вынужден укрыться под причалом.

– Вот видишь? – пробормотал Эшманн, словно получив какое-то доказательство. – Не так тут и плохо. – Они постояли, изучая валявшийся вокруг причала мусор, слишком тяжелый, чтобы его унесло морем. Перевели глаза на ограду из ржавой колючей проволоки и едва различимый флуоресцентный ореол на восточной границе самой Зоны Явления.

– Антуан, тебя это место пугает?

– Мне до него нет дела.

Эшманн сделал вид, что обдумывает услышанное.

– Мне почудилось, я там что-то заметил, – сказал он. – Как раз перед твоим прибытием. – Трудно было судить, мотает ли это ветром по песку тряпку или бумажный ком, либо же там движется нечто одушевленное.

– До этого места всем есть дело. В противном случае разве мы бы тут говорили?

Антуан пожал плечами. Эшманн попробовал раскурить трубку, не сумел и предложил зайти в Лонг-бар, ведь ничего интересного снаружи не предвиделось.

– Там теплее, можем выпить этого коктейля, которым ты всех угощаешь.

Но Антуан не хотел соваться в кафе «Прибой».

– Я пришел продать тебе Вика, – заявил он.

– Это выставляет ситуацию в ином свете, – согласился детектив. – К тому же, как я помню, тебе не по нраву тамошняя музыка. Тогда пойдем со мной, посмотрим Зоне прямо в глаза, и ты мне расскажешь все, что знаешь.

Он взял Антуана за руку и заставил его взглянуть через колючку в Зону, восторженно витийствуя:

– Осколок Тракта Кефаучи! Фрагмент сердца всего, упавший на землю! Я его боюсь, Антуан, боюсь не чего-то конкретного, а всего того, что это может нам принести, и потому спрашивал, как себя чувствуешь ты.

Антуан молча пялился на него. Колючка местами так проржавела, что от прикосновения развалилась в труху. Эшманн растер немного между пальцами, как листик мяты, и понюхал.

– Эту секцию не меняли с момента исходного Явления, – заключил он. – Антуан, а почему ты хочешь сдать мне Вика Серотонина?

– Мне тут не нравится, – вдруг сказал Антуан.

Эшманн не выпустил его руки.

– Но ты же должен был к этому месту привыкнуть. Вик круглый год шляется в Зону и обратно.

Антуан расхохотался.

– В здравом уме никто тут в Зону не полезет, – проговорил он. – Ты что, решил, будто Вик отсюда спрыгивает? Да ты глаза разуй, блин! – Ореола тут, строго говоря, вообще не было: лишь тончайшая кромка Перехода между двумя различными слоями реальности. Легко было без предупреждения вмазаться черт знает во что. – Ты на воздух там глянь!

По воздуху катилась какая-то рябь вроде марева в жаркий день, только темная и холодная, и самим своим существованием, казалось, подтачивала уверенность Антуана в его правоте.

– Я сейчас сорвусь, – заныл он. Потолкавшись немного с Эшманном, вырвался из хватки сыщика и быстрым шагом пошел прочь от Зоны, в дождливую ветреную ночь и к причалу; дождевик его разметался и дико хлестал по бокам.

– Я никогда не совался тут в Зону, – бросил Антуан через плечо, – ни с Виком, ни с кем еще.

Эшманн, который заторопился следом, этой фразы уже не услышал. По ту сторону колючей проволоки что-то изменилось, и на полпути к безопасному кафе «Прибой» их настиг фронт Волны. Толстяк Антуан повалился на колени, беззвучно разевая и закрывая рот, а детектив, которому разом отказали ноги, застыл неподвижно и уставился в море, где ему померещились два или три старых ржавых грузовых корабля, пришвартованных у причала под ярким полуденным солнцем. Между стиснутых челюстей у Эшманна словно электрическую дугу включили.

– Ирэн не понравится, как ты обошелся с новым хорошим костюмом, – услышал детектив собственный голос. Лицо Антуана дернулось к нему, мертвенно-белое под струями дождя.

– У меня инфа. Где Вик завтра стартует. И кто его клиентка. Но разумеется, за вознаграждение.

Эшманн продолжал глядеть на море.

– Что-нибудь сообразим, – рассеянно пообещал он.

Струи дождя хлестали Антуана, текли по его лицу; руки и колени оставили мягкие впадины в песке, точно на поверхности пространства-времени, которой вода, казалось, придала эластичность.

– Мне нужно больше, чем это твое *что-нибудь*, – сказал он. – Я искренне поддерживал Вика. Как и все в «Белой кошке, черном коте». Но вынужден признать, что он не ответил тем же, и пора мне вернуть себе ответственность за свою жизнь, которую я на него привык перекладывать. – Он поднял взгляд на детектива. – С того самого дня, когда попытался я завязать дружбу с человеком настолько одиноким, как Вик Серотонин, не было мне от него никакой пользы. Может, хоть сегодня выйдет.

Но Эшманн не слушал его, скосив глаза с видом рассеянным,

как бывает обычно при подключении.

– Хай, Поли, – произнес он.

* * *

Вскоре после вышеописанных событий в другом конце города, в Глоуб-Тауне, Эдит Бонавентура, испытывая прилив вины, проснулась от сна, в котором снова была знаменитой тринадцатилеткой, – сновидения, подобного блеску хромированной накладки аккордеона в дыму; мехи аккордеона раздуваются и сужаются так привередливо, что слушателю трудно соотнести эти движения с музыкой, и сон отличался аналогичным поведением. Он посещал Эдит снова и снова, принося шумную атмосферу ностальгического гламура, и, как иногда казалось ей, не преследовал лучших ее интересов. Глоуб-Таун, напротив, предстал пробудившейся Эдит тихим и темным треугольником аккуратных улочек, над которыми в воздухе все еще затухали отголоски безжалостного выброса энергии, акта насилия каких-нибудь законов физики над другими. Огромный туристический лайнер (Эдит припомнила, что это должна быть «Королева скелетов» от «Бетс/Хирстон» и направляется она световых лет за пятьдесят отсюда по Пляжу самое меньшее, на Санта-Муэрте, которую в туристическом путеводителе величали Планетой Альфанских Лун) только что отчалил на парковочную орбиту.

Эдит сбросила ноги с кровати.

– Если ты думаешь, что я поверила, – сказала она сновидению, – ты ошибаешься.

Пол холодил ступни, ночнушка закрутилась узлом в пояснице, словно играть музыку во сне было так же тяжело физически, как и наяву. Она не винила «Королеву скелетов» за скоропостижное пробуждение; более вероятно, что потревожил ее Эмиль и его почки.

– Эй, – окликнула она отца, – ничего не делай. Я иду. Все в порядке. Оставь, я разберусь. Что бы ты там ни натворил.

Ответа не было.

– Я иду, – повторила она.

Эмиль заполз под кровать, и у него заклинило бедра. Она попыталась его оттуда вытащить.

– Эй, ты мне вообще поможешь? – сказала она. – Хоть чем-нибудь.

– Билли, мы засыпались. Эти штуки там, они не человеческие. Нам конец.

– Эмиль, кончай дурить, это же просто круизный корабль.

– Ты глянь на эту цыпочку! Куда там твоей стае обуви, блин!

В комнате было совершенно темно, если не считать ползущих по стенам синих и зеленых огоньков: это в умных татуировках Эмиля система брэгговских отражателей выкройки и флуоресцентных пигментов, позаимствованных у бабочек, поглотила жесткий ультрафиолет выхлопа туристического лайнера и переизлучала его теперь в видимом спектре. Отлет «Королевы скелетов» вызвал у Эмиля кратковременный припадок и, судя по всему, вынудил его обгадиться. Эдит, испытав неожиданную усталость и сокрушительную тоску, задалась вопросом, что она, блин, тут делает и, вообще, что тут делают все остальные, где бы ни были. Она легла на пол рядом с отцом и разрыдалась.

– Ты мне не помощник, – заявила она, сердито отвернувшись от него, как жена. – Я все сама должна делать. – И – снова обернувшись: – Мы пришли сюда со звезд, Эмиль, и звезды – наш дом. Мы от всего этого отказались ради твоего безумия.

Эмиль с глубоким сомнением посмотрел на нее.

– Я не только под этой кроватью в своей жизни валялся, – ответствовал он.

Эдит утерла слезы рукой и рассмеялась.

– Я в курсе, – сказала она.

– Думаешь, я не знаю, отчего со мной такое? – произнес он. – Нейронные программы глючат. У нас тут у всех в Глоуб-Тауне мозги закорачивает. Нет, ну серьезно, нужно переехать в более безопасное местечко. Эти отлеты – кошмар квантовика.

– С тобой такое творится, потому что в Зоне ты из ума выжил.

– И поэтому тоже, – согласился Эмиль. – Но все-таки прилеты еще хуже.

– Иисусе, Эмиль, как же от тебя воняет!

– Если дашь мне руку, я попробую оттолкнуться другой ногой.

В конце концов она его вытащила и подтерла в диковинном угасающем свете, переизлученном татуировками после мятежа «Королевы скелетов» против законов физики. Расстелила на кровати новые саржевые простыни и водрузила туда отца. Подбила подушки и села рядом. Выглядел он неплохо.

– Ты неплохо выглядишь, – сказала она ему, – для своих лет. У тебя даже благообразная седина, как у старейшины.

Убедившись, что он снова заснул, Эдит спустилась к себе и села листать том дневника пятнадцатилетней давности. В комнате стало холодно. Еще не рассвело. Периодически поглядывая на ряды детских костюмов у стен, подобные остаточным изображениям Эдит в неведомой науке среде, она

обнаружила, что уже не помнит, где тогда была и в какой части жизни.

«Засыпая в Зоне, безальтернативно попадаешь в плен небольших безумных картинок, – писал Эмиль. – Вот что мне привиделось вчера ночью: человек выплевывает змею. Ему помогает еще кто-то. Они кажутся сплетенными, хотя язык их тел чужацкий».

Она задремала, и тут позвонил Вик Серотонин.

– Привет, Эдит, – сказал он.

– Забавно, что ты это говоришь, Вик, – ответила она и отбила вызов.

Когда Вик, как она и ожидала, позвонил снова и поинтересовался делами Эмиля, она ответила:

– С ним все в порядке. Он счастлив. Через дырки в его голове всегда видно, о чем он думает.

На линии послышался зловещий ритмичный каркающий треск, затем возникла обычная визуальная интерференция, и показалось, что предметы вокруг закручиваются прочь от линии взгляда. Она прикрыла глаза, стало легче, но стоило Эдит к чему-то присмотреться – и все ускользало. История ее жизни.

– Но мне-то ты зачем звонишь? – сказала она. И – не дав Вику ответить: – Ну, ты просто хочешь извиниться. Тебе завтра в Зону. Ты решил проверить, не передумала ли я насчет дневника.

– Эдит…

– Но кто это там с тобой, Вик? Во-от. Ты не ответишь.

На сей раз уже Вик отключился.

– Значит, не видать тебе дневника, парниша, – прошептала Эдит. Выждала немного, собираясь с мыслями и давая Вику шанс переубедить ее. Ветер подул с моря, понес дождевые струи в сторону корпоративного порта. Отбыл небольшой корабль, вознесся на белом пламенном стержне, подобном разлому в структуре вещей. Мир перестал вертеться. Убедившись, что Вик больше не перезвонит, Эдит открыла новую линию и сказала голосу на том конце канала:

– Свяжите меня с Полицией Зоны.

Наверху Эмиль Бонавентура восседал на подушках, словно мумия: кожа кажется желтой от фонарного света, падающего через окно, ребра подчеркнуты тенями. Умные татуировки разрядились, дыхание едва слышно. Эдит видела пульс на шее. И почти видела, как бродит жизнь в его теле, мысль в голове, почти различала сны, навеки ему теперь недоступные: мелкая вода на потрескавшихся черно-белых плитках среди ничейных предметов обихода – книг, пластинок, журналов… пустые туннели воняют химикатами… черный пес бесцельно носится вокруг Эмиля,

спящего на грязном болотистом берегу, ни внутри ни снаружи того, что можно назвать миром, а в доме неподалеку женский голос тянет какую-то пронзительно жалобную песнь.

– Эмиль, – прошептала она. Это значило: «Я здесь. Все в порядке. Не бросай меня».

Спустя миг он открыл глаза и улыбнулся.

– Где Вик? – прошелестел он.

– Вик к нам больше не придет, – ответила Эдит.

* * *

Позднее той же ночью ветер унялся. Дождь перешел в морось и затем перестал совсем; вместо него на Корниш явился туман, заглушая веселый гомон из кафе «Прибой». Человек, похожий на стареющего Альберта Эйнштейна, сидел на холодном валуне у моря, глядя, как могло показаться, на рикш, что прибывали на изогнутую устричной ракушкой парковку и отбывали, или перебрасываясь парой слов с Монами, что сновали кругом в лаймово-зеленых юбках-трубах и оранжевых болеро-топиках из поддельной шерсти. Они флиртовали с ним, а Эшманн в знак благодарности часто показывал картинки с девушкой, которую Моны принимали за его внучку. В двадцати-тридцати ярдах, к общему удовольствию, видимость обрывалась; кафе и парковка были залиты приятным сиянием стаек рекламы. Все неподдельно наслаждались жизнью, когда на парковку вкатился розовый «кадиллак-родстер» 1952 года выпуска; благословенный или проклятый, в зависимости от мнения смотрящих, великолепием заниженных колесных надкрылков и изящных задних фар, чуть траченный позднейшей примесной эстетикой, гигантский автомобиль бесцеремонно проложил себе путь через сонмище рикш, а из отделанного безупречной белой кожей салона донеслись звуки WDIA, «Радио Ретро», Звездной Станции, перемежаясь истеричными выкриками комментатора прямого эфира из «Prêter Cur».

– Впечатляет, – похвалил ассистентку Лэнс Эшманн. – Если ты не против, я сниму дождевик, а то совсем промок, и положу его вон там сзади.

– Вы с этими Монами, как мне показалось, отлично знакомы, – ответила ассистентка.

– О, благотворительность. Порули немного, а потом меня пустишь.

Он пристегнулся.

– Езжай куда хочешь, мы просто время убиваем. Кстати, ты

что, вернулась в спортивную полицию? Если нет, какой тогда смысл слушать эту бессмысленную музычку для бойцовых петухов?

Он потянулся к приборной доске и выключил радио.

– Потом как следует позавтракаем; может, в «Pellici» поедем, я же знаю, тебе там понравилось. А затем я тебе позволю сделать то, о чем ты мечтала: арестовать Вика Серотонина.

Он хмыкнул.

– Ох уж этот Вик! – протянул он. – Предан трижды за одну ночь. Ей-богу, смех берет.

Они поехали вдоль берега. Сперва, поглядывая в водительское зеркальце, ассистентка видела лишь перламутровое отражение фар, размытое туманом вокруг машины, но вскоре туман разнесло на клочки температурными градиентами над морем. Эшманн понял, куда она его везет, и настроение у сыщика резко переменилось. Он сложил руки на груди и уставился вперед.

– Ты слишком быстро рулишь, – посетовал он. – Как можно наслаждаться поездкой в таких условиях?

Еще пятнадцать миль – и видимость стала идеальной. Вскоре после этого ассистентка выехала на возвышенность и остановила машину, глядя на море.

– Давненько я тут не бывал, – признался Эшманн.

В салон «кадиллака» ворвался холод, но опустить крышу сыщик ассистентке не позволил. Приподнялся, упер ладони в верхний край лобового стекла и стал глядеть, как широкие океанские волны разбиваются о берег залива. Еще дальше синим призрачным огоньком крутилась одинокая реклама какой-то рикши; в остальном же пейзаж был угольно-черен, лишь небо и море налиты разными оттенками серого.

– Это место было под наблюдением? – произнес детектив наконец. – Я удивлен. К расследованию оно касательства не имеет.

– Вы дотошны, это всем известно, – ответила ассистентка. – Вы побывали здесь в день, когда нашли ее тело, и отметили это в журнале.

– Днем тут красивее.

Привстав, он неподвижно смотрел на море.

* * *

Вызванные соседями люди в форме нашли тело его жены в шесть часов теплого летнего вечера распростертым среди

поломанной мебели, коробок с одеждой, груд местных новостных рассылок, журналов мод и старых пластинок, разделивших пол бунгало на узкие ущелья высотой по пояс; в это время густой желтый свет сочился в них через щели в неплотно прикрытых деревянных жалюзи, точно крем между слоями наполеона.

– Они тут же вызвали меня, – говорил Эшманн. – Там было жарко.

От желтоватых страниц удушающе пахло солью и пылью.

– Запах лез в нос и рот.

Тело лежало в странной позе, выгнутое клином, – одна кисть загнута под спину, другая покоится на каком-то номере «Харперс и Куин», левая рука сжимает пустой стакан; дешевое, выцветшее от солнца платье-распечатка смялось и задралось, обнажая желтое бедро; но, как отметили люди в форме, ни одна из груд ретромакулатуры при падении не пострадала. Не было и следов борьбы. Казалось, что убийца двигался в доме так же скованно, как и любой другой посетитель. Под мышкой у женщины были вытатуированы строчки: «Ниспошли мне сердце неоновое, с любовью его пошли, найди меня внутри».

Когда труп перевернули, оказалось, что в другой руке письмо, которое Эшманн ей написал еще в пору их молодости. Следователь, несколькими годами моложе Эшманна, неохотно подозвал того, и Эшманн постоял мгновение, разглядывая письмо, но казалось, что голубоватая бумага, которой он тогда воспользовался, заинтересовала сыщика больше, чем сами строки послания; потом отошел и озадаченно остановился в центре лабиринта. Люди в форме говорили друг с другом тихо и взглядов Эшманна избегали. Он это все понимал, но могло показаться, что подобное зрелище видит впервые, хотя, выглянув между жалюзи, узрел бы Кармоди, Манитаун, мол в гавани и весь остальной город, начерченный резкими четкими линиями татуировки в подмышке залива на фиолетовом свету.

– Что я мог сделать? – спросил он теперь ассистентку.

– Они правильно поступили, что не дали вам взяться за это дело.

– Правильно ли? – Он пожал плечами, словно на таком удалении в прошлое это уже не было важно. – Я им говорил: «Вы уж потрудитесь как следует». Я сказал: «Потом доложите мне в подробностях». Потом меня кто-то оттуда увез, кто-то сияющий и амбициозный, как ты, и тоже полиглот. Я попал под подозрение, хотя никогда не работал в Кармоди и татуировок не умел наносить.

Он огляделся.

– Тут днем лучше. Больше света.

Больше света, теплый ветер на краю скалы, шепот прибоя далеко внизу. Несколько трухлявых сосенок, истоптанный ногами туристов клочок красной почвы. Невероятное чувство свободы, о котором он с тех пор сожалел ежедневно.

– Отвези меня обратно, – попросил он. – Вижу, позавтракать не получится.

На пути обратно к Эшманну вернулась сосредоточенность, охватившая его, когда Вик Серотонин вчера днем покинул полицейский участок. На крыльце бунгало он некоторое время постоял, перебросив через плечо мокрый дождевик и глядя, как ассистентка трехточечным разворотом направляет «кадиллак» вверх по Марикашелю, в центр Саудади.

– Ты от моих теневых операторов об этом узнала, – обвинительно заметил он. – Умно. Надеюсь, ты добилась желаемого.

– Никогда мне вас не понять.

– Никому никого никогда не понять, – сказал он. – Нам обоим нужно немного отдохнуть.

Ассистентка ничего этим не добилась, только загнала Эшманна глубже внутрь себя, в место, которое теперь казалось ей куда более сложным лабиринтом, нежели возведенный его покойной женой. Не заезжая домой, ассистентка отправилась прямо на Си-стрит, на бакоферму. И невесть почему выбрала мягкую и слабовольную, в сравнении с предложенной баком, версию себя. Убралась в доме 1950-х, выбрала одежду 1950-х, особое внимание уделив шелковым дамским панталонам, и стала ждать, пока мужчина из 1950-х вернется домой, размышляя, перекинется ли он с ней словом хоть раз, но в основном – воображая его грубоватые, покрытые табачными пятнами пальцы на своем теле. Программатор бака дал ей возможность съездить за покупками на «кадиллаке» Эшманна, хотя ассистентка его немного переделала, закруглив обводы, подчеркнув капот молдингом и снабдив боковыми воздухозаборниками, поработав над задними плавниками и заниженными надкрылками, а в заключение, сочтя облупленную краску одновременно аутентичной и неаутентичной, сбрызнула опалесцентно-перламутровой, словно карамель, синькой. Рулевое колесо сделала хромированным, потом продлила хромовую отделку до надкрылков и решетки радиатора. На передних сиденьях хватало места, чтобы, заехав на стоянку возле парка аттракционов, растянуться во весь рост и, глядя, как яростно вертится в небе колесо «Метеорита», мастурбировать; примерно через десять минут ассистентка с протяжным вздохом кончила. Это было сладко, как спать.

Пока она себе рассказывала эту сказку, Эшманн сидел, слушал море и пытался сопоставить то, что знал о себе и жене, с информацией о Зоне Явления. Сдав ему Вика, Эдит Бонавентура прислала рикшей дневники ее отца с записями о пребывании в Зоне. Она сказала, что ей это нужно было сделать. Перелистывая дневники (в некоторой растерянности, ибо Эмиль, при всем своем опыте, совершенно упускал из виду то, что теперь понял Эшманн), он почти случайно уснул, и впервые за пятнадцать лет ему приснилась не покойница, а что-то другое: вода, прохладная, как утренний свет, вокруг его ступней и щиколоток, далекий счастливый смех. Он решил, что это, должно быть, воспоминание из детства.[32]

8
Стоячие волны

Когда кошачий поток развернулся в Зону и потек вверх по Стрэйнт-стрит, мимо желтого окошка бара Лив Хюлы «Белая кошка, черный кот», уже снова задождило. Шел пятый час утра. Как только улица очистится, на ней появятся несколько портовых рабочих, которые обычно срезали через Стрэйнт крюк до ионников. Потом подмастерья портняжек и клерки, снимающие угол поблизости, – этим последним уже пора было на работу вниз по улице, в центр, – и несколько бойцов из «Prêter Coeur». В общем же Стрэйнт обезлюдела, и, как обычно в этот час утра, казалось, что редкий свет предпочел бы оставить озаряемые им предметы во мраке. Единственным его источником в этой части Саудади осталось окно Лив Хюлы. Оно подсвечивало тротуар. Загляни кто-нибудь в окно, двое-трое всенощных пьяниц, разделенных светлым прямоугольником до степени отчуждения, могли сойти за теплую компанию, с которой имеет смысл познакомиться.

Лив смотрела, как мимо течет кошачья река, размышляла, отчего ее жизнь так похожа на нескладную кучку фрагментов разной ценности, и включала себя в этот мысленный образ: это с ней кто-то захотел бы познакомиться на Стрэйнте, где тротуары, коты и двухэтажные покосившиеся лавки во тьме все были серы. Вот к сумме этого она и свела себя.

– Коты никогда не мокнут, – произнесла она. – Ты заметил? Какая бы погода ни стояла, коты никогда не мокнут.

Вик Серотонин, который явился десятью минутами ранее, стоял теперь, облокотясь на оцинкованную барную стойку, и смотрел на собственные руки с таким выражением, словно ему тяжело было вообще оставаться в живых. Его клиентка пришла минут за пять до самого Вика и сидела сейчас за своим столиком. Кьелар была в короткой кожаной куртке и черных узких слаксах с пояском; выглядела она уставшей. Они пили кофе с ромом и, для нанокамер, делали вид, будто не знакомы. Они этим и собаку бы не одурачили. Когда Вик не удосужился ответить, Лив подлила ему кофе, добавила молока из закрытого крышечкой кувшинчика и сказала:

– Вик, ты сегодня рано. Спрыгнул? Ты всегда рано, если спрыгнуть пришлось.

И на этот вопрос он не дал ответа. Пожав плечами, Лив вернулась за стойку и безжалостно заелозила по ней тряпкой.

Посмотрев через стойку на Кьелар, она повысила голос:

– Тогда лучше ничего не говори, Вик. Не хочу я слушать, что ты о себе понарасскажешь. Я от тебя устала.

Выключила свет, потом снова включила и снова выключила. Когда опускалась тьма, воздух бара словно бы наливался оттенком сепии, хотя предметы обстановки часто казались бесцветными и будто бы подсвеченными изнутри.

– Тебе достаточно светло, Вик? Ты в этом свете хорошо видишь?

Вик не клюнул. Лив оставила его и замерла в тенях за барной стойкой.

Турагент и его клиентка продолжали напоказ игнорировать друг друга. Они провели в баре еще пятнадцать минут, потом Кьелар отодвинула стул, подняла серый меховой воротник куртки и вышла. Вик швырнул на кассу немного денег и покинул бар следом за ней. Когда заведение опустело, Лив Хюла выдвинулась из теней и пересчитала деньги. Прижала ладонь ко рту. Метнулась к двери и позвала:

– Вик, ты же за весь столик заплатил. Не надо было платить за весь!

Но они уже удалялись по Стрэйнту к ореолу Зоны Явления следом за белыми и черными котами – и не услышали ее.

– Удачи, Вик! – крикнула Лив Хюла. – Удачи!

Но они не обернулись.

* * *

Если на Стрэйнт-стрит владычествовали коты, то Суисайд-Пойнт принадлежала собакам. В другом конце города Лэнс Эшманн проснулся незадолго до рассвета со смутным ощущением, что разбудил его слышный даже за шумом прибоя собачий лай. Спустившись по коридору в кухню, откуда открывался лучший вид на море, он увидел, как наползают на берег под быстрыми серыми тучами волны, как хлещут во все стороны по пустому пляжу струи дождя. Он постоял пару минут, слушая прибой. Он все еще слышал собак, но лай удалялся. Он был не вполне уверен, что проснулся. Осознав это, он едва заметно улыбнулся и вызвал ассистентку.

– Ты слышишь псов? – спросил он.

– Что?

Песок, который нанесло под дверь кухни за ночь, прилип к босым подошвам Эшманна. Он без особого успеха поскреб ими друг о дружку, потом стал соскребать песчинки ладонью.

– Каждое время года, – сообщил он ей, – полнится бессознательными актами запоминания, спровоцированными тем или иным запахом в воздухе, сезонными изменениями инсоляции… Ты следишь за моей мыслью? – На линии молчали. Может, следит, а может, и нет. – Тут всегда псы. Они не настоящие, но и метафорой их не сочтешь. Прошлое преследует каждого из нас, как гончий пес.

– Не уверена, что…

– Что поняла меня? Сыщику всегда надо учитывать такую возможность. Чем старше мы становимся, тем громче их голоса, тем отчетливее лай. – Она не отвечала, поэтому он продолжил: – По крайней мере, я их по этому каналу не слышу, и на том спасибо.

Он попросил ее подключить нанокамеры на Стрэйнт-стрит, и она, казалось, с облегчением исполнила просьбу. Последив за жизнью бара несколько минут, он покачал головой.

– И это все, что произошло за ночь?

– Между тремя и четырьмя часами утра система снова заглючила. Можно что-то вытащить, но это неинформативная запись.

– Охотно верю, – сказал Эшманн.

– Надо людей подключить.

– А кого нам использовать? Эта женщина знает всех клиентов своего бара. Она-то не дура, в отличие от Вика. – (Лив Хюла неподвижно стояла за барной стойкой, облокотясь на цинковую пластину. Перемотка: она снова наклонилась к барной стойке, устремив пустой взгляд вперед. Вид у нее был уставший.) – Бога ради, выключи это.

Эшманн отскребал песчинки с подошв так рьяно, словно занятие это могло прояснить его жизнь или по крайней мере вернуть к ней. После двухчасового сна на подлокотнике у него ныли почки, но эта боль не объясняла назойливого чувства, словно за ним что-то гонится, преследует из той части прошлого, о которой у него даже догадок не имелось. Она не объясняла, отчего у Эшманна так занемели руки, словно во сне он сжал их в кулаки. Лишь псы могли это объяснить.

– По крайней мере, мы знаем, куда они ушли, – сказал он. – У нас полно тому подтверждений. – Перед тем как отключиться, он добавил, надеясь, что ассистентка не успеет ответить: – Кстати, а тебе нравятся сны, которые ты смотришь в том твинк-баке?

– Вы лучше за своими псами приглядывайте.

Эшманн с ноющими почками поплелся в туалет, хмыкая себе под нос.

– Надо бы и мне как-нибудь в бак загрузиться, – пробормотал

он.

* * *

– Как они узнают, что мы здесь?

Вик Серотонин остановился, чтобы клиентка его нагнала.

– Может, и не узнают, – заметил он легкомысленно.

Явление пало на землю, или как там это описывать, около поколения назад, а может, и раньше, в старом промышленном квартале, посреди заводов, свалок, складов, доков и корабельных каналов, которые в ту пору соединяли Саудади с океаном. Торговля немедленно прекратилась, но характерная для нее архитектура уцелела, окаймляя Зону бахромой примерно полукилометровой ширины, – лабиринт пустых зданий с просевшими ржавыми крышами и протекающими водосточными трубами, где все стекла были выбиты из перекошенных стальных рам. В паре миль за баром Лив Хюлы Стрэйнт сужалась до аллейки, паутина перекрестков сменялась вкраплениями ухабистых тропок между заводскими зданиями, заваленных мотками кабеля и прогнившими досками. Здесь пахло ржавчиной и химией. Синие эмалированные указатели по углам давно изъела ржавчина, и надписи стали нечитаемы. Элизабет Кьелар исследовала их и вздрогнула.

– Узнают, – сказала она.

– Тогда зачем меня спрашивать?

– Я это чувствую.

– В прошлый раз, – терпеливо напомнил он ей, – только всего и случилось, что ты психанула.

Она сердито глянула на него, – можно подумать, это он из них двоих ненадежен, это ему-де нельзя довериться. За годы здешней карьеры Вик задавался подобным вопросом чаще, чем можно было подумать по его тону. Повернув за угол, оказываешься в ореоле – это бывало ясно по перемене погоды. Сверни в проход между заброшенными фабричными зданиями зимой – солнечный свет упадет в колодец, образуемый стенами, и насекомые закружатся по быстрым прихотливым траекториям, перелетая между бронзовым сиянием и сумраком внутри зданий. Если в Саудади солнечно, то по ореолу мотает клочья тумана. Или, как сейчас, ветер обронит на свалку несколько холодных короткоживущих пригоршен снега. Что бы ни происходило, тени падали под абсурдными для этого времени года углами, словно география вспоминала, каково быть иной.

– Границы нерезки, – подытожил Вик. Надо полагаться на

интуицию как на главный смыслоразличитель.

– Когда Тракт Кефаучи впервые упал на землю, они попытались возвести постоянные укрепления. Стены, рвы, бетонные блоки. Но за ночь все это поглощала Зона.

Что-то менялось в воздухе, и наутро блокпост исчезал, а часовые оказывались посредине пятидесятиярдовой свалки, окаймленной сорняками и растрескавшимся бетоном, в месте, которое больше всего напоминало огромный неподвижный парк аттракционов под дождем.

– Теперь их малость попустило, они натягивают колючку в одном месте и опускают в другом; у них это называется «тактика мягкого сдерживания».

Продолжая объяснять это самому себе и размышляя о сложностях своих отношений с Эмилем Бонавентурой, Вик добавил:

– Даже в ореоле нужна удача. Я не из тех, кто уверен на все сто, что вон тот фонарь простоит на своем месте до следующей среды.

– А ты вообще хоть что-нибудь понимаешь? – сердито спросила она. – С какой стати ты ведешь себя так, будто в этом разбираешься, хотя на самом деле ни хрена не понимаешь?

– Тут полно копов. Давай шевели ластами.

Через двадцать минут совсем рассвело, и за ними увязался первый патруль. Вик поторопил Элизабет, они проскочили в ближайшую дверь и оказались на заброшенном складе, где бетонный пол местами вздулся и обнажил грязную почву, а на месте канализационных и водопроводных труб зияли дыры, – отсюда уже давно вынесли все, что могли. Пихнув ее на пол, он прижал руку ко рту клиентки. Элизабет уставилась на него в озадаченной растерянности, словно не могла взять в толк, почему частью поиска ключей к собственной натуре должно стать подобное унижение; матово-серые летательные аппараты Полиции Зоны протиснулись через узкий захламленный проход, заслонили окна, открыли снова, подняв из луж вонючий пар дыханием ядерных двигателей. Воздух задрожал от грохота, а снаружи донеслись крики полицейских в проходах между зданиями.

– Они не нас ищут! – крикнул Вик на ухо Элизабет Кьелар. Но принудил остаться на полу, лежа ничком и вслушиваясь, еще долго после того, как грохот стих, а поисковый отряд удалился. Потом они выбрались наружу, и Элизабет принялась яростно отчищать грязь с одежды. Ландшафт в дальнейшем оставался более-менее неизменным: те же заваленные ржавыми железяками тропинки, затопленные ракетные доки – под водой виднеются

утонувшие механизмы, из шахт до самого моря долетает вонь, но экзотические радиохимикаты несколько облагораживают содержимое, заставляя его мерцать во мраке по ночам. Они двигались в неплохом темпе, и Вика Серотонина радовало, что на сей раз, в виде исключения, все идет как по маслу. Но чем дальше, тем чаще все вокруг – каждый проход, каждая заброшенная пристань, каждый подъемный кран, расплавленный или осевший, даже патрульные Полиции Зоны – менялось, морфировало и трансформировалось в нечто непостижимое. Ореол окружал их, накатывая волной. Все таяло и корчилось. Спустя полчаса, застигнутые дождем на границе самой Зоны – отвесные струи казались ртутными против света, и ливень кончился за считаные минуты, – они даже не сумели определить, как и предупреждал Вик, откуда шел этот дождь и как. Хотя по сравнению с тем, что их ждало, обстановка тут была вполне спокойная.

* * *

Действуя в отрыве от патрульных, Лэнс Эшманн вел розовый «кадиллак» по узким проходам и задерживался на каждом перекрестке, чтобы затем, на краткий миг яростно ускорившись, примять колесами заросли сорняков к бетону, и по его манере вождения легко было подумать, что он теряет контроль над машиной. Когда сыщик сам садился за руль, машина словно менялась. Становилась крупным неповоротливым животным, не приспособленным природой ни к охоте, ни к скрытному бегству, но все же решившим, презрев дарвиновские ограничения, освоить и то и другое.

Эшманн вел так, словно у него что-то случилось со зрением, – крепко сжимая руками рулевое колесо, пригибаясь вплотную к ветровому стеклу, – а его ассистентка, страдальчески съежившись на пассажирском сиденье, как могла цеплялась, чтобы ее не выбросило из машины, и взирала на шефа с неприкрытой враждебностью.

– Понять не могу, – сказала она, – зачем вы на этом настояли.

– А ты что, считаешь себя единственным способным водителем на свете?

– Нет!

– Водить все умеют. И всем это нравится.

– Это из-за вчерашнего.

– Я не удостою эту реплику комментария. Иногда надо рулить, а иногда – скакать. Не порти мне чудесный день.

Эшманн сильнее обычного напоминал пожилого Эйнштейна: глазные яблоки глубоко запали, щеки обвисли, под веками серые тени от недосыпа. Глаза слезятся, белки покрыты красной сеткой. Вид у него был сконфуженный, но энергичный. Передние колеса «кадиллака» на миг оторвались от земли, потом стукнулись о бетон снова, да так, что подвеска чуть не отвалилась. Ассистентка рефлекторно вцепилась в край ветрового стекла, и это спровоцировало отклик ее плечевого импланта.

– Вам знаком такой термин – «потеряться»? – спросила она. Спутниковая навигация еще работала, но программная начинка плеча ассистентки уже не могла вычленить нужный источник из нескольких доступных, призрачных, как ловушки элементарных частиц или артефакты атмосферного линзирования. Они могли оказаться как реальными, так и нереальными. По крайней мере один из них, похоже, размещался в самой Зоне.

– По крайней мере, я не могу сейчас сказать, где мы.

Эшманн усмехнулся.

– Добро пожаловать в ореол, – сказал он.

– Это из-за вчерашнего, – упрекнула она его.

Он склонился к ней и потрепал по плечу.

– В конце концов, разве хоть кто-то из нас может с уверенностью сказать, где находится?

В это утро орбитальный трафик был плотнее обычного: военный, чужацкий, систем слежения. Если знать, куда смотреть, заметны были ЗВК в солидных количествах. Высококлассные корабли на орбитах, предназначенных для надзора за кое-какими сомнительными инвестициями менеджеров среднего звена, готовы были сорваться с привязей. У ассистентки на кону стояла своя инвестиция. По ее руке без устали струились потоки данных, и она следила за ними, отвлекаясь лишь для того, чтобы бросить:

– Держите руль двумя руками, пожалуйста.

* * *

Вместе с квартирой в саутэндском доме без лифта, турагентством и хорошей репутацией последнего Вик Серотонин получил в подарок от Эмиля Бонавентуры схрон на верхнем этаже старого здания местного представительства Балтийской биржи, обращенного фасадом к Зоне и отделенного от нее обширной забетонированной пустошью Окраины. Помещение имело размеры двенадцать на пятнадцать футов и некогда служило офисом, будучи разделено перегородками из матового стекла. Со временем Вику пришлось принять на себя функции его защитника

от посягательств прочих турагентов. В отместку двое или трое конкурентов, ведомые женщиной по имени Дженни Лимонад, а по прозвищу Мемфисская Хозяюшка, проделали ручным термобарическим гранатометом в полу дыру, падение в которую сулило любителям экстремального туризма тридцатифутовый полет навстречу стоячей воде. Несмотря на это, схрон оставался серьезным профессиональным активом, поскольку отсюда были превосходно видны просторы Окраины, уходящие сквозь пелену дождя к воздушному уплотнению, которым отмечала себя граница Зоны. Здесь можно было передохнуть и без напряга оценить ситуацию. Вик однажды рискнул тут заночевать, но сны, виденные той ночью, убедили его больше не повторять подобных опытов. Он стоял у окна без рамы и стекла и пытался стряхнуть озадаченность от вопроса Элизабет Кьелар:

– Тебе никогда не хотелось детей?

Вид из окна ее страшил. Оказавшись здесь, она немедленно отвернулась от него и, стараясь глядеть в дыру, прокралась вдоль стен в угол, где сидела и сейчас, скорчившись и обвив колени руками. Когда Вик что-нибудь говорил, она отвечала лишь пристыженной улыбкой, словно его слова застигали ее за каким-нибудь неприличным делом. Тусклый грязный свет, падая ей на лицо, скрывал больше, чем обнажал. В такой близости от Зоны со светом вечно творилось что-нибудь неладное; он точно протискивался, многократно переотражаясь, через тяжелые, но летучие жидкости, подобные ароматическим углеводородам близ точки кипения.

– У меня дети были, – продолжила Кьелар. – Я их бросила.

Заметив его выражение лица, она усмехнулась.

– Честно говоря, они уже меня переросли кое в чем. Они всегда были так нетерпеливы. – Она заерзала в углу. Посмотрела на свои ладони. – Я их оставила, потому что видела, что с ними все будет в порядке. – Вик не знал, что на это ответить, потому и смолчал. Спустя минуту она спросила: – Когда отправляемся?..

– Скоро.

Требовалось немного выждать. Всегда разумнее напомнить об этом клиентке вежливо, а не давить на нее; впрочем, как отметил бы любой наблюдатель, Вик хорошо обучился искусству терпения. Рано или поздно он уловит нужный сигнал, оформленный переменой света или плотности звуков, доступных уху, выберет требуемое прилагательное из сложного словаря Зоны. Он не торопился и не сердился, потому что не хотел предпринимать никаких действий без полной уверенности. Он же профессионал как-никак.

– Не жди, пока дверь откроется сама, – сказал ему однажды

Эмиль Бонавентура. Будь Вик глупее, он бы принял это за руководство к действию.

– Пойди глянь туда, – посоветовал он Элизабет Кьелар.

– Не знаю, – ответила та, – нужно ли?

Вик пожал плечами, словно не обратив внимания. Затем повторил, укрепляя в ней уверенность, тоном, каким общался только с клиентками:

– Ты же за этим сюда явилась. Иди и посмотри. Вот.

Спустя миг она присоединилась к нему, осторожно обойдя дыру в полу, и они вместе стали глядеть на Зону. Никогда нельзя было с уверенностью утверждать, что именно там видишь. За колючей проволокой и руинами исходной стены, за рухнувшими наблюдательными вышками плясали призматические световые зайчики. Возникало ощущение постоянного сдвига пластов реальности. Что-то громко перекатывалось, точно падали исполинские балки, скрипели нагруженные механизмы, потом эти звуки дополнялись миллионократно усиленным гудением осы. Словно пародия на исходные функции этого места. Кроме того, можно было расслышать обрывки популярных песен – они накладывались друг на друга, словно кто-то постоянно дергал реостат на радиоприемнике. Пахло нефтью, мороженым, мусором и березовой корой в зимний день. Они слышали детский плач или какое-то клацанье в конце улицы – это пробуждало неясные воспоминания. Внезапные вспышки света; плотные, искусственные по виду, розово-пурпурные колеса и полосы, птицы на фоне заката, моментальные переходы света из одного состояния в другое. Потом предметы взлетали в воздух на расстоянии, быть может, сотен миль – ну или так казалось. По этим движениям невозможно было оценить масштаб и перспективу, но объекты переворачивались снова и снова, как в замедленной съемке: предметы домашнего обихода, увеличенные в сотни раз и опоздавшие к своей эпохе, – гладильные доски, молочные склянки, пластиковые чашки и тарелки. Слишком крупные и чрезмерно рельефные, разукрашенные плоскими пастельными цветами, с минимальными признаками той или иной формы, они менялись, будто капли жидкости, прямо на глазах. Порой, напротив, они бывали слишком маленькими, наделенными притом фотографической гиперреалистичностью, как в модных или порнографических журналах Древней Земли: индивидуальные здания, мостики, белые многопалубные суда, целые городские ландшафты переворачивались вверх тормашками в окружении стай зеленых попугаев, пушечных колес, высоких комодов, дуршлагов и игрушечных поездов на игрушечных рельсах. Все на миг принимало усредненные

контуры. Все на краткие мгновения становилось нормальным, затем менялось и превращалось во что-то совсем иное. В этом непрестанном кружении, в этот миг наблюдения и вслушивания, диким произволом судеб идеально недоступный интерпретации, они представляли всю совокупность объектов, сопровождающих чью-то жизнь – может, наблюдателя, а может, чью-нибудь еще. Изо дня в день, приглядываясь к ним, можно было составить более или менее подробный каталог вещей, которые поддавались описанию как «реальные». Фактически же, пока не пересечешь границу, в такой классификации не нуждаешься.

Вик Серотонин, прибывая на Окраину, каждый раз испытывал облегчение. В этом месте еще можно развернуться и отправиться домой, отказавшись от вылазки. Одновременно он тут себя чувствовал и в боевой форме, и, как следствие, у Вика внутри воцарялось относительное спокойствие. Он испытывал внутреннюю стабильность. Расслабленность, смешанную с возбуждением.

– Тихо сегодня, – заметил он.

Элизабет неуверенно улыбнулась.

– Ужас-то какой! – прошептала она. – Невыносимо!

– На этот раз вынесешь?

– Не могу иначе.

– Ну что ж, – сказал он, – тогда пора за дело.

Он пошел к двери, спокойный и счастливый, но, когда оглянулся, она еще стояла у окна.

– Сейчас правильный момент для вылазки, – обнадежил ее Вик. Взял за плечи – и ощутил где-то глубоко внутри у Элизабет напряженную упругость, словно коснулся растянутой мембраны, при сближении с которой надо остановиться, призадумавшись, как поступить дальше. Элизабет, казалось, понимала это. Стоя между Виком и окном, она извернулась, притянула его к себе и резко укусила.

– Бля! – воскликнул Вик. Отшатнувшись, он прижал руку к укушенной щеке. Она опустилась на колени, завозилась сперва с его одеждой, без особого толку, затем – со своей.

– Да, бля, – сказала она, – трахни меня, бля. Давай, Вик. Возьми меня. Мне нужно что-то ощутить у себя внутри.

Он тупо смотрел на нее.

– Вик, да какого?.. Трахни меня, пока я туда смотрю.

В такой позе их и настиг человек, похожий на Альберта Эйнштейна. Еще не отойдя от лихой поездочки на «кадиллаке», он кинулся вверх по лестнице, добежал до порога и заметил ехидно ассистентке, которая как раз послала Вику равнодушную усмешку:

– Горячая парочка. Сроду таких не видал.

– У нас полно записей с Виком и Элизабет, – согласилась та. – Девчонка к девчонке тянется, что с нее взять!

Вик полез было за пистолетом Чемберса, но ассистентка, чьи рефлексы перекроили для работы на субмиллисекундной шкале, опередила его: движения девушки слились в размытую дымку, словно она очутилась в нескольких местах одновременно, затем воссияла актиническая вспышка, после которой несколько мгновений ничего не было видно, кроме Эшманна, который остался стоять на пороге с разинутым ртом, побелевший и разом постаревший, а также Элизабет Кьелар, которая опрометью ретировалась через дыру в полу и исчезла, чтобы появиться немногим позже; она петляла и выписывала зигзаги, удаляясь по Окраине в сторону Зоны. Ассистентка Эшманна безмолвно метнулась к окну и обстреляла ее. Разрывные пульки пистолета Чемберса описали плавные дуги в дожде, произведя шум, подобный шипению неисправной неоновой трубки, и воспламенив чахлую растительность.

– Прекрати, – сказал Эшманн. Его тон вывел ассистентку из перекроенного состояния. Она сердито уставилась на шефа.

– Видишь? – пожаловался он Вику.

– Вижу, – ответил Вик. У него с рукой что-то случилось: она онемела ниже плеча и он даже пошевелить ею не мог.

– Вик, я же тебя предупреждал, что ты ей – плюнуть и растереть.[33]

Вик осел на пол и стал глядеть в окно. Его уже арестовывали, но на сей раз он не имел четкого представления, чего ожидать в дальнейшем. Меж тем Элизабет Кьелар и след простыл. *Трахни меня, пока я туда смотрю.* В сущности, многим клиенткам больше этого и не требовалось. Дальше Окраины они не заходили. Трахались с ним в виду Зоны, словно затем, чтобы лучше постичь ее природу – но не как состояния вещей, а как живого организма, возможно даже наделенного сознанием и способного наблюдать, как они кончают; по пути назад они с Виком не общались. Просто чтобы перчинки в жизнь подкинуть. Вик не сказал бы, что зарабатывает, эксплуатируя эти их порывы, и даже не сформулировал однозначного мнения на сей счет; но если клиентке ничего большего и не требовалось, то так было безопаснее для обоих. Впрочем, он и подумать не мог, что в случае Элизабет Кьелар, каким бы расхристанным характером та ни обладала, все так повернется, и уже начинал жалеть, что так мало узнал о ее личности.

* * *

Вика вывели на Окраину и запихнули в розовый «кадиллак» 1952 года выпуска; Эшманн сел впереди и раскурил трубку. Одновременно детектив связался с полицейским участком.

– Нет проблем, – сказал он, тряхнул рукой, чтобы потушить спичку, открыл пепельницу на приборной доске, улыбнулся и покивал Вику. – Сегодня утром с погодой и то больше проблем. Он тут, все в порядке, мы его сцапали. Нет, там другое дело.

Пока Эшманн говорил с участком, его ассистентка нетерпеливо выжидала снаружи, прохаживаясь вокруг машины. Она то и дело останавливалась и поглядывала в сторону Зоны с таким видом, будто заметила там нечто, другим недоступное. Перекроенные рефлексы, остывая после возбуждения и стычки с Виком, включались и выключались, отчего ее фигура слегка рябила: красные и зеленые пиктограммы, перемежаясь чернильно-черными иероглифами, ровными рядами стекали по ее предплечью. Она наклонилась к машине и дружески улыбнулась Вику, словно приглашая его к беседе.

– Вик, – сказала ассистентка, – мои штучки лучше твоих. Ну ты пойми. Потому и рука у тебя так болит.

– Иди поищи его клиентку, – приказал Эшманн.

Вик произнес:

– Ее зовут Элизабет. Она нервничает; вам трудно будет ее поймать. Пожалуйста, постарайтесь ее не пристрелить.

Ассистентка зыркнула на него, потом опустила глаза на потоки данных и ушла в дождь.

– В Зону не ходи! – крикнул ей вслед Эшманн.

Изучив свою трубку, он посмотрел на Зону, словно в данном контексте трубка и Зона имели равную ценность. Оттуда вырвалось что-то огромное, оранжевое, воспарило в воздух, но через пелену дождя его контуры едва различались. Повисев так мгновение, объект постепенно сложился и исчез. Весь процесс отнял не больше сорока секунд и сопровождался трудноописуемым шумом. Эшманн с тихим удовлетворением наблюдал.

– Вялый нынче денек, – проговорил он. – Несколько часов назад совсем иначе было. В кафе «Прибой» меня окатило. – Воспоминания его, казалось, радовали. – В буквальном смысле слова. И твоего друга Антуана тоже. А сейчас – тю! Идет Волна, и ничего.

Вик Серотонин пожал плечами.

– Если внутрь сунешься, то поймешь, что там совсем не так тихо, – напророчил он. Тем самым Вик желал подчеркнуть, что, хотя инициатива сейчас у сыщика, из них двоих большим опытом передряг в этом месте обладает именно задержанный. – А как там

Толстяк Антуан?

– Он немного зол.

– Антуан не такой толстокожий, каким кажется.

– Вик, мне надо туда.

– За каким хреном?

– Потому что там моя жена. Мы наблюдаем жизненный цикл нового вида артефактов, и я думаю, что моя жена была одной из *этих*.

Вик так мало понял из сказанного, что не смог придумать ответа.

– Какого такого вида? – выдавил он наконец.

– Прогуляйся по центру Саудади ночью, зайди в клубы, тиры, на танцплощадки. Они там. Или загляни к нам в КПЗ – и тоже найдешь их там, с пылу с жару из кафе «Прибой», озираются вокруг по-дебильному, словно не могут взять в толк, как их сюда занесло, по эту сторону реальности. Им тут нравится – а кому бы нет? Кто не любит секса, жареной пищи, тяжелой наркоты? Самые крутые неотличимы от людей: снимают жилье, ходят по улицам, удовлетворяют свои прихоти – окукливаются, короче; вид у них постоянно слегка уязвленный, но это потому, что они – не мы. Они пытаются выйти на контакт, они ищут способов пообщаться с нашим миром или с кем-то в этом мире. Они тут, чтобы изменить положение дел, но мы так тесно в себе застряли, что понятия не имеем, чего они хотят. Пока принимаешь их за людей, испытываешь к ним интерес, а это их только озадачивает. Они вроде насекомых, Вик: спустя пару лет инстинкт, выгнавший их из Зоны, ослабеет и они потянутся обратно.

Он сказал, что это дорога с двусторонним движением, проторенная их собственными желаниями, и такие, как Эшманн, должны были изначально предусмотреть подобную возможность.

– С тех пор как Тракт упал на землю, мы уверились, что знаем, как выглядят беглые. Они на людей не были похожи. Они как жертвы катастрофы. Мы в этом уверились, мы построили свои законы на этом. Ты их видел в карантинных центрах, Вик: наполовину глыбы плоти, наполовину артефакты, они распадаются на куски, страдают глоссолалией, у них из глоток течет дочерний код, струится, как свет, готовый заразить целый квартал. Мы не готовились к более тонким атакам.

– Твоя жена умерла, – сказал Вик, – это всем известно.

Эшманн тут же замолчал. Из уголков глаз у него потекли слезы.

– Прости, – сказал Вик.

Они неловко уставились друг на друга.

– Ох уж этот дождь!.. – произнес Эшманн, выставив перед

собой ладонь. – Тебе никогда не хотелось очутиться на другой планете?

Он утер дождевую воду с лица; вид у сыщика был уставший и неряшливый. Повозился с пепельницей на приборной доске. Затем недолго пообщался с ассистенткой и в завершение разговора приказал:

– Возвращайся. Ты тратишь время зря. Надо оформить арест и засадить Вика в уютную теплую камеру.

Парой минут позже ассистентка безмолвно возникла на Окраине; по ее лицу, рукам и пистолету стекали капельки дождя.

– Садись в машину, – похлопал по сиденью рядом с собой Эшманн. – Садись на водительское место, как ты любишь. Опусти крышу, если промокла.

– Нас тут всех замочат, – произнес Вик.

– Вик, заткнись.

Они нетерпеливо смотрели, как крыша «кадиллака», того же кремового оттенка, что и салонная обивка, медленно смыкается над их головами.

Эшманн сказал:

– Вик, эта женщина целый отряд себе на подмогу вызвала, пока готовилась тебя задержать. – Он хмыкнул. – Видишь, какая она предусмотрительная. Они все еще тут, шляются где-то в тумане, пытаются выбраться. Тут видимость не дальше десятка ярдов, а связь глючит из-за Зоны. Она от тебя ожидала более существенных проблем. Если честно, то и я тоже. Как твоя рука? Онемение пройдет.

Ответа не последовало, и он пожал плечами.

– Ты арестован по той причине, что я не получил от тебя желаемого. Никогда нельзя недооценивать такой повод для ареста.

– Как насчет туристки? – нетерпеливо спросила полицейская.

– Туристку придется оставить в покое, – ответил Эшманн без особого недовольства. – В конце концов, она знала, чем рискует. – Он перегнулся через сиденье и сказал Вику Серотонину: – Ты знаешь, я бы не удивился, окажись тут Эмиль. Эмиль бы сильнее заинтересовался. Он никогда не считал Зону поводом для карьеры; он искатель приключений и просто не может от нее отвязаться. Я уважаю такой подход. Вик, а как Эмиль себя чувствовал в последний раз, когда вы с ним виделись?

– Ему было хреново.

– Когда я его в последний раз видел, ему тоже было хреново. А Эдит вроде в порядке. – И – ассистентке: – Заводи мотор. Увозим Вика.

* * *

Это оказалось не так-то просто. На середине одного из длинных разворотов громоздкого «кадиллака» из-за угла здания Балтийской биржи вынырнула рикша и устремилась к ним, увлекая за собой во влажном воздухе кометный след рекламных объявлений, подсвечивая лужи вокруг и шлепая по ним сильными ногами Энни. Она тяжело отталкивалась, таща за собой экипаж, и дышала надсадно, как загнанная лошадь. Вик слышал, как в экипаже кто-то говорит с рикшей, но не разбирал слов; однако у него возникло ощущение, что ситуация выходит из-под чьего-либо контроля.

Из-за другого угла здания биржи возникли две дюжины фигур в характерных дождевиках и модных водонепроницаемых кепках ганпанков. Завидев их, ассистентка спихнула Эшманна с переднего пассажирского сиденья и затолкала в отсек рядом с педалями, так что теперь мотор прикрывал его от возможного обстрела. После этого распахнула дверь с стороны водителя и метнулась в дождь, выкрикивая команды своему предплечью. Включилась ее выкройка, и фигура ассистентки расплылась в волокнистую дымку. Эшманн, выгнув шею под неестественным углом, моргал из-за рычага передач.

– Что происходит? – спрашивал он у Вика. – Тебе видно, что происходит?

Меж тем «кадиллак» продолжал описывать полукруг, замедляясь, пока не остановился рядом с подоспевшей рикшей. Дверь со стороны водителя полностью распахнулась, и Вик увидел в коляске рикши маленькую фигурку Элис Нейлон.

– Происходит то, что мы в дерьме по уши, – сообщил он Эшманну. – Приструни свою гребаную дуру, чтоб ни в кого не стреляла.

Он наклонился вперед и высунул голову наружу.

– Элис! – крикнул он. – Блин, да это же я! Вик!

– Привет, Вик, – отозвалась Элис. – Посмотри на меня!

– Ты бросай шутить, – посоветовал ей Вик. – Нам тут несчастные случаи не нужны. И не летите в таком темпе, это глупо, ты только себе хуже сделаешь.

Не успела Элис ответить, как рикша прибавила ходу.

– Даже такой лошадке, как я, – сказала рикша, – троих трудно снести. – Она подалась вперед в сбруе, с отрепетированной аккуратностью выблевала себе между ног и воззрилась на продукт. – Ничего такого, что бы не лечилось дексамилом. Если кому нужен, то у меня его до фига.

Густой, но странно мелодичный смех донесся из экипажа.

– Классная тачка, Вик, – сказал пассажир.

– Классная, Поли, – согласилась рикша. – Родстер пятьдесят второго года. Восьмицилиндровый движок, триста тридцать футов на фунт при оборотах две семьсот в минуту. Уважаю. Ты в курсе?

– Господи, – сказал Поли де Раад, – с этим «Радио Ретро» экспертов развелось, как собак нерезаных. Открой эту штуку, Элис, хочу на своего старого дружбана Вика взглянуть.

– Поли, не надо ни в кого стрелять, – сказал Вик.

– Я тебе это «Поли, не надо» припомню, – пообещал ему де Раад. – Ты чё на меня вылупился, а?

Стоило Элис Нейлон откинуть прочную дверцу кабины, как изнутри потянуло дерьмом, и стало ясно, что Поли в плохой форме. От обзора его закрывали останки мальчишки с Пойнт; двое держали друг друга в неловких объятиях, словно забыли, как это делается, вопреки предварительной практике. Они едва слышно дышали друг другу в лицо. Одежды на них было немного, а фарфорово-белые тела покрывала тонкая скользкая смолистая пленка, на первый взгляд – жидкая, но продолжавшая прямо на глазах отвердевать и трескаться, словно защищая парочку от воздействия окружающего воздуха. Поли еще можно было узнать, а вот мальчишка оплыл, размяк и растолстел. Он прибавил лет тридцать-сорок с того дня, как Вик его увидел в здании на Суисайд-Пойнт. Под каким углом на него ни гляди, а лицо словно бы ускользало от фокуса. Он не понимал, где находится и что с ним делают. Впрочем, похоже было, что он по-своему доволен. То и дело стайки светлячков вылетали откуда-то из области его рта, сопровождаемые парой-тройкой музыкальных нот.

Поли, не столь удовлетворенный собственным состоянием, выпростал руку вперед.

– Элис, этот мудак снова ко мне прилип, – молвил он.

Элис осторожно расцепила их и помогла начальнику выбраться из коляски рикши. Осложнялось дело тем, что Поли не хотел на себя смотреть.

– Поли, ну помоги же мне, – ныла Элис, но он продолжал глядеть вперед и вверх, а на свое тело и Элис взгляда не опускал. Поли не хотелось признавать, что она ему помогает. В конце концов Элис утвердила тушу Поли на бетоне перед Виком Серотонином, где де Раад остался стоять, источая вонь, качаясь и размахивая руками. Лицо его частично расплылось и снова сфокусировалось.

– Вик, ты видишь? Ты видишь, что ты натворил?

От необходимости отвечать Вика спас Лэнс Эшманн, который уже вылез из «кадиллака» и встал рядом с пассажирским

сиденьем, оправляя и застегивая плащ.

– Ох уж этот дождь, – посетовал сыщик, – никогда не прекратится. Поли, ты бы не совался на улицу в такую погоду, вид у тебя нездоровый. – Он едва заметно улыбнулся Поли. – Если хочешь, езжай в карантинное бюро, и там поговорим.

В карантин де Рааду было нельзя, ибо с ним там обошлись бы весьма неласково. Оставив его размышлять об этих перспективах, Эшманн направился к рикше и заглянул в кабинку с видом рассерженным и удивленным.

– Я тебе не нужен? – пропел мальчишка с Пойнта на три голоса. Непонятно как, но он почувствовал присутствие сыщика. И рассмеялся. – Никому я не нужен.

Эшманн стоял так, перегнувшись через рикшу, довольно долго, словно старый дедушка над колыбелью.

– Ничего хорошего не выйдет из того, что ты тут натворил, – сказал он Вику Серотонину, не глядя на него.

На Окраине установилось настороженное перемирие.

Ганпанки Элис Нейлон без устали патрулировали окрестности, перешептываясь на своем протяжном боевом арго, производном от жаргона бойцов «Prêter Cur». Ассистентка Эшманна оказалась не готова их отогнать, хотя выкройка у нее была куда круче. Она решила, что нет смысла навлекать еще горшие неприятности на группу поддержки, вызывая их сюда по такой скверной погоде в условиях зонной интерференции. Но ситуация не может оставаться такой вечно, а когда переломится, то и посмотрим, в какую сторону. Придя к такому решению, она вышла из перекроенного состояния и стояла теперь, облокотясь на заднее крыло «кадиллака», недружелюбно переглядываясь с Элис Нейлон или с изумленным отвращением поглядывая на изменившегося Поли де Раада. Для Поли же все могло обернуться только к худшему. Протяни он еще двенадцать часов, а это представлялось маловероятным, группа зачистки запихнет его в орбитальный изолятор. Там ему вставят трубки во все естественные отверстия и проделают несколько дополнительных. В мягкое нёбо и мозг введут проводки, надеясь, что какой-нибудь высококлассный оператор рискнет туда сунуться и выжечь дочерний код, пока тот не достиг стадии полномасштабного побега. Так или иначе, а Поли покойник. Пока же он представлял угрозу для всех вокруг, а без поддержки Элис вскоре исчерпает круг друзей.

– Не повезло тебе, Поли, – проронила ассистентка.

– Ты лучше присматривай за нашим арестованным, – посоветовал ей Эшманн, – если тебе заняться нечем. – Он примирительно взглянул на де Раада. – А тебе-то какое до всего

этого дело, Поли? Это же ты нам сдал Вика, мы сами справимся.

Вик посмотрел на Эшманна, затем на Поли и обратился к последнему:

– Ты меня сдал? Поли, ты меня обижаешь.

Де Раад проигнорировал его реплику.

– Не в моих интересах было являться сюда лично, – сказал он Эшманну, – учитывая, в какой я форме; болезненное и унизительное занятие, если честно. Но ведь это Вик притащил оттуда артефакт и сбагрил его мне. Так, значит, я тебя обижаю? – Это он неожиданно заорал на Вика. У Поли изо рта потекла слюна, и Вик отшатнулся, чтобы продукты внутренней секреции Поли его не заразили. – Гребаный наш Господь Иисус, ты мне дочку привил! Ты глянь на меня! – От вопля сил у Поли только уменьшилось. Он с усталым отвращением покачал головой. – Ты меня наебал, Вик, а я наебал тебя. Мы квиты.

– Ты сам себя наебал, Поли, – ответил Вик. – Я просто принес тебе дурные вести.

Но Поли уже неловко залезал обратно в кабину рикши, промокший до нитки, тяжело опираясь на плечо Элис Нейлон. Все немного расслабились. Вик у Эшманна. Поли отомстил, как сумел. Люди Эшманна замолвят словечко за Поли – и проблема, какую тот собой являет, будет решаться на более высоком уровне. Даже сам Поли с этим смирился. ЗВК пошлют кого-нибудь за ним, и Поли не станет забиваться в нору, потому что это не в его интересах, – он же, в конце концов, сам себе бренд, он последний выживший в катастрофе «El Rayo X», подлинную голографическую запись которой можно было ежевечерне увидеть в клубе «Семирамида». Он обязан блюсти миф о себе. В итоге побег удастся сдержать. Все, кто этим утром явился на Окраину, разойдутся при своих, не потеряв лица.

Так оно бы и вышло, но погода переменилась. Ветер, прилетевший с моря, отогнал облака на несколько сотен метров.

Внутри облачного фронта возникали и распадались непредсказуемые порывы и течения: в одно мгновение – свет и дождь, в другое – снег и мрак. Дезориентированные электромагнитной картиной происходящего и все еще в ожидании инструкций, бойцы группы захвата Полиции Зоны, усиленной хакерами, спецназовцами и подключенной к бортовой электронике пилотом, обнаружили, что их сносит в Зону на боковой скорости семьдесят узлов. В Зону никому не хотелось. Пилот справился с ситуацией, пожал плечами и наугад направил корабль в первую попавшуюся облачную прореху. Пилот объяснил группе захвата, что иного варианта не видит.

– Назад! – заорала ассистентка Эшманна. – Назад!

Полицейский корабль прорвал облачность, пронесся над юго-восточным углом заброшенного здания Балтийской биржи и, оставляя после себя струи конденсата за асимметричной боевой оснасткой, стал снижаться прямо на «кадиллак» Эшманна, в непосредственной близости от которого и врезался в бетон.

Поскольку однозначно интерпретировать происходящее было невозможно, каждый среагировал по своему разумению. Вик Серотонин упал ничком и отполз за «кадиллак». Ганпанки Элис Нейлон приветствовали группу захвата салютом из ручных термобарических гранатометов и пистолетов Чемберса. Группа захвата, оказавшись под шквальным огнем, вызвала подмогу. Элис Нейлон успела выстрелить в ассистентку Эшманна, но у той уже включились перекроенные рефлексы, и девушка устремилась через бетонную площадку к обломкам корабля, оставляя по себе странные моментальные вспышки, контурами напоминавшие человеческую фигуру – там, где задерживалась на срок, достаточный, чтобы зрение успело среагировать. Каждая из этих пауз отмечала атаку ганпанков Элис, и в каждом случае бойцы, изрядно потрепанные, в беспорядке отступали.

– Мы это не нарочно, – сказал Эшманн Поли.

– Да я ж вас всех, сукины дети, урою к ебене матери! – сказал Поли Эшманну.

На месте крушения полицейского корабля ситуация сложилась напряженная. Корпус был поврежден. Хакеры погибли. Имплант свисал с консоли, вырванный из мягкого нёба пилота, и на кончике каждого золотистого проводка остывал ломтик нервной ткани. В попытке спасти себя корабль отключил управление. Спасая пилота, он накачал его эпинефрином и селективными ингибиторами обратного захвата серотонина, но глаза летчика смотрели в разные стороны, а улыбка оставалась такой же дезориентированной, как аппаратура. Хуже всего, что код стал вытекать из навигационных систем на выживших членов экипажа, а те, еще не отойдя после полученных при падении травм, в панике брыкались, кричали и пытались отползти прочь.

Ассистентка Эшманна затормозила у пролома в корпусе и оценила ситуацию. Выжившие видели, как по ту сторону дрейфующего облачка искорок она консультируется со своим предплечьем. Они тянули к ней руки, умоляя о помощи. Спроси их кто в тот миг, какое у нее было выражение лица, они бы наверняка ответили: «равнодушное». Но что это означало? Она же была полицейская, приученная стрелять из снайперской позиции. Она же была полицейская, а потому, добив выживших, подожгла обломки высокотемпературным зарядом. Она же была полицейская, склонная мыслить прагматично. Она же была

полицейская, а потому, постояв пару мгновений в созерцании плотного белого дыма, снова отключила перекроенные рефлексы и переключилась на другие дела.

Никому не хотелось разбираться с очередным побегом.

* * *

Рикша Энни стояла, с непроизвольным восторгом созерцая происходящее и размышляя, что еще уготовано ей пассажирами. Не сумев привлечь к себе внимание, она отстегнулась и подошла к «кадиллаку», который уже видела во всех районах города, а особенно в деловом центре, чтобы попытаться разговорить парня по имени Вик, – тот сидел на бетоне, вытянув перед собой ноги, и разматывал промасленную тряпку, в которую завернул пистолет.

– Это твоя тачка? – поинтересовалась Энни.

– Не-а.

– А по тому, как Поли с тобой говорил, можно было подумать, что твоя. Но я ее уже видела. Тысяча девятьсот пятьдесят второй. Ретро с восьмицилиндровым, триста тридцать кубиков, отношение диаметра к ходу поршня три-тринадцать на шестнадцать дюймов, на четыре процента. Ничего лучшего они не выпустили. И дизайн отличный. – Она пробежалась пальцами по гладкому закрылку оттенков жемчуга и пастилы. – И широкий белый зад. Да уж, – завистливо добавила она, – я бы лучше таким стала, чем обзавелась таким. Ну а эти, они твои друзья?

– В общем-то, нет, – сказал Вик.

– Я одна работаю на Поли по полной ставке.

– Нет в мире человека великодушнее Поли, – сказал Вик, – когда у него шарики по нужную сторону от роликов. А теперь пригнись.

Он пополз вдоль «кадиллака», пока голова его не скрылась за передним крылом. В этот момент двигатель корабля Полиции Зоны с хлюпающим треском взорвался и к небу поднялись хаотичные струйки белого дыма. Вниз полетели обломки. Вик увернулся и, подождав немного, опять высунул голову за переднее крыло.

– Блин! – произнес он. – Она еще жива. – И чуть позже: – В общем-то, думаю, она там одна жива осталась.

Говоря это, он выглядел озадаченным и слегка паникующим. Отполз назад к рикше и посоветовал:

– Если двинется сюда, ты лучше давай деру.

– У меня пассажира нет, – сказала Энни. – Я без пассажира не могу.

– Ну найди себе кого-нибудь.

Облака разодрал странный мятный свет, устремившись на Окраину, к месту, где ассистентка Эшманна, стоя в непривычной для себя неподвижности, продолжала глядеть на догорающие обломки корабля, словно пыталась что-то понять. Вика это злило и выводило из себя, поэтому, желая отвлечь его, Энни сказала:

– У Поли доброе сердце, но он зачастую слишком зациклен. Ты знаешь, я терпеть не могу, когда стреляют. Я бы уехала, но они же в меня эту штуку запихнут, которая похожа на пацана; никто не знает, что с ней делать. Я его много где возила последние пару дней.

– Значит, – заметил Вик, – пассажир у тебя имеется.

– Да какой он пассажир, одни убытки, – сказала рикша. – Ты чуешь, как от него несет? Иисусе!

Фактически, добавила рикша, она не испытывает к нему неприязни: это ж был самый обычный пацан с Пойнта, который никому зла не хотел, хотя, как ей кажется, у любой пассивности две стороны, ну и теперь было бы неплохо его доставить домой в нормальном состоянии, но как? И когда Вик это сказал, то словно бы дал ей разрешение. Рикшей никто вроде бы не интересовался – все остолбенели, глядя на полицейскую и пытаясь понять, что она предпримет дальше, – так что она вернулась к своему экипажу, впряглась и покатила к той стороне «кадиллака», где устроился Вик. Вик снова сел, вытянув перед собой ноги.

– Я и тебя могу подвезти, – предложила она.

В этот момент из-за «кадиллака» появилась Элис Нейлон.

– Настоящим Поли уведомляет тебя, Вик, что больше не хочет иметь с тобой дел, – сказала она официально. Подумав минутку, добавила: – Мы всегда были добрыми друзьями, и мне жаль, что придется так с тобой обойтись.

Хотя Вик сидел, ей пришлось поднять пистолет, целясь в него, крепко сжать приклад обеими руками и прищуриться.

– Но я постараюсь как можно чище.

– Да твою ж мать, Элис! – раздался голос Поли. – Просто убей его! Такое чувство, что меня все предают.

– Вот видишь? – сказал Вик Элис. – Поли бы сейчас вернуться к себе на Бэддингтон-Гарденс и накачаться как следует, в надежде забыть, что с ним творится.

– Я тебя слышал, сука, – отозвался де Раад. – Заткни хлебало!

Поли все это время нервно прохаживался вокруг, потея и жестикулируя, или на пару минут присаживался на бетон, зажав руки между колен и безмолвно, обреченно следя за происходящим. Он поднимал глаза на здание Балтийской биржи, затем опускал взглянуть на собственную кожу, казавшуюся

одновременно свинцово-серой и белой и такой блестящей, словно ее покрыли смолистым лаком, а один раз взглянул в Зону. Он говорил:

– Думаю, оно у меня в ногах. Я это чую, оно мне в ноги как-то заползло.

Затем снова поднимался и дерганой походкой принимался петлять вокруг, поминутно отворачиваясь от детектива Эшманна и снова поглядывая на него, но заговаривал с сыщиком только в моменты, когда Поли нужно было отдохнуть от подначек в адрес Вика Серотонина.

– Мы с тобой, Лэнс, выше этого дерьма, – сказал он. Снова исследовал фасад здания Балтийской биржи, словно кованые столбы и серовато-синие в ненастном сумраке окна его озадачивали. Затем добавил: – Мы с тобой на другом уровне, далеко от этого дерьма.

Визит Эшманна на Окраину с Поли де Раадом не имел ничего общего, да и с мифологией, которой де Раад себя окружал, тоже. Поэтому, услышав речи Поли, седовласый сыщик не нашелся что ответить, а остался стоять под дождем, растерянный и неуверенный; дым продолжал подниматься от обломков, и от него у Эшманна першило горло, а от воплей Поли – болели уши. Интеллект Эшманна ему ничем сейчас не помогал; просто не его компетенция. В любой момент они все могли оказаться покойниками.

– Поли, – промямлил он наконец, – тут все обернулось наихудшим мыслимым образом.

Но Поли уже отвлекся. Его боевая выкройка была запрограммирована на гиперактивность и дефицит внимания. Он заметил полицейскую в необъяснимой фуге на краю Окраины; покачал головой, словно показывая, что даже де Раада, во всей глубине мудрости его, можно озадачить.

– Лэнс, у нее ведь выкройка не военная, – заметил он.

– Она ко мне из спортивной полиции пришла, – отозвался Эшманн, обрадовавшись, что они нашли тему для беседы, – на месячном испытательном. Одному Богу известно, как ее там перекроили.

Теперь Поли явно встревожился.

– Блин! – сказал он.

– Ну, она хорошо водит и знает языки.

– У меня связи, – предложил Поли, – я ее могу вырубить, если надо. Если у тебя с ней проблемы.

Эшманна посетило внезапное видение «связей» де Раада, что без устали мотались по фрагментарным орбитам где-то наверху, ныряя в случайных точках, чтобы размешать программами

стохастического резонанса электромагнитную кашу Зоны. В отличие от сыщика, эти ребята в точности знали, где находятся и где находится все остальное. Они в милях отсюда? Слишком близко.

– Поли-Поли, ты меня пугаешь! – сказал он, хотя мысленным оком видел не Поли. – Нет, я в этом не нуждаюсь, – резко добавил он. – Твое предложение щедрое, но я в этом не нуждаюсь.

Он снова вызвал ассистентку.

– Бога ради, ответь, – взмолился Эшманн. Он уже открывал вторую линию на случай, если потребуется помощь. Занимаясь этим, он положил руку на плечо де Раада – урезонивающим жестом.

С недавних пор выкройка Поли работала на полную. Ее отношения с дочерним кодом не складывались. Нанопатчи, внедренные в адаптивную иммунную систему Поли в старые добрые деньки «El Rayo X», отваливались. Дочерний код выедал систему изнутри (его продвижение лишь ненадолго замедлилось открытием, что для Поли боевой Зип использовал не обычные иммуноглобулины, а богатые лейциновыми последовательностями белки, сгенерированные по ДНК миноги). Тем не менее для своего времени выкройка была первоклассная и, вопреки всем трудностям, сохраняла достаточное внимание к миру снаружи, чтобы неверно интерпретировать мотивы Эшманна. Скорость распространения нервных импульсов скакнула вчетверо; простые инструкции взметнулись из лохмотьев центральной нервной системы Поли. Сознание обрабатывает сорок бит в секунду, а ЦНС – миллионы. Беспорядок гнездился бесконечно глубже. Не успев даже осознать, что творит, Поли де Раад дважды ударил сыщика в грудь, один раз в горло и еще один – в левое ухо. Он опустил взгляд. Он явно удивился. Он пожал плечами и сказал:

– Да пошел ты, Лэнс!

Потом добавил:

– Эй, ну я правда не нарочно. Извини.

* * *

Стоявшая поодаль полицейская очнулась и оглянулась на них как раз вовремя, чтобы зафиксировать завершающий момент кульбита Эшманна. Ассистентка уделила оценке ситуации целую миллисекунду, затем слилась с дождем и внезапно возникла снова, перед носом у Элис Нейлон.

– Ой-ёй! – сказала Элис.

Ассистентка улыбнулась и дала волю перекроенным рефлексам. Разобравшись с Элис, выкройка переместилась к Поли де Рааду и проделала с ним то же самое. Затем ассистентка опять оказалась рядом с Виком, опустилась на колени плечо к плечу с ним, так близко, что он почувствовал прикосновение ее кожи, поглядела туда же, куда он, словно пытаясь понять, что же именно видит Вик, – тело ее сотрясалось, воздух вокруг рябил от тепла, выделяемого митохондриальными дополнениями и экзотическими цепочками транспортной сети АТФ. От нее пахло резко и остро, как в клетке зоопарка. Она посмотрела на него непонятным взглядом. Она улыбалась.

– Ну давай, Вик Тестостерон, – шепнула ассистентка. – Давай, попробуй. Испытай на мне свой особый прием.

Вик вздрогнул. Он старался не двигаться. Шли минуты. Он не открывал глаз, пока не ощутил, как ее выкройка отключилась; ассистентка рассмеялась и легонько провела пальцем по пульсирующей жилке у него на шее. И сказала:

– Ну ладно, Вик, расслабься.

И скрылась. Когда Вик в следующий раз поймал ее в поле зрения, ассистентка затаскивала Эшманна обратно в «кадиллак», чтобы погода не мешала приводить сыщика в чувство. Если не считать вечно струящихся по предплечью потоков данных вроде партий в сянци,[34] вид у нее был самый обычный. Продукт экспериментов какого-то портняжки из спортивной полиции – или ловушка, чисто по приколу расставленная на таких, как Вик. Это что-то новенькое.

* * *

Вик с трудом поднялся на ноги. От долгого сидения под дождем у него занемели ноги.

Элис Нейлон валялась в мелкой луже, вытянув руку, и синий дождевик ее, надутый ветром, обнажал розовые колготки. Кепка свалилась с головы. Из левого уголка рта тянулась тонкая струйка крови. Элис прикусила язык при падении, но основной ущерб был невидим. Вик прощупал ей брюшину и левый бок – тело Элис там оказалось твердым как груша. Белки глаз пожелтели. Селезенка, заключил он, отбита, пострадали и другие внутренние органы. Ни царапины, но внутри одно пюре. Взгляд утомленный, зубы подгнившие, гладкое капризное личико осунулось и вдруг стало выглядеть очень старым.

– Блин, – вымолвил он, – Элис.

Ее глаза открылись.

– Я пушку потеряла, Вик, – прошептала она.

– Поли тебе новую купит.

– Знаешь что? – спросила она.

– Что, Элис?

– Мы с Картографом. У нас был секс, Вик!

Она фыркнула. Тело Элис сотрясла слабая судорога.

– Я намного моложе, – сказала она, – так что мне не было сильно интересно. Но прикольно, ну, по крайней мере, я успела, пока не окочурилась. Вик, а ты встречался с Картографом?

– Никогда, нет.

– Он классный. Вик?

– Что?

Молчание.

– Элис?

* * *

Поли де Раад поднимался на колени, бормоча что-то по своей линии. Вик подошел к нему.

– Элис мертва, и виноват в этом, Поли, ты.

После стычки с ассистенткой Эшманна у Поли обе руки выдернуло из плеч. Теперь ему было еще труднее сохранять равновесие – при каждом шаге он норовил завалиться вперед и до последнего момента таки заваливался, прежде чем странно-грациозным движением изогнуть торс и удержаться на ногах, – но, как ни забавно, это его не беспокоило и не злило. Руки болтались, как рукава плаща. Лицо у Поли было серым, но в местах старых радиационных ожогов пробегали яркие цветастые вспышки.

– У меня скверный стоматит, – прохрипел он. – Хочешь оттянуть нижнюю губу? Я покажу.

– Господи, Поли!..

– Этот гребаный коп меня в покое не оставит. Куда ни кинь, везде он первый. Он задает вопросы, он вынюхивает имена. Помнишь Сердце Карла, Вик? Перестрелка К-раблей через половину системы? Помнишь, как Венди дель Муэрте попыталась приземлиться на корабле Алькубьерре, не выключив двигателя? Таких, как Венди, больше не будет.

– Меня там не было, – ответил Вик.

– Правда? А мне нравится! – сказал Поли и захохотал, словно Вик ответил какой-то остротой из их общего прошлого. Глаза его просияли, но тут же затуманились. Поли начинал забывать, кто он такой.

– Мне все это нравится. – Он согнулся пополам, слабо блеванул и упал на бок. Убедившись, что он жив, Вик оставил его.

– Настоящим уведомляю, Поли, что больше не хочу иметь с тобой дел, – бросил он через плечо.

С Поли было, считай, покончено; в сравнении с ним Лэнс Эшманн, распростертый на заднем сиденье машины, мог показаться здоровяком, хотя голова сыщика откинулась назад, а рот безвольно раскрылся. Он пришел в себя и ковырялся в ухе мокрым носовым платком. Глаза его следили за тем, что двигалось в поле зрения, но ясно было, что Эшманн в таком же скверном состоянии, как и его коричневый костюм, и слишком устал, чтобы говорить. Поли пробил ему барабанную перепонку и сломал несколько ребер.

– Рад тебя видеть, Вик, – произнес детектив наконец, – и рад, что ты цел. За меня не переживай. Я с этого всего просто в шоке, и не больше. Ну, может, туговат на ухо стану. Вик, это хорошо, что ты не сбежал.

При этих словах ассистентка улыбнулась.

– Вик от нас не сбежит, – заметила она.

На высоте восемнадцати тысяч миль над их головами один из «связных» де Раада активировал свой фреймодвигатель на 7.02 миллисекунды, лениво повернулся и взял курс на восток; первые метелки перемещенной атмосферы уже бились о его корпус полярным сиянием. Так Поли узнал, что его персону до сих пор считают удачной инвестицией. Небо разверзлось. Ровный гул разорвал облака. Клиновидный матово-серый объект, весь утыканный какими-то трубами, аэродинамическими тормозными плоскостями да шишками энергоустановок, устремился к Окраине на четырнадцатикратной скорости звука и остановился, пролетев расстояние, равное собственной длине, футах в тридцати над зданием Балтийской биржи. Часть крыши рухнула, но здание осталось стоять. К-рабль «Poule de Luxe»,[35] покинувший для довольно темных делишек базу в Радиозаливе, мгновение висел неподвижно, излучая корпусом все подряд, от гамма-лучей до микроволн, затем выполнил аккуратный стовосьмидесятиградусный маневр и нырнул носом к эшманновскому «кадиллаку».

Поли вскочил и затанцевал на бетонном поле. Он кричал, вопил и пытался махать руками.

– Ой, бля-а! – орал он. – Ой, бля, вы только гляньте!

К-рабль осторожно, как живое существо, опустился перед ним. Откинулась дверца грузового отсека. Поли, хромая, устремился к ней; руки его вихляли из стороны в сторону.

– Эй, Вик! – кричал он. – Ну как она тебе? Старая добрая

цыпочка! Цыпленочек мой! Уродина, скажешь?

Слезы текли по его лицу. С трудом взобравшись по трапу, он обернулся.

– И знаешь что, Вик? – добавил он. – Так, на прощание. На этом корыте даже краска ядовитая.

Тут его резко втянули внутрь, и люк захлопнулся.

К-рабль слегка приподнялся над бетоном и плавно полетел вперед, пока не завис над самым капотом «кадиллака». Манипуляторы его втягивались и выдвигались, следуя приказаниям, поступавшим с базы в пятидесяти световых годах вниз по Пляжу; при этом они издавали жаркий шелест, словно сам воздух поджаривался. В «кадиллаке» Эшманн и его ассистентка ощутили тепло и пристальный неподвижный взгляд. К-питан, укрытый в надежном белковом баке у самого сердца машины, слышал каждый их вдох. И хотел донести до них, что слышит. Минута растянулась до двух, затем до трех. Пока те сидели, думая, что делать, К-питан проанализировал каждую спираль их ДНК; одновременно его математичка подсчитывала вакуумные флуктуации планковского уровня снаружи фотосферы местного солнца, где затаилось остальное звено «*De Luxe*». Они дали им полностью проникнуться осознанием этих возможностей и прочих капризов корабля. Затем, медленно повернувшись вокруг вертикальной оси, К-рабль включил хвостовые двигатели и отчалил из гравитационного колодца на скорости в сорок две звуковых, оставляя по себе бледный, но видимый плюмаж ионизированного газа.

Лэнс Эшманн вздохнул.

– Кто избавит нас от сих машин, Вик?[36] – произнес он.

Ответа не было. Дверь с водительской стороны распахнуло ветром.

* * *

Рикша Поли де Раада наблюдала за всем этим с расстояния двухсот ярдов, стоя на ближней к городу стороне Окраины.

Она не знала, что думать. Она даже не бралась назвать эти впечатления самыми ценными или самыми интересными в ее жизни, поскольку в 2444 году каждый день случалось что-то новенькое.

– А если зарабатываешь на жизнь извозом, – заметила она своему пассажиру, – то всякого навидаешься.

В ее случае под «всяким» понимались раскиданные по Окраине тела, плотный удушливый белый дым, который

продолжал подниматься с места крушения полицейского судна, пара маленьких фигурок – почти детских, сказала бы она, – помогавших друг дружке отползти прочь. Рикше трудно было судить, что случилось с Поли де Раадом, но в последний раз, когда она его видела, выглядел Поли хреново.

Ага, вот: ветер сменил направление, так что, возможно, видимость улучшится. И еще вот: пока К-рабль возносился на белом пламенном стержне, подобном разлому в постоянной структуре вещей, от «кадиллака» метнулась фигура в черной флотской фуражке. Это и был тот парень, Вик, с которым она заводила разговор.

– А он классно бегает, этот чувак, – признала рикша. – Если немного потренируется, будет бегать еще лучше. Или сможет груз на себе нести.

Дождь, уходя к западу, перешел в мокрый снег, и видимость ненадолго даже ухудшилась, но рикша заметила, что у парня через плечо перекинута сумка, а в руках пистолет. Спустя пару минут завелся «кадиллак» и медленно покатил по бетону, будто догоняя Вика. Но дальше первой передачи дело не пошло, и вскоре «кадиллак» заглох. Внутри машины раздались крики, словно там разгорелась какая-то ссора. Открылась дверь со стороны водителя, и выскочила женщина. Потом села обратно и захлопнула дверь. Вик Серотонин обогнул здание Балтийской биржи и исчез в Зоне Явления. «Не вини меня, – подумала рикша. – Я же предлагала тебя подвезти».

– Ты видел? – спросила она. – Он не туда повернул.

У пассажира, в довершение всех его проблем, что-то случилось с голосом, как если бы он играл на трех музыкальных инструментах одновременно.

– Насекомые пытаются опылить лисам морды, – произнес он, – рассекая воздух пустыни.

Он засмеялся. Из-под крыши экипажа вылетели несколько тусклых светлячков и смешались с рекламой.

– Лисьи морды им кажутся похожими на цветы, и мошкара роится кругом.

Энни содрогнулась. Некоторым пассажирам нравится болтать с рикшами, некоторым – нет. Этому тоже учишься.

– Эй, так мы едем или нет? – потребовала она. – Нам тут больше нечего делать.

– Поехали, – наперебой произнесли три голоса. – В путь, малышка.

Она окинула прощальным взглядом «кадиллак» и вздохнула. Эта машина стала ее любимицей. Какие тонкие переливы краски, какие изящные задние фары – лучшее впечатление за

сегодняшний день, с большим отрывом.

– Хотела бы я заделаться такой красоткой, – сказала она себе. Затем, развернув экипаж, в ровном темпе устремилась к Саудади.

– Не беспокойся, – сообщила она мальчишке с Пойнта. – Я знаю, где они тебя держат.

– Поехали.

9
Черное и белое

В спальне Лив Хюлы, на стене напротив двери, торчал голубовато-розовый умывальник, как у маленькой принцессы.

Войдя, можно было заметить белую стальную кровать с некрашеным деревянным изножьем, аккуратно застеленную бельем цвета овсянки. Кровать стояла рядом с окном, выходившим на уклон улицы; отсюда открывался вид на мокрые крыши, узкие улочки, дворики вроде тюремных, фабрики и узкий сегмент Зоны Явления.

Прямо напротив над умывальником висело зеркало шириной около восемнадцати дюймов, чуть скошенное вниз в одном углу; под зеркалом размещался сам умывальник, формой и рифлением напоминая ракушку, а рядом с единственным краном для холодной воды лежал кусок лавандового мыла. Под краном при изготовлении искусно вставили пятно накипи, похожее на головастика, а оттенком – на потрескавшуюся желтую пятку. У Лив было много вещей, но гость, приглашенный сюда, прежде всего замечал этот умывальник, такой уродливый, что поневоле можно было удивиться, а зачем он хозяйке вообще нужен? Когда Лив осела в Саудади, спальня стала ее форпостом против всех Лив Хюл, которыми она успела побывать. Она запиралась там, смотрела в зеркало над раковиной и улыбалась, а дешевая репродукция крана заливала холодной водой любое представление о прежней Лив.

После того как Вик Серотонин и его клиентка скрылись, Лив еще долго стояла на улице. То и дело поднимаясь на цыпочки, она выгибала шею в попытках снова углядеть их вдали. Было похоже, что двое так и движутся в сторону Зоны, никуда не отклоняясь, поэтому всего-то и требовалось, что отделить их фигуры от фона, вычленить в поле восприятия. Спустя час взошло солнце. Трафик на Стрэйнте оживился. Затем где-то в ореоле, градусах в двух к северу от Зоны, поднялся плотный столб белого дыма, и нерешительность Лив перешла в отупение.

«Не могу же я до бесконечности тут торчать, – подумала она. – Не могу же я тут на улице стоять». Но и в бар ей не хотелось возвращаться. Рано еще для выпивох. Если вернуться, делать там будет нечего, только протирать барную стойку и мыть бокалы. Поэтому она поднялась к себе и попыталась оторвать раковину от стены.

Взметнулась пыль. Умывальник издал стонущий скрип и чуть

отошел от стены. Но трубы и прочая сантехника удерживали его на месте, так что, хотя Лив показалось, будто у нее сейчас руки вылетят из плеч от натуги, пришлось прерваться и поискать какой-то инструмент. Копаясь в вещах, она услышала протяжный гул взлетающего К-рабля, потом гул этот перешел в грохот, облетел вокруг света и встретился сам с собой. Корабль мелькнул в окне. Как быстро он исчез! Светящаяся черта поперек мира, а потом – лишь остаточные изображения, выцветающие из фиолетовых в пурпурные и черные; когда она моргнула, они снова замерцали, на сей раз ярким неоново-зеленым, а затем исчезли. Лив Хюла задумчиво проследила их. Подошла к постели, содрала с койки белье. Открыла окно и вышвырнула белье на улицу; ветер подхватил простыни, надул, растрепал и отнес в сторону. Затем Лив вернулась к умывальнику и стала за него тянуть. Безрезультатно, хотя в зеркале отражались ее лицо, красное от натуги, и бугрящиеся плечи.

Под кроватью у нее лежала большая оловянная коробка, покрытая черной эмалью, с нарисованными от руки розочками – красными и желтыми, цыганский мотив. Она вытащила коробку на свет и стала дубасить ею по умывальнику, пока не расколола раковину на три части, две из которых отвалились от стены. Лишь после этого она бросила коробку, села на постели и стала сердито озираться. Коробка осталась лежать, где упала. Мгновение Лив не могла припомнить, куда задевала ключ от коробки. Она просидела так до конца утра.

* * *

Вик Серотонин достиг заброшенного КПП на границе Окраины. Он слышал, как позади завелся было, но вскоре снова заглох эшманновский «кадиллак». Он понял, что спасен. Что бы с ним дальше ни случилось, об угрозе с этой стороны можно забыть. Он пробежал вдоль забора сотню ярдов на север, до места, где дома вокруг ограждения со стороны Зоны обрушились, оставив по себе высокие кучи щебня и черепицы, поросшие местными сорняками. Туман Перехода окружил Вика влажной абсорбирующей губкой. Он остановился. По ту сторону вещей капала вода; еще дальше ритмично хлопала на ветру дверь. Улыбнувшись, он смежил веки и подался лицом вперед, словно для воздушного поцелуя. Слегка сдавило губы и скулы, как при нажиме на мембрану; стало прохладно, как в тумане.

Восприятие состояния не есть само состояние.

Феноменология Зоны, как часто любил напоминать Эмиль

Бонавентура (словно Вику требовалось об этом напоминать), состояла в следующем: что видишь снаружи, редко переживаешь внутри; внутри или снаружи, а то, что видишь, чувствуешь на вкус или обоняешь, не имеет никакого касательства к физическим данным с сенсоров дорогущей орбитальной группировки ЗВК. В результате и для Вика, и для Эмиля, и для всех прежних entradistas Саудади с излучателями наперевес – покрытых шрамами, овеянных непостижимым для других людей знанием, – миг Перехода таил максимальную неуверенность и дарил предельную усладу. Вик готов был признать, что она его и тащит в Зону, но тут все было не так просто, и нельзя описать это чувство лишь понятиями темперамента или телесной химии (хотя в любой случайно выбранный раз могли повлиять и они). Лихорадочное возбуждение не имело ничего общего и с тем, какое испытываешь, думая о возможном ранении, безумии, смерти или уродстве (хотя в Зоне всего этого можно ожидать), потому что в 2444-м последствия всегда казались предметом допустимого торга или пересмотра.

Так почему его туда тянуло?

– Ну как тебе объяснить? – риторически вопросил бы Вик в итоге. – Ты просто туда сходи как-нибудь и попробуй.

Когда мембрана разорвалась, возник запах мокрой шерсти и вкус гнилого авокадо во рту, и Вик понял, что Перешел. Он открыл глаза. Кучи остались там, где были. Та же пыльная пустошь, словно окрестные дома обвалились совсем недавно. Тумана нет. Воздух прохладный. На полдороге вверх виднелось цветущее вишневое дерево. Бело-розовые лепестки купаются в солнечном свете. Раздался звук, словно кто-то играл на органе.

С шумом ветра он пока мог примириться. Шумом ветра тут можно пренебречь, но как только покажется, что лепестки засияли мягким светом сами по себе, это будет означать, что Вик повернул не туда; в таком случае лучше бросить этот путь и вернуться в бар Лив Хюлы. Иначе будет скверно. Выбора не останется. Вик с трудом взобрался по груде мусора, на каждом шаге уходившей у него из-под ног под нескладные музыкальные каскады черепичного треска. На сей раз ему повезло. Но пройди он снова с Окраины, зажмурься под вишневым деревом, повернись трижды и снова открой, оказалось бы, скорее всего, что груда обломков превратилась в короткий пролет внутренней лестницы.

Вода стекала по желтой полуразваленной стене слева, где время от времени вспыхивал свет. На каком-то шаге день сменился ночью, затем ночь – днем; в комнате же на самом верху лестницы всегда стоял послеполуденный час и нереальный свет

теплых оттенков лился внутрь через окно. Никогда не знаешь, что там застанешь, это, кажется, зависит от дня недели; в начале своей карьеры Вик заметил, что, покидая Окраину по средам, обнаруживает комнату пустой, но в пепельнице на подоконнике неизменно торчит наполовину скуренная сигарета. Трудно было не поддаться иллюзии, что комнату совсем недавно кто-то покинул, но если так, то этот кто-то ведь должен был пройти мимо Вика на лестнице?

Сегодня в комнате раздавалось медленное тиканье механических часов. И на каждой ровной поверхности – на тумбе с зеленой скатертью, на крупных предметах мебели коричневого цвета, на каминной доске, на полках – короче, везде, кроме пола, – сидели черные и белые коты.

Они пахли так, как никогда не пахнут в Саудади: запах был тяжелый и плотный, как тальковая пудра. Они сидели неподвижно, слишком тесно, чтобы шевелиться. Когда Вик вошел, они не смотрели на него. Даже Эмиль Бонавентура соглашался, что, если прибыть в Зону с Окраины между рассветом и закатом, коты неизменно окажутся во внешних районах. Свидетельства очевидцев, как обычно, расходились между собой, но Вик и по собственному опыту мог судить, что коты тут везде; в некоторых местах они покрывали любые поверхности толстым меховым слоем, как геологические отложения. Всегда неподвижные, они не смотрели на пришельца, сидели, прижав морды к стенам, углам, паутине, друг к дружке. Могло показаться, что они игнорируют людей. А может, у них выбора не было, – куда бы ни упал взгляд, отворачиваться. Эмиль полагал, что эти показания, пускай и анекдотические, рано или поздно получат научное объяснение снаружи.

У Вика Серотонина собственной теории насчет котов не имелось.

Он стоял посредине комнаты.

Как раз на уровне его взгляда слева направо протянулась улица. Довольно оживленная. Там смеялись. Туда-сюда стучали женские каблуки. Рикши звякали колокольчиками. Послеобеденное время глубокого летнего дня, из всех щелей доносится нью-нуэвское танго. Пахло café électrique, калполом и прочими экзотическими стимуляторами с Древней Земли. Что-то падало и бухало, скрипело по влажному цементу, вгрызалось в кирпичи, словно по соседству работали крупные строительные механизмы. Внизу все и вся были очень заняты, словно решив перекусить прямо на работе – солеными грушами с любопытным салатом из листьев нездешних растений. И так всегда, пока не приблизишься к окну и не посмотришь вниз. Звуки тут же

исчезали, словно выключалась запись, и становилось ясно: с улицей что-то неладно. Это была репродукция. В обе стороны она плавно закруглялась, уходя вдаль к идентичным закатам, озарявшим неестественным светом офисы и магазинчики, кафе и фонари: закатные тона были густо-желтые, синие и красные, а теневые контуры – пронзительно-черные.

Пусто. Тихо. Вик глядел наружу.

Спустя пару минут заиграл аккордеон – в баре близ схрона Эрнандо, затем снова замолчал, и Вик, как и ожидал, увидел Элизабет Кьелар: та пыталась спуститься по середине улицы. Время там шло в ином темпе, нежели здесь, иногда это помогало, иногда мешало.

– Элизабет! – закричал он. – Элизабет!

* * *

Она развернулась: лицо ее было белым, без отчетливых черт, и Вик на миг усомнился: а она ли это вообще? Но потом оказался на улице, а Элизабет – всего в двадцати ярдах от него; она шла быстрым шагом, словно стремилась от него скрыться, словно принимала Вика за деталь этого места, от которой лучше держаться подальше. Внизу все выглядело не так, как казалось сверху, но Вик этого и ожидал. Улица снова стала реалистичной, а вместе с тем – старой и грязной. Навесы над окнами лавок сгнили. Упрочненные кирпичи, металл, клинкер. Сунешься в открытую дверь – там пахнет старыми коврами, кожаными креслами, лаком для мебели, а еще какой-то непонятной медицинской химией. Элизабет вдруг замерла и позволила ему догнать себя.

– Мне страшно. Как я сюда попала?

– Я думал, я тебя потерял, – сказал Вик. Попытался ее обнять, но Элизабет увернулась.

– Нет, – сказала она. – Не надо. Слушай, я ж на пляже была. А теперь вдруг тут. – Она оглядывалась с уязвленным видом. – Я на такое не подписывалась. А ты где был? – Она сунула руки в карманы. – А *я* где была? – это уже самой себе.

– Ты бы мне рассказала, – произнес Вик, – на что это было похоже.

– Я не помню.

– Ты вообще ничего не помнишь с тех пор, как сбежала из здания Балтийской биржи?

«Я тебя предупреждал, – хотел он сказать, – соваться сюда опасно. Для тебя. Для любой части тебя».

– Я была на пляже, – ответила она. – Там человек натаскивал двух собак.

Она видела, как он выгуливает их взад-вперед, взад-вперед на тех же двухстах ярдах, хотя доступны были сотни миль пляжа. Его отражение шагало вместе с отражениями псов вдоль края влажного песка. То и дело, рассказывала она, человек останавливался и, набрав морской воды в сложенную чашечкой ладонь, смачивал ею собачьи подбрюшья.

– Они были такие терпеливые и спокойные!

Собаки глядели прямо перед собой в позах, которые им, очевидно, были отведены для отдыха, затем одна из них сложилась тугим элегантным обручем и в такой позе попыталась испражниться. В конце концов все трое поднялись по крутой куче обломков на берегу, пошел дождь и растворил их, оставив лишь загадочные шифросимволы колыхаться в воздухе.

– Ты за ними пошла. Спускался вечер, и ты увидела огни. Так?

– Нет.

– Ты оказалась здесь, – произнес Вик.

– Они такие послушные были, эти собаки, прямо как школьницы, – сказала она. – Мне хотелось смеяться.

И еще сказала:

– Я себя чувствовала маленькой девочкой… снова.

– Это был не пляж. Это были не собаки.

Она отвернулась и пошла прочь.

– Я пошла внутрь, а ты поступай как знаешь.

– Элизабет, но ты уже внутри.

– Ты вообще хоть в чем-то разбираешься? Хоть в чем-то?

Он не нашел ответа.

* * *

Спустя полчаса после того, как улепетнул Вик Серотонин, над Окраиной все еще поднимался столб дыма. Тела лежали там, где упали. Один из выживших ганпанков все же умер. Другой перестал отползать в сторону и начал скулить: он получил серьезные травмы головы. Появлялись отряды Полиции Зоны, в основном местные, которых привлекло пожарище, на крупных патрульных машинах; но также специалисты отделов Зачистки, Карантина и Надзора, чья работа координировалась ЗВК, и с ними те, кто за эту координацию отвечал. Группы собирались в разных местах Окраины обсудить ситуацию в неформальной обстановке, зябко подняв воротники от дождя, или просто стояли,

глядя на здание Балтийской биржи, чья крыша полностью рухнула вскоре после отлета «Poule de Luxe». Несколько полицейских взялись обходить тела ганпанков, подсчитывая число убитых, допытываясь: «Ты нас слышишь?», «Ты можешь сказать, кто это с тобой сделал?» – и обмениваясь усталыми репликами:

– Да ну, ребята, этот уже труп трупецкий!

К машине Эшманна они не приближались, но на ассистентку, чья слава уже достигла участка по тем или иным каналам, искоса поглядывали с явным интересом. Ассистентка отмалчивалась. Она стояла, облокотясь на заднее крыло «кадиллака», рассеивая вокруг тепло ускоренного метаболизма, – как и у большинства творений «Prêter Cur», ускорение на данной стадии выжигало до сорока процентов ее собственного клеточного мусора, – и воспринимая с явным подозрением все, кроме потоков данных у себя на предплечье. После побега Вика она не произнесла ни слова.

– Я этим всем очень расстроен, – сказал ей Эшманн.

Положил руку девушке на плечо.

– Спасибо за все. Может, в следующий раз тебе повезет убить меньше народу.

Она пожала плечами.

– Ты на меня сердишься? – спросил он.

– Никакое это не расследование и сроду им не было. Чушь собачья.

Взгляд ее расфокусировался, она ровным голосом сказала что-то по своей линии. Она вызвала новую группу поддержки, но гнаться за Виком было уже поздно, а за Поли ассистентка никогда и не отвечала. Когда Эшманн ей об этом напомнил, ассистентка сердито отлепилась от «кадиллака» и встала в нескольких шагах, избегая смотреть на детектива. Опустилась на колени возле тела Элис Нейлон, отвела прядь с изможденного личика умершей.

– Не понимаю, почему вообще все это должно было произойти! – сказала она Эшманну. – Я вообще не понимаю, зачем вам притворяться старпером и разъезжать на доисторическом корыте. В наше время никто уже не обязан быть старым. – Она приподняла Элис за плечи, слегка встряхнула, словно вообразив, что Элис уснула и унесла с собой в грезы некую тайну, способную изменить их с Эшманном жизни, затем позволила телу снова осесть на бетон.

– У нас тут беглые, между прочим, – напомнила она Эшманну. – Не понимаю, почему вы не можете это дело расследовать, как все нормальные люди.

– Прости меня, – произнес Эшманн.

Услышав это, она вернулась к машине, задумчиво посмотрела на него и спросила:

– Как вас зовут?

– А?

– Как вас зовут?

– А почему ты спрашиваешь? – удивился он. – Эшманн.

– И что, к вам жена так обращалась? «Эшманн, передай хумус. Эшманн, подвинь мне вот тот стул, я поднимусь достану бутылку рома. Эшманн, мы однажды состаримся и умрем».

Эшманна это задело.

– Меня зовут Лэнс, – сказал он.

– Ну что ж, Лэнс так Лэнс. Вы никогда не спрашивали, как меня зовут, ну хоть я спрошу, как зовут вас. Я увольняюсь.

– Я не…

– Как только этот кошмар развеется, я подам заявление о переводе.

Он ее будто не слышал.

– Когда я ушел от Утци, – произнес он, – она мне стала названивать и говорить: «Люди воображают, что жить в одиночестве неправильно, но это не так. Неправильно жить с кем-нибудь только потому, что не можешь решиться ни на что другое». – Он хмыкнул. – А еще через два дня, например: «Сидишь взаперти сама с собой двадцать четыре часа в сутки, вот она жизнь, и ремиссии не предвидится. Лэнс, хуже всего на свете – это сидеть взаперти внутри себя, когда не хочешь даже, чтоб тебя спасли. Но и вести себя так безрассудно, как мы, так открываться всем попало, влечет за собой провал по всем направлениям».

Она могла ему звонить и рассказывать о своих планах, о том, как собирается разбить садик за домом – пустить вьющиеся растения по стене, высадить мак и ирисы, модифицированные для шоколадного аромата, – а в следующую минуту переключаться на своего брата, который умер от рака кишечника. Разве от рака кишечника умирают после двадцать первого века? Это вопрос выбора. Вся ее семейка выбрала катастрофу своим стилем жизни.

– Никто больше никого не обязан терять, – сказал ассистентке Эшманн. – Наверное, я просто хотел узнать, каково это. Утци…

– Знаю я все про Утци, – перебила ассистентка.

Эшманн уставился на нее.

– Тебя кто-то обязывал принимать за меня ответственность?

– Вы всех этим обязываете.

Она ушла и стала разговаривать с полицейскими в униформе. Те сгрудились вокруг умирающего ребенка – Эшманн не понял, с какой целью.

– Ты была хорошей ассистенткой! – крикнул он ей вслед. – Чего ты боишься? Научиться чему-нибудь новому? А как это возможно, раз ты уже все знаешь наперед?

После этого он скользнул в салон и завел машину. Его вполне устраивало сложившееся положение. Вик сбежал, но дневник Эмиля Бонавентуры при нем. Он решил, что стоит опустить крышу, – денек выдался погожий. Он взял первую передачу, перешел на вторую и тем ограничился, рассудив, что старый двигатель не стоит слишком пришпоривать. Несмотря на это, он вскоре разогнался до шестидесяти миль в час. Он сигналил людям в униформе. Те вопили что-то по своим каналам. По всей Окраине рассыпались они, остолбенело глядя, как «родстер» азартно мчится через бетонное поле в туман Перехода. Ассистентка, если честно, с самого начала чего-то в этом роде и ожидала; она пришпорила выкройку, разогнав до отказа, и понеслась ему наперерез, но было уже слишком поздно.

* * *

Минут через десять после того, как Вик ее нагнал, Элизабет Кьелар обнаружила на обочине пластиковый манекен, представляющий ребенка пяти-шести лет от роду.

Манекен был голый, лысый, желтовато-серый с коричневым, лицо его носило странное слащавое выражение, как у демонстрационных моделей в витринах лавок Дяди Зипа, – в черных форменных беретах с недавно огламуренной межзвездной войны, по туловищам ползают цветастые головастики с белками, полученными модификацией ДНК листолазов. Руки для вящей подвижности сочленены с плечами в суставах, остальное тело словно отлито из одного куска пластика. Вик прикинул, что манекен тут уже года полтора валяется. Он с трудом удержал Элизабет от соблазна его подобрать. Она протестующе взглянула на Вика, потом сказала с улыбкой:

– Как ему, наверное, грустно, что у него письки нет!

Тень незримой птицы мелькнула в окне на другом конце улицы.

– Вик, пойдем туда!

– Ты знаешь, зачем сюда пришла?

Она не скажет. Она испытывает его волю.

– Безопаснее, – пытался он объяснить, – не испытывать завышенных ожиданий.

Но Элизабет с каждой минутой уводила его все глубже в Зону – уловка проста: если он с чем-то не согласен, она просто уходит.

Чем дальше уходил Вик по разбитой улице, тем сильнее нервничал и опасался повернуть не туда. Он всегда этого боялся.

Ландшафт вокруг продолжал меняться, в одно мгновение представляя пустынный жилой квартал, где, однако, на перекрестках выжидательно стояли хорошо одетые женщины, но исчезали, стоило к ним направиться, в следующий миг – заброшенную промзону. Вдалеке поднимались дымы чего-то вроде коксоугольной фабрики, но все, что в промежутке, выглядело заброшенным и быльем поросло. Старые отстойники превратились в мелкие озера, илистые бережки очерчены темными полосами химических осадков. По небу пронеслось что-то огромное; прищурившись в его тени, можно было разглядеть, что это игрушечная утка колоссальных размеров, – она смотрела вниз, на них и сквозь них, умными синими нарисованными глазами.[37] Гипермаркет бессмыслицы, где дозволена любая чушь, кроме, насколько понимал Вик, одной – приходить за покупками. А ведь именно идея закартировать Зону сообразно своим потребностям пленила и смутила умы поколения Эмиля Бонавентуры. Казалось, что безопаснее уразуметь, как тут все работает, накопить портфолио удачных решений, поведенческих тиков психозного режима, чем стоять невесть где и цепляться за турагента в поисках осмысленной системы отсчета, надеясь, что сам туроператор не пострадает.

– Тут все провоняло серой, – говорила Элизабет. – Ты не слышишь, как пахнет серой?

И еще сказала:

– Ты когда-нибудь заходил в эти дома, пока бывал здесь? Вик, давай туда зайдем! Мы там можем трахнуться, разве не клево? Разве тебя это не возбуждает?

Он ей объяснил, почему это плохая мысль. Вскоре настроение Элизабет ухудшилось. Она подолгу отмалчивалась, потом отпускала отчаянно горькие реплики, словно в разговоре со своим бывшим.

– Ты разве не понимаешь, – говорила она, – что я не могу разговаривать? Здесь?

Вик не просил ее разговаривать.

– Я сейчас живу ровно такой жизнью, – говорила она, – как и прежде; мне это не нравится, но я такая.

И потом:

– Он не удаляется.

– Куда?

– Вон тот завод. Вик, мы же к нему идем, а он не удаляется.

– Тут так бывает, – сказал он, просто чтобы поддержать разговор.

В конце концов дождь и подступившая тьма выгнали их с улицы. Вику не хотелось заходить в неизвестные места – слишком уж быстро там все могло обернуться кошмаром. Но эта ночь ничем не отличалась от ночи Саудади, а Элизабет продрогла. Она посмотрела на дождь, который словно бы падал прямо сквозь нее потоками света без четкого источника, затем опустила взгляд на свою одежду.

– Я продрогла, Вик, – сказала она удивленно. – Отведи меня домой.

Отчего-то эти слова ему показались наименее человеческими из всех, сказанных ею в тот день.

Куда ни ткни, всюду коты – забиваются по углам, выстраиваются вдоль стен, балансируют на подлокотниках кресел, прижатые друг к другу так тесно, что не пошевельнешься. Вик обрадовался, что их тут так много.

– Это значит, что мы еще недалеко ушли.

Внутри здания, где они расположились на ночлег, не было стен, хотя их прежняя конфигурация угадывалась по кирпичным выступам. Недавно это место затапливало, и выступы были окаймлены грязью – на вид слипшейся в плотную корку, но опадавшей мягкими сотообразными хлопьями мраморного цвета, стоило к ней прикоснуться. В пятнадцати-двадцати футах под полом располагалось помещение вроде отстойника, где с равномерными интервалами спускали воду. Больше никаких звуков, только эхо, и пусто. Элизабет мгновение прислушивалась, затем кивнула, точно примирилась с неизбежным.

– Я помню, как очень медленно падал снег, – сказала она, – снежинками размером с монету. На длинный темный сад. Я помню, как снаружи в снегу были протоптаны тропки. Потом я помню блошиный рынок и мертвую кошку в канаве.

Вику подумалось, что она описывает процесс, последовательность, а не сами воспоминания. Он накинул ей на плечи свою куртку и обнял. Они прижались к стене, подальше от звуков слива. Она коснулась его лица и стала целовать, потом, раздвинув ноги, направила его руку вниз и внутрь.

Позже он спросил:

– Где ты родилась?

Она ответила, как он и ожидал:

– Вик, я не знаю.

* * *

Через месяц с небольшим после того, как сдать Вика

Серотонина Полиции Зоны, Толстяк Антуан с Ирэн-Моной сидели в Лонг-баре кафе «Прибой». Антуан был в новом желтом драповом двубортном пиджаке с голограммами на запонках; Ирэн, смеясь, заметила, что в ее компании он всегда из себя звезду изображает; они пили «Бойру Блэк» с чем-то местным – Ирэн прежде такого не пробовала и обозвала «лобковой волосней», хотя Антуан посчитал, что ослышался. Спускался вечер; весь день на Корнише сменяли друг друга солнце и гроза, согревая и захватывая сердце, и, как говорила Ирэн, именно в такие дни позволяешь себе коснуться подлинной красоты равновесия вещей, когда и негатив, и позитив твоей души равно отражены в погоде.

– Это хорошо, Антуан, – сказала она, – что нас жизнь на своих великих качелях раскачивает, но ты не забывай, пожалуйста, что девушке важно все время балансировать на стороне позитива.

Под вывеской «ЖИВАЯ МУЗЫКА ВЕСЬ ВЕЧЕР» понемногу темнело. Двадцать минут назад прибыли музыканты, опрокинули по стаканчику джина и приступили к двадцатиминутному грув-вступлению для некоей Толстушки Энни. Энни, однако ж, предпочла сохранить инкогнито. Саксофонисту предложили исполнить соло, но тот, пожав плечами, отказался. Поиграв немного в четыре руки, они сменили тему и вскоре, с первым взлетом ракеты, улетучились в город; постоянные клиенты осуждающе качали головами и собирали остатки доверия бэнду. Бэнд и слушатели берегли силы для чего-то более важного: извечная причина взаимных недоразумений.

Антуан с Ирэн бессвязно поаплодировали вместе со всеми. Антуан заказал еще выпивки.

– Мне грустно, – сказал он. – Я это признаю.

– И я знаю почему, Антуан, – положила Мона руку ему на плечо. – Не воображай, что я не знаю. Во всяком случае, – добавила она, – надо же как-то вечер убить.

Через двое суток после исчезновения Вика с Поли в Саудади нагрянули подельники де Раада и первым делом прошерстили клуб Поли. После этого в «Семирамиде» стало совсем невесело. Ирэн рассказывала, что работа там еще есть, но без Поли грустно – он ведь всегда уделял девочкам ласковое слово. А эти ребята из ЗВК только и хотят, что вскрыть схроны Поли, но никто им не может сказать, где точно эти норы находятся; интересовали новоприбывших также и перемены в поведении Поли с тех пор, как тот заболел. Они весь день проторчали в офисе, расставив там сверхсветовые маршрутизаторы и нагрузив теневых операторов Поли высококлассными профессиональными программами; они искали чего-то, но не говорили, чего именно, –

наверное, и сами не знали. И все бы ладно, жаловалась Ирэн, но им бизнес до лампочки, а Поли, пока не заболел, все время за ним присматривал.

– Он не жалел ни денег, ни себя, – подытожила Ирэн. – Он умел на девочку так посмотреть, что ясно было – он ее хочет.

Антуан заглянул в бокал.

– По нему будут скучать, – только и сказал он.

– Антуан, – сказала Мона, – ты с тех пор как в воду опущенный. И что нам с этим делать, гм?

Антуан покачал головой и отвернулся.

Лонг-бар погружался в ночь. Помимо своего коронного блюда, лазаньи в шоколаде, шеф-повар предлагал глазурный пирог с эмменталером и каперсами, а к нему капучино с нутой; вернувшиеся аккордеонист и саксофонист меж тем поддали грува, исполнив чамаме-ремикс популярного «Жужжания лающей жабы». Запахи, музыка, жар кухни; в зале назревали перемены, пока неслышные и спонтанные, раскиданные вокруг маленькими островками, а в близком будущем – катастрофические, необратимые и глобальные. Шум нарастал. Постоянные клиенты, расположившись в круге света под вывеской «ЖИВАЯ МУЗЫКА ВЕСЬ ВЕЧЕР», употребляли «Девяностопроцентный неон» и пиво «Жираф». Вечер как вечер, обычное дело в «Прибое». В середине первого акта между бэндом и барной стойкой сформировались фигуры. Держались они нерешительно, словно не понимали, чего от них хотят: молодые, симпатичные, лабильные, влюбленные в танец. Лица их покамест были лишены всякого выражения, в глазах отражались огни бара, отблески света на бутылках и бокалах, отражения отражений, теплые, но недоступные пониманию. Сперва показалось, что лишь в этом свете они и позволят себя увидеть, но тут же глаза изменились. У новоприбывших возникли желания, аппетиты, но они пока не знали, кем стать. Они поморгали в неоновом свете, жадно полакали выпивку у барной стойки, держась тесной группкой, как дети или животные, затем, внезапно сомкнув руки, вывалились в ночь.

«Чего им тут надо?» – подумала Ирэн.

Она бы сказала, что любви. И удовлетворения.

– Ты так тоже считаешь, Антуан?

Антуан сказал, что у него на сей счет нет никаких мыслей.

– Ну ты как думаешь, они кто такие?

Антуан сообщил, что может лишь повторить уже данный ответ. Потом резко вскочил, перевернув стул.

– Господи!.. – прошептал он.

Поставив бокал на стол, он утер рот тыльной стороной

ладони и, не сказав ни слова Ирэн, протолкался через толпу Лонг-бара на Корниш, где остался стоять, глядя на пляж, где месяцем ранее продал Вика Серотонина Полиции Зоны; его сотрясала дрожь. Прибой накатил высоко. Две женщины и мужчина пытались заняться сексом на узкой полосе песка под фонарями Корниша. В прохладном воздухе звучал смех.

– Сюда! Ой нет, сюда!

Кто-то просвистел две-три ноты танго. Лицо мужчины расплылось белым мазком наслаждения, черные волосы отлетели назад. Антуан хотел было его окликнуть, но обнаружил, что не может. Его словно заморозили. Пока он стоял и смотрел, троица поднялась с пляжа, оправляя одежду, и утянулась к фонарям.

Ирэн обнаружила его там: Антуан смотрел на Корниш в сторону Саудади. Слезы текли по его лицу.

– Антуан, милый, что случилось? – спросила она.

– Это был Вик. Я его узнал.

– Да нет же, милый, нет. Вик ушел и больше не вернется. Он слишком скрытный тип, чтобы найти другую дорогу. Ну что ты себя изводишь? У Вика Серотонина не было сердца, но, Антуан, твое сердце весь мир вместит! Пойдем внутрь. Пожалуйста, вернись.

Антуан отрицательно покачал головой, но позволил ей отвести себя назад в Лонг-бар. Дуэт, продолжая играть, выдавил в зал еще парочку незнакомцев. Антуан глядел им вслед.

– Жизнь продолжается, Антуан. Всегда продолжается.

В тот вечер Антуан Месснер преодолел душевный кризис. Ему стало легче, он снова открылся счастью и поверил в себя, и чем дальше, тем сильнее.

* * *

«Кадиллак» преодолел половину пути вверх по длинному склону, усеянному разбитой керамикой, потом внезапно сбросил скорость, чуть сдал назад и в облаке пыли съехал под откос, завалясь водительской дверцей к земле. Минуту-другую склон сотрясали небольшие лавины, теряя силу и частоту, и пока он не утвердился в новой конфигурации, похожий на Эйнштейна человек ничего не предпринимал. Неловко вжав подбородок в подключичную впадину, он навалился на ремни безопасности.

Все вокруг заливал синий потусторонний свет. Все будто смешивалось и сраталось. Жидкости вытекали из машины, а мысли и образы – из его головы. Он снова слышал ассистентку: «Никакое это не расследование и сроду им не было». И свою жену:

«Эшманн, тебе и целого мира мало будет, отыщи ты его по своим вкусам». Встретив ее впервые, он подумал о ней то же самое. Это произошло на Корнише в конце летнего дня, когда солнечный свет превращал море в расплавленную сталь. Она сидела на террасе кафе в желтом шелковом платье и темных очках, таких темных, что пришлось их поднять, чтобы посмотреть на Эшманна. Она ела мороженое. Вид у нее был слегка дезориентированный, в глазах такая мука, словно она наперед знала, чем обернется их грядущая жизнь. Часом позже она сидела у него на коленях в экипаже рикши, а шелковое платье задралось выше талии.

При этом воспоминании Эшманн усмехнулся. Отстегнул ремни и выбрался из «кадиллака». Перевернул носком туфли разбитые керамические плитки.

«Итак, ты внутри, – подумал он, – и ничего хорошего с тобой тут произойти не может». Затем, наугад открыв дневник Эмиля Бонавентуры, попытался сопоставить найденное описание с окружающим ландшафтом, как будто воспоминания Эмиля сейчас годились в путеводитель по его собственному миру.

«Двигатель сразу заглох, – писал Бонавентура. – Мы спали на старой водокачке. Г. часто просыпался, слышал крыс ночью. С его язвами все так же плохо. Осталось четыре литра воды». За этим следовало что-то среднее между картой и рисунком, точечные линии соединяли беглые формы без попытки передать перспективу, а расстояние по странице в масштабе отвечало расстоянию от точки наблюдения. «Отстойник внизу то и дело затапливало, и мы вынуждены были вернуться по собственным следам. Луперку упоминает в этом месте „парламент насекомых“, но я видел только деревья на высоком склоне и…» Дальше неразборчиво.

– Эмиль, Эмиль, – посетовал Эшманн, словно старый entradista сейчас был рядом. – Никто ничего не совершает с правильными целями.

Он отшвырнул дневник и пошел куда глаза глядят, а именно – вверх по склону. После этого он блуждал, по субъективному ощущению, несколько недель. Он не испытывал ни голода, ни жажды, хотя ночью ощущал холод, а его одежда быстро растрепалась в лохмотья. То, что казалось ему разрушенным городом, уходило вдаль под тем, что казалось ему лунным светом. Волны перемен прокатывались по местности, но домов упрямо не затрагивали. Многие постройки остались целы, но дверей и окон не было, и никакой мебели тоже, вообще никаких следов человека. Подвалы полнились чем-то вроде плотных белых вшей или ионизированной эктоплазматической слизью неисправной умной рекламы. В канавах, плотно утрамбованные,

сидели черные и белые коты, а на Эшманна не смотрели. То и дело он замечал на окошке записку, за углом рикшу, слышал смех, но там никого не оказывалось. Вокруг все провоняло прогорклым жиром, отчего Эшманну припомнилась беседа с Виком Серотонином, продажным туроператором, проводником заблудших душ.

– Только простаки берутся утверждать, что там все так просто, – говорил тогда Вик. – И что они принесли? Ничего. С их хабара даже номер в мотеле не оплатишь. Воздух там как лярд. Он пахнет кодом. Видишь что-нибудь, нарушаешь правила – бум, смерть. Хуже чем смерть. Никогда ничего там не подбирай. Не позволяй никому себя подобрать.

Словно в подтверждение этих слов, а может, оттеняя их, умирающие объявления выпорхнули из полного слизи подвала и увязались за ним, соблазняя полуоформленными обещаниями, которые никто бы не принял всерьез и не исполнил.

Секс-препараты почти задаром…

99 % вероятности успеха выкройки…

Ограниченное предложение, торопитесь…

Они напоминали бегающих в прибое собак, незапомненные воспоминания, места, которые не суждено посетить дважды. Самые целеустремленные следовали за ним целыми сутками, принимая форму маленьких цветастых китайских фонариков или, реже, рисунков маленьких цветастых китайских фонариков, зависших в воздухе сразу за его левым плечом. Они быстро сдыхали. Вскоре осталось только одно. *Такие элегантные часики,* – проинформировало оно, – *дарят лишь самым великолепным из женщин.* – И: – *Сегодня же получите свой ДЕПЛОМ.* Можно ли считать, что он его подобрал? Сыщик не знал ответа. Он лишился ассистентки. Потерял машину. Потерял все связи с обычным миром. Взамен Зона наделила его призрачной спутницей, хилой, но очень настойчивой. Он пока не понимал, чего та потребует взамен. Лежа ночами в полудреме на берегу мелкого потока, он приучился находить успокоение в простой мелодии мелькавшей вокруг рекламы; он проникся к ней столь же простой привязанностью.

* * *

Может, это *дочь?*

Однажды поздним вечером, спустя восемь недель после того, как Вик Серотонин и Лэнс Эшманн исчезли в Зоне, Эдит Бонавентура втиснулась в костюм, который носила в семнадцать

лет, и потащилась к воротам некорпоративного космопорта Саудади. Там она поставила на цементный тротуар футляр с аккордеоном, вытащила инструмент и начала играть. Вокруг подвижными небоскребами высились корабли всех круизных линий, уходя стертыми, обожженными корпусами к облакам. Ночь выдалась туманная, моросило. Светили размытые белые шары портовых галогенок, скользкую черную мостовую нарезали колеса рикш. Костюм Эдит – ярко-мареновый, из фальшатласа – ей был впору, хотя и выставлял легкую полноту напоказ. Ее щеки и обнаженные бедра разгорелись от непривычного возбуждения. В кои-то веки Эдит позволила себе бросить отца забавляться его игрушками; если хочет, пусть падает с кровати, а не хочет, пускай сидит и ждет: в этот вечер, сообщила она ему, Эмиль предоставлен сам себе. У всех есть право выбирать.

– Эмиль, если хочешь, смотри, как отбывают туристические корабли, а хочешь, так наблюй на себя. Я пошла в «Мир сегодняшний», подцеплю кого-нибудь.

– Если попадется сговорчивый, вы двое захватите мне бутылку…

– Заметано.

– …а потом тихонько делайте, о чем условились на сдачу.

Эмиль выглядел неплохо; кажется, отошел после инцидента с Виком. Она не знала, зачем врет ему. Она только уверилась, что ей это нужно, нужно сыграть. Она выбрала аккордеон под цвет костюма, с мареновыми металлическими накладками под тонким слоем лака, штампованными хромовыми эмблемами ракет и комет, отражавшими, подобно зеркалам, огни космопорта. Девочкой Эдит не так хотела играть на инструменте, как стать им, свернуться внутри, словно в крошечном дополнительном измерении самой музыки. Она играла «Abandonada».[38] Играла дзен-танго. Старую нью-нуэвскую классику, Анибала Лектора. Она быстро сливалась с ночной тьмой, выглядывала в ней платежеспособных клиентов. Реклама цвета фуксии подлетала к Эдит с проезжавших мимо рикш. Рикши выкрикивали заказы или замирали на миг, непроизвольно вслушиваясь, озадаченные собственной внезапной неподвижностью, выдыхая облачка во влажный воздух. В обе стороны от очереди рикш гостьи с других планет вздрагивали – о, как печальны эти проникновенные мелодии танго, написанные непритязательным, но бесконечно изобретательным языком, как безжалостны их самосбывающиеся пророчества о запутанной, абсурдной и краткой жизни! – и плотнее закутывались в шубки. Но то был кратчайший миг mât de débarquement. Саудади! Само имя, как колокол, бьет по нервам и возвращает к подлинной своей, приятно сложной сути!

Поднявшись спозаранку в отправной точке, на новую планету они прибыли ночью, эта моментальная неощутимая перемена их веселила и смущала одновременно, вселяя предвкушение дивной новизны сего мира. Желая это отпраздновать и признать триумф несогласованности над обычным распорядком, они широким жестом бросали деньги в розовое, как лососина, шелковое нутро старого, странного, громоздкого футляра. Иногда ветер взметал банкноты вокруг Эдит вихрем конфетти, а та играла и играла: «Я – это ты», «Мотель Милонгерос», убыстренную версию «Венди дель Муэрте», которую разучила в пилотском баре на Пумаль-Верде. Если честно, она понятия не имела, зачем сюда явилась. Ей было сорок два. Темноволосая широкобедрая плотная женщина, не в силах позволить себе стать той, кем мечтала сделаться в одиннадцать и чей задорный румянец сейчас проступал на ее оливковой коже. Она сфокусировалась, став одной из тех, о ком говорят: «Не вини Эдит. Эдит сама знает, что ей нужно».

Поток рикш усох, и, почувствовав, что на сегодня довольно, Эдит собрала деньги, упаковала инструмент и вдруг содрогнулась под старым мареновым шерстяным пальто.

– Ветра памяти, – ошибочно процитировала она, – тронули угол моей кельи.

По крайней мере, отсюда по закоулкам недалеко до бара «Мир сегодняшний», где светится единственное желтое окошко и уже ни души. Эдит сложила стульчик и пересчитала деньги. Она собрала больше ожидаемого, но меньше, чем представила себе при виде этих богачек в медовых шубках, с макияжем от «Гарварда и Пикосекунды», с дизайнерскими чемоданами «Никки Ривера» из кожи инопланетных зверей.

– Можно мне бутылку «Блэк Харт»? – попросила она бармена, но тут же уточнила: – А впрочем, отчего бы мне и самой не выпить.

– Ты сегодня гуляешь, – заметил бармен.

Потом она спросила, не кажется ли слишком старой для умных татушек. Еще позже, не запомнив его ответа, обнаружила себя на тротуаре перед ателье Дяди Зипа в двух дверях ниже по улице.

Дядя Зип, закройщик геномов, оказался своим собственным хитом. Много лет назад он таинственно исчез в червоточине радиоисточника RX-1, но его ателье, а то и по два-три на планету, до сих пор работали по всему гало. Внутри на стуле, потея от энергичных движений, сидел сам Дядя Зип, толстый клон, похожий на матроса, и, следуя примеру исходного портняжки, покровителя аккордеонистов, играл ночь напролет. Выкройки у него были самоновейшие. Он кроил для ЗВК, для знаменитостей

и обычных людей; поговаривали, что и для чужаков тоже. Он был сам себе народ, он обитал везде, вплоть до Ядра. Если на Пляже осталось место для религии, то Дядя Зип мог считаться ее теологом, ибо показывал, как надо меняться и двигаться вперед, презрев штрафы силы тяжести и старомодные обличья. Дядя Зип был вежлив со всеми клиентами и позволял тоскующим прохожим вроде Эдит подолгу глазеть на тысячи новых возможностей, представленных рекламными голограммами витрины, прекраснее новогодних тортов или древних поздравительных открыток, сияющие истинными цветами овода или ядовитой жабы. Ну куда без них! Можно стать Одри Хэпберн из «Римских каникул», восседать принцессой на коленях у Грегори Пека и носить его халаты. Можно стать принцессой Дианой и распевать бронкским соловьем на роковом благотворительном обеде Кеннеди в полупрозрачном платье от Givenchy. Можно исчезнуть из собственной жизни, словно тебя никогда и на свете не было: это в случае, если тебя облагодетельствовали ДНК, наугад стыренной у кого-нибудь из узников орбитальной тюрьмы у Сердца Карла. Можно заделаться наполовину чужаком или, как судачили, полной свиньей. Можно нанести себе самую дешевую умную татуировку (известную как «Пятнадцатидолларовый орел»[39]) или обзавестись нейронными выкройками, достаточно сложными и убедительными для должности менеджера в секс-индустрии экономики Радиозалива. Что ни выберешь, а будет тебе все новое: это сулил почти призрачный свет из витрины Дяди Зипа. Станешь кем-нибудь еще и улетишь далеко-далеко.

Эдит передернула плечами.

Она постояла там некоторое время, задаваясь вопросом, стоит ли овчинка выделки. Ответа не нашла.

– Ты профукала свой шанс обновиться, – сказала она себе. Ей стало лучше. Ей представилось, как она возвращается домой и говорит Эмилю: «Когда ты назвал в мою честь дочерний код, ты ошибся. Дочь ты мыслил наследницей всех своих качеств, а в ней-то что? Она твое порождение, так зачем тебе шляться в Зону и искать ее?» Но, обнаружив, что он ждет ее в синем сумраке комнаты, как обычно ждут отцы дочерей, она произнесла лишь:

– Снова дождь идет.

Разбросанные по кровати, валялись тома его записок. Все тетради были раскрыты, у некоторых лопнул переплет, кое-где вяло шевелились на ветру в свете фонарей желтоватые страницы. Умные диаграммы, нанесенные пронзительными красным и зеленым. Торопливые наброски карт, похожие на броши: эти заговорят, если знать к ним код. Маршруты к местам, что

сдвинулись и исчезли двадцать лет или двадцать секунд назад, если вообще существовали в реальности. Столько всего описано задним числом и, как все прекрасно понимали, с опозданием. Глаза Эмиля воспалились от попыток прочесть законспектированную сегодня в дневниках порцию автобиографических сведений; в уголках глазниц запеклись крошки, и глазные яблоки казались посаженными глубже, чем в час ее ухода. За последние два дня у него что-то выросло на веке. Фантастически изящное, хитроумно вывернутое и согнутое, из лепестков плоти, оно напоминало розу.

Эдит села на постель и уперла локти в колени. Вот теперь нахлынула усталость.

– Ну, прочитай, что написал, – сказала она.

– Ты прочти за меня. Я провел там полжизни и даже своего почерка больше не разбираю. Вот, сама прочти.

«Г. утверждал, что сделал этот рисунок в Секторе Три. Ожидал <неразборчиво>, но добился большего. Бесконечные высокие травы. На переднем плане перед скамьей лежит в траве существо: наполовину женщина, наполовину кошка. Поначалу оно казалось неподвижным, но затем, как рассказал Г., стало медленно менять форму. Г. сказал, что „онемел от изумления“ перед потенциалом открытия. Он „исполнился ясного сознания собственных возможностей“. Кошка была белая или, вернее, цвета слоновой кости».

Пока Эдит читала, взгляд Эмиля поплыл и расфокусировался, а лицо словно ушло под быстротечную воду. В конце концов она поняла, что отец плачет. Отложив дневник, взяла его за руки и свела ладони, чтобы он в кои-то веки ощутил себя.

– Вы, entradistas, всегда такие смельчаки? – спросила она. Эмиль попытался улыбнуться, но тут что-то его отвлекло: вспышка света на стенах, слишком быстрая для восприятия Эдит; и она увидела, что он снова не в себе, снова бредит о планах, которые разваливаются, прежде чем к ним приступишь. Эмиль вымолвил:

– Мне снился Вик. Мне приснилось, что Вик вернулся.

– Ты же никогда не видишь снов, Эмиль.

* * *

Местом третьего ночлега в Зоне Вик Серотонин и его клиентка выбрали заброшенный кафетерий. Дела там творились странные. Из стен яростно вырвали – так и тянуло сказать, «выпотрошили» – петли электропроводки, но стальные батареи

центрального отопления и застекленные прилавки при этом не пострадали. Из точки вблизи потолка мерно падал снег, а спустя пару часов после полуночи чуть ниже ее материализовался ребенок возрастом около восьми лет, закутанный в вязаную шаль так плотно, что видно было только его личико. Пола падающий снег не достигал. Элизабет Кьелар, подняв голову, уставилась на ребенка, да так и не отвела взгляда. После этого Вик старался держаться в ее присутствии как можно осторожнее. Утром через выбитые окна в кафе заползло солнце. Вик проснулся и обнаружил, что клиентка стоит на коленях посреди черных и белых плиток пола, глядя в ровную прозрачную лужицу воды. Выглядела она неплохо.

– Взгляни! – возбужденно воскликнула она. – Взгляни! Там рыбы!

На радостном лице ее виднелись грязные разводы.

– Две маленькие рыбы!

Когда Вик подоспел, солнце уже спряталось, и в воде он ничего не увидел, кроме собственного отражения. Отраженный Вик показался ему измотанным, потасканным и седовласым. Он отвел взгляд, прежде чем с отражением успело случиться что-нибудь похуже.

– Это хорошо, – проговорил он.

– Думаешь, ее можно пить?

– Если хочешь пить, выпей воды, которую я захватил. Тут все не то, чем кажется.

– Ну ведь рыбы ее пьют.

– Эти рыбы, – терпеливо объяснил Вик, – были не настоящие.

– Я этой водой подмылась, в конце концов. Если часто трахаешься, надо соблюдать чистоту. – Она пожала плечами. – Стоит одной рыбке повернуть, как другая следует за нею. Ты не знал, что во Вселенной любое стайное поведение управляется, по существу, идентичными простыми алгоритмами?

Вик уставился на нее, не зная, что на это ответить.

Утро выдалось трудным. Он пытался ее заставить, но она отказалась от еды. Не успели они покинуть кафе, как ребенок возник снова, туго закутанный в шаль, и принялся вращаться в точке под потолком, словно куколка в коконе. Элизабет попятилась от ребенка, а когда Вик попытался взять ее за плечи, укусила ему руку. Он помнил за ней это поведение по предыдущей вылазке. Разумнее всего было бы сейчас бросить ее тут и пробираться обратно в Саудади, но они уже слишком далеко зашли, и он преступил множество собственных неписаных правил. Не ставя перед собою личных целей, он тем самым отдавался бы на милость… того, что загнало ее в Зону.

– Вик, был бы ты со мной поосторожнее. Меня тут на самом деле нет.

Вик встал и потер ладонями друг о друга.

– А где ты? – спросил он.

– Не знаю.

– А откуда ты?

Она не ответила, только уставилась на него с таким видом, словно ответ должен был быть ему ясен, и тогда он, пожав плечами, вышел наружу, к холодному воздуху и теплому солнечному свету. Кафетерий располагался в одноэтажном белом здании, построенном, вероятно, для каких-то более трудоемких функций; здание стояло на берегу заливчика, под прикрытием кривобоких холмов и деревьев. Чайки, зеленые камыши, пятна солнечного света на пригорках между деревьями. Отраженный обнажившейся при отливе землей свет был так ярок, что глазам больно было на него смотреть. На противоположном склоне заливчика деревья исчезали в лабиринте отражений, напоминавшем нагромождение многопалубных кораблей или устроившийся на отдых после долгого полета к партнерам по размножению рой насекомых. Еще дальше на два-три километра тянулись высохшие химические бассейны, затем – длинные плавные возвышенности, поросшие высокой травой. Вик чувствовал себя опустошенным, ему казалось, что Зона, случись ему допустить оплошность, вот-вот подсунет ему украденную и немилую часть самого себя. Спустя пару часов он вернулся в кафе, надеясь заставить ее поесть или уйти отсюда, принять любое решение, от которого в дальнейшем можно было бы отталкиваться. Внутри было холодно. Элизабет уже некоторое время старательно забивалась в щель между двумя шкафчиками. Оттуда она смотрела вверх, на потолок. Со светом, падавшим на нее, происходило что-то странное. Он облекал ее тело, заворачиваясь вокруг лица, разъедая и сглаживая черты, делая их невыразительными. С остальным помещением все было в порядке.

– Элизабет?

– Вик, не подходи.

Он поймал ее за руку и потянул на себя; она вырвалась и забилась в угол, не сводя с него глаз. Весь остаток дня она блюла дистанцию между ними, быстро перемещаясь в другой угол при его попытке приблизиться; лицо ее побелело, но движения оставались быстрыми и ловкими. Вик осторожничал. Он не думал, что она способна ему навредить, но не хотел, чтоб она сама себе навредила. Он надеялся, что рано или поздно она вымотается, хотя и не представлял, как поступить потом. Ничего известного ему о ней не помогало в поисках ответа на этот

вопрос. Спустя пару часов она принялась стягивать одежду, так неловко, словно забыла, как ее носить, или вообще никогда не знала.

– Я не хочу этого, – проговорила она. – Почему я должна этого хотеть?

– Элизабет, – произнес Вик. – Пожалуйста.

Она рассмеялась и присела, чтобы обильно помочиться.

– Нет, – протянула она, – ты недостаточно много знаешь, чтобы чувствовать себя в безопасности, Вик.

– Элизабет!

– У меня все равно твоя сперма.

С приходом ночи ее кожа приобрела оттенок темной слоновой кости, будто все наросшие слои стали отмирать, а потом тускло засияла. От нее пахло отчаянием и неведомыми гормонами. Она лежала, исходя потом в тепле, не достигавшем Вика, искоса поглядывала на него и лакала воду из лужи на черно-белых плитках пола. Сияние пугало его. Он же тут всего лишь посредник. Он снова подумал, не уйти ли, но, выглянув наружу, увидел, что заливчик сложился внутрь себя, точно ускользнул в некое скрытое измерение, и на его месте теперь тянется дюнный пейзаж с редкими вкраплениями тумана, выступающими из песков валунами и торчащими кое-где костями флуоресцентно-белого оттенка. На горизонте посверкивало что-то вроде зарниц или ракетных выхлопов. Она позвала его. Голос, обычно чистое контральто, обрел гармоники, словно кто-то говорил с ней в унисон, но не так громко, чтобы этого кого-то можно было услышать. Она расположилась в центре заброшенного кафетерия, принимая в сумраке то одну отчаянную позу, то другую.

– Вик, – произнесла она, – люди сбиваются с пути, решив защитить себя. Затем паникуют и решают, что неплохо бы найти этот путь снова.

Она метнулась мимо него в распахнутую дверь и помчалась к дрейфующим химическим туманам; побежка ее уже теряла сходство с человеческой, а кожа флуоресцировала в сухих просверках зарниц.

– Элизабет!

Всю ночь она бесцельно носилась взад-вперед по дюнам. Трудно было сказать, в какой миг она стала чем-то другим. Существо это могло так изгибаться в поясе, что, прижав ладони к земле, спокойно перемещалось бы на четырех конечностях, голова у него была маленькая и обтекаемой формы, но на ней каким-то образом умещались огромные веселые мультяшные синие человеческие глаза; оно звало Вика по имени, пока он не прижал

руки к ушам и не ретировался внутрь. Наутро он пошел по его следам, но вскоре сбился с них там, где дюны сменялись пурпурной травой.

За следующие месяцы и годы безнадежных поисков Вик Серотонин проник в Зону дальше, чем кому бы то ни было доселе удавалось. Он выбросил пистолет. Он перешел на подножный корм. Он привык к такой жизни. Каждый день он шел до упора, пока не находил себе место для ночлега, и постепенно привык слышать по ночам звуки радио, хаотично переключавшегося со станции на станцию, скрежет падающих балок, протестующее чваканье пластиковой утки. Он слышал, как расступаются и перемалывают друг друга ландшафты вокруг. Пустые помещения больше не казались ему вонючими. Он никого больше не встречал, если не считать одного случая, когда утром проснулся на пустынной площади от женского голоса, тянущего какую-то пронзительно-жалобную песнь. Пролетели голуби, за ними новые. Воздух тут был холодный, стоячий, но полный старой обуви – потрескавшейся, сморщенной, с оторванными подметками, летавшей из стороны в сторону, точно на сильном ветру, или, вернее сказать, как если бы обувь, ни с того ни с сего став единым организмом, в определенных условиях выработала у себя стайное поведение. Вик тогда понял, что Эмиль Бонавентура говорил правду, но понял он также, что ни это место, ни какое-либо иное не достойно именоваться центром всего. Вик становился старше. Ветер и солнце высветлили и выдубили его кожу и волосы. Воспоминания об Эмиле и Эдит, а также о вечерах в баре «Белая кошка, черный кот» и друзьях, Антуане с Лив, тускнели, как поблекла в конце концов и память о самом Вике Серотонине. Но своей клиентки он никогда не забывал и не прекращал ее искать до самой смерти.

* * *

Сыщик Эшманн поднимался по золистому склону около недели только затем, чтобы оказаться на краю трехсотметрового обрыва. Пропасть обрывалась в месте, напоминавшем увеличенную масштабную копию Лонг-бара в кафе «Прибой». Он принял это за метафору.

Он остановился на краю. Фалды костюма развевались позади на ветру, исторгая вспышки светомузыки. Он потянулся за шляпой. Он жадно глядел, как в теплом свете бара мерцает «Блэк Харт». Все вокруг трепетало в предвкушении перемены, но, когда накатила Волна, упал именно Эшманн. Он увидел чертеж

архитектора. Слоеный пирог. Моментальные снимки собак. Огромные мужские часы-браслет. Игральные карты. Деревянного игрушечного пингвина на резиновых лапах. А потом – своего старого приятеля и спарринг-партнера Эмиля Бонавентуру, спящего на болотистом берегу, в виду подступающей воды. Он видел, как реют на фоне заката синие птицы и копошатся бурундуки. Словно в ответ, нахлынула тошнотная слабость, и, придя в себя, он обнаружил, что валяется в нескольких метрах ниже по склону, не в состоянии пошевелить ногами. Чего-то в этом роде и стоило здесь ожидать, когда в игру вступает тектоника плит и один уровень реальности проскальзывает под другой. Была ночь. Он присмотрелся к своим ногам: вроде бы все в порядке, но нельзя отрицать, что чувствует он себя как-то странно, особенно после такой прогулки.

– С тобой что-то произошло, – заключил он вслух. – И ты ничего с этим не сделаешь, пока не поймешь, что именно.

С этим он мог примириться. Он лежал долго. Ночь сменилась днем, день сменился ночью. С равномерными промежутками прокатывались по земле под ним волны перемен. Сверху и из-за края пропасти неизменно доносился близкий веселый галдеж публики Лонг-бара, и это его успокаивало. Он чувствовал себя уверенно, однако умная реклама, проделавшая с ним этот путь без лишних напоминаний, его выбешивала. *Отрасти себе член до колен,* – предлагала она. И: – *Вызови Гурангу, будь счастлив*. Реклама блуждала вверх-вниз по склону, удаляясь и приближаясь, выцветая до призрачно-синего и оранжевого, словно горящая спиртовка, – болотный огонек, заплутавший не хуже своей жертвы, символ обманчивой надежды.

Наконец реклама оставила его в покое и уплыла прочь.

– Ниспошли мне знак, – произнес Эшманн. – Найди его внутри.

Он фыркнул. Внезапно его обуяла бóльшая симпатия к рекламе, чем к самому себе.

– Ниспошли мне сердце неоновое.

Тут он задумался о своем преступлении. О своей супруге, заточенной в пещере Минотавра в ожидании любых гостей; о двойнике Мэрилин Монро, танцующей на канате при каждом выходе из своей комнаты. Он задумался о влажном песке на задах кафе «Прибой», ежедневно трамбуемом безжалостными силами импровизации, иконопочитания и красного света Лонг-бара, силами, поставляющими городу новых жителей. А что, если и он сам тоже часть этого цикла? Впоследствии он с изумлением сказал себе:

– Эшманн, сдается мне, ты умираешь!

Он чувствовал, как раздувается, увеличивается в размерах, но плохо ему в строгом смысле слова не было. На третий или, может, четвертый день он опустил взгляд и увидел, что нижняя часть его ног тает в потоках высокоэнергетических белых искорок. Искорок были тысячи, а боли он не ощущал. Несмотря на это, а также на полное безмолвие, в котором все происходило, он почувствовал себя частью развлекательного представления. Он с треском и шипением уносился во тьму, как фейерверк. Он размышлял, что случится, когда огонь достигнет его члена. Искры улетали вверх по склону, влекомые легким ветерком, и скрывались за краем обрыва, дождем осыпаясь в место, которое, как мог он только предполагать, было двойником кафе «Прибой» под вывеской «ЖИВАЯ МУЗЫКА ВЕСЬ ВЕЧЕР». Ногам его еще много предстояло потерять. Они изливали искры и светящийся дым. Зрелище это явно стоило уплаченных посетителями денег. Потом он увидел, как жена бежит к нему по склону, улыбается и машет, взбираясь в гору по бесплодной земле. Она звала его по имени. Она была в желтом шелковом платье, так хорошо ему запомнившемся. И боса.

– Эшманн, это ты? – звала она. – Это ты? Эшманн, ну ты никогда не меняешься, вечно что-нибудь новое выкинешь!

А что, если бы ничего нового на свете вообще не существовало, лишь один и тот же вид, уловленный в старую добрую карусель вечного обновления? Спускалась бы, спотыкаясь, вскоре его свежая версия по Корнишу прочь от кафе «Прибой», распевая во всю глотку, исполненная предвкушения чего-нибудь удивительного? Или это уже произошло?

А что, если мы все – просто код?

– Утци, поспеши! – закричал он. – Скорее, милая, или я тут весь угорю, пока ты доберешься!

Жить было очень приятно.

10
Нова Свинг

Последующие недели принесли в Саудади улучшение погоды. Апрельские псы сновали вверх-вниз по Стрэйнт-стрит от Зоны к морю, облаивая заколоченные окна. Небо наверху казалось синее обычного, более пустым и широким, чем обыкновенно позволяли ему здания. Можно было обонять океан. Людей обуревали приливы энергии и желания вырваться на улицу. В новочеловечьих крольчатниках активно трахались. Даже двери лавок распахнулись, открывая зевакам виды матово-черных внутренних стен, пыльных постеров, усеянных умной рекламой и утыканных светодиодами белковых баков, чей гарантийный срок давно вышел; портняжки сидели на тротуарах, играли в «трехчленного Хьюи» и старались прельстить своими услугами Мон.

Бар «Белая кошка, черный кот» исключения в пору перемен не составлял: Лив Хюла объявила выходной. И для начала поднялась по лестнице наверх.

В коробке, которой она расколотила умывальник, среди прочего хлама сорокалетней давности содержалась дешевая голограмма, имевшая отношение кое к каким свершениям Лив Хюлы до прибытия в Саудади. Звуковая дорожка голограммы начиналась фразой:

– Лив Хюла прославилась на все гало, нырнув на своем хлипком дипкорабле «Нахалке Сэл»[40] на глубину пяти тысяч километров внутрь фотосферы Франс-Шанс IV…

Запись была длинной, почти документальной, а комментарий этот продолжался целых девяносто секунд, сопровождая изображения Лив в детстве, Лив в подростковом возрасте, когда она гоняла на спортивных ракетах у бара в отеле «Венеция» на Франс-Шанс; затем появились кадры с кораблем, если эту штуку вообще уместно величать кораблем: пока маленькая лодка остывала на парковочной орбите, с нее отлущивалась и опадала опаленная жаром краска. Почти все тут переврано. Например, «Нахалка Сэл» была не дипом, а первым из настоящих гипердипов, с тонкой системой регулировки магнитного поля и корпусом из чужацкого губкообразного аллотропа углерода. Существовала еще запись, где Лив обнималась с самим Эдом Читайцем, которого обставила в этой исключительной гонке, и это было здорово, поскольку Эд – долговязый, ненадежный, загорелый, как обычно в гало, отягченный вечным грузом долгов

– в свое время стяжал славу легенды дипполетов. Эта запись не сохранилась, да она и не ожидала ничего иного; но…

– Глубже! – кричали они камерам, они с Эдом Читайцем, пилоты, которым на все гало улыбалось будущее, ракетный спорт был тогда так популярен, что полет, без сомнения, стоил того. Как избавиться от голограммы? Лив никогда не интересовалась прошивками гаджетов и даже не знала, как эта штука работает. Она решила, что надо выкинуть ее в море.

Захлопнув коробку, она заперла бар, вышла на улицу и направилась вниз по Стрэйнту в некорпоративный порт, где некоторое время стояла на краю плотных, шелковистых на ощупь камышей рядом с перетянутыми цепью воротами, в темном пилотском комбинезоне, глядя в утреннем свете, как опускаются и взлетают ракеты; затем поймала рикшу, чтобы сэкономить силы на остатке пути до пляжа.

– Вы бы не совались во Вьентьяль, – посоветовала ей рикша. – Там не протолкнуться. Приходится ползти.

– А может, мне охота ползти.

– Нет, не может.

Пляж Чудовища тоже был запружен народом: обозрев переполненные отдыхающими рыбные ресторанчики и аттракционы на дощатых настилах, стайки прекрасных Мон и знаменитый знак, указывавший, как ни странно, не в песок, а вверх, на парковочную орбиту, она попросила девочку рулить дальше, в Пойнт, на самую оконечность пляжа. Там она разделась до белого топика и черной поддевки, больше приставшей бы мальчишке, и стала наблюдать, как играют в приливе детишки. Потом снова повозилась с голограммой. Трудно было сказать, о чем она думает, просматривая запись. Прическа у нее совсем не изменилась с той поры, только оттенок волос теперь был другой. Она смотрела на море. Ела мороженое. Подцепила молодого человека. Это случилось, когда она с пустыми руками возвращалась от океана, испытывая внезапную легкость и потребность за что-нибудь взяться. Он был куда моложе, улыбался теплой искренней улыбкой; соломенные волосы его выгорели на солнце, аккуратная треугольная бородка начиналась от нижней губы. Не хочет ли она мороженого, поинтересовался он.

– Отличная идея, – ответила она. – Но я за него заплачу.

Во время прогулки с мороженым по берегу он сказал:

– Свет и тень порою вытворяют одно и то же? В смысле, гм, подсветки? И они одинаково ласковы…

– Я об этом часто задумывалась, – сказала Лив.

Она и так собиралась забрать его в бар. Поздним вечером он

деликатно заметил:

– Я тебя где-то раньше видел. Ты кто такая?

– На дворе две тысячи четыреста сорок четвертый год. Мы все кем-нибудь да стали.

Поднявшись к ней в спальню, он уставился на разбитый умывальник. Она видела, как юноша придумывает повод об этом спросить. В середине ночи Лив проснулась и уже не смогла уснуть. Она разглядывала его тело, кожу цвета меда, совсем чуток несовершенную для полного идеала. Гм, интересно, откуда он столько знает про секс в его-то возрасте? Впрочем, для таких навыков сейчас есть портняжки. Поразмыслив немного, она встала, спустилась в бар, накалякала грубое объявление «ПРОДАЕТСЯ» и приклеила на окошко, внизу справа. Поднявшись обратно, она обнаружила, что юноша проснулся и тоже на ногах. Его снова заинтересовала разбитая раковина.

– Ты же не собираешься туда сикать, правда? – спросила она.

– Я могу ее починить.

– Ее кто угодно может починить. Почини лучше меня. Я-то и вправду нуждаюсь в починке.

Он улыбнулся ей неторопливой улыбкой, совсем как Эд.

– Нет, ну правда, – настойчиво повторил он, – ты кто такая?

Лив сделала вид, что оглядывает комнату.

– Разве та, кто здесь живет, не вправе кем-то оказаться? Ты это кончай. Лучше трахни меня.

– А может, сначала трахнуть тебя, а потом кончить?

В конце концов, подумала она с неожиданным облегчением, он и вправду так молод, каким кажется. Она рассмеялась.

– Так что ты за пургу там нес насчет света и теней, – спросила она, – на пляже?

Наутро ей стало куда лучше. Она прибралась в баре. Вымыла столики. Составила более аккуратную версию объявления «ПРОДАЕТСЯ», написав это слово на куске белого картона, найденном за барной стойкой. К ней вернулась прежняя энергия. Словно отвечая этим мыслям, явился первый клиент и заказал горячую мокку с ромом и сливками. Был то не кто иной, как Антуан Месснер, в кои-то веки при полном параде.

– Я тут уже проходил, – сообщил он, – и видел твое объявление. Я в восторге.

Он сказал, что направляется по делам на Карвер-Филд. Вероятно желая подчеркнуть серьезность своих намерений, он оделся во все новое. На нем были короткая кожаная пилотская куртка на застежке-молнии, саржевые бриджи цвета хаки и дорогой пояс. Никак он и впрямь при деньгах.

– Ирэн, – между делом бросил он, – передает тебе привет.

Она не забыла, как ты с ней ласково обошлась после смерти Джо Леони.

– А как там Ирэн? – спросила Лив.

– О, с Ирэн все в порядке. С нами обоими все в порядке.

Тем утром мир, казалось, изменился. Лив испытывала облегчение, недостаточное, впрочем, чтобы сбросить оковы гравитации и уплыть. Это ощущение нужно было конвертировать с пользой. Она вымыла стеклянную посуду. Вымыла пол. Удивленные теневые операторы сбились к потолочным вентиляторам, потом все как один метнулись к дверям, вылетели на свет, но тут же вернулись. Толстяк Антуан тоже был преисполнен энергии. Выйдя из тени Вика Серотонина, он немного расслабился. Он теперь изъяснялся не так витиевато и вообще словно бы освободился. Пропустив пару стаканов, он сделал ей предложение, над которым она крепко задумалась.

* * *

Эдит Бонавентура, с небрежно-эротичным изяществом повесив аккордеон в футляре на плечо, устало брела домой после привычной уже программы у ворот корпоративного порта. Ей нравился Глоуб-Таун. Там было светло. Позднее придет туман, поднимется из тесных улочек, проложенных между высокими домами, но пока что воздух мягок, полон легких дуновений и ароматных запахов готовки – тут лещ, запеченный в морской соли, там селедка, приготовленная тремя способами. Эдит выглядела уставшей, зато могла себе позволить новое пальто, которое носила полурасстегнутым поверх сценического костюма; нынче вечером в пальто было жарковато, но Эдит не хотелось расставаться с отличной обновкой. В походке ее тоже проглядывало нечто новое. Эдит и сама не понимала, что именно. Талант, как безмолвно заявляла она аудитории выбором нового номера программы (танго Кармен Сильвы в версии, популяризированной Олави Виртой, королем старого нью-нуэвского танго), штука голодная и капризная. Он готов собрать свои деньги и скрыться. Талант легко утомляется, но никогда не забывает об особом сиянии лоска, которым должен быть окутан.

Путь был недолог. Пропустив один стаканчик с барменом Куртом в «Мире сегодняшнем»,[41] Эдит добралась домой. Она поднялась по лестнице и оказалась в коридоре. Опустила аккордеон на пол.

– Эмиль? – окликнула она. – Что ты будешь есть?

Он не ответил, и она рассмеялась.

– Лысый ты старпер! – воскликнула она. – Эмиль, если тебе нравится, что я в порт захаживаю, ты так и скажи, не дуйся.

Она аккуратно повесила новое пальто на крючок.

– Эмиль, ну будь же лапочкой. Я ванну приму, а потом поедим.

Она полежала в горячей воде полчаса, погрузившись в ванну по самый подбородок и выставив розовые соски; краем сознания она лениво пересчитывала заработанные тем вечером деньги. Видела себя у портовых ворот, словно со стороны: напряженную, зажатую, но полную энергии женщину в круге галогеновых ламп, под дождем или потоками света. Такова была ее жизнь. Эмиль много спал в ее отсутствие. Он теперь двигался немного проворнее. Иногда в периоды ремиссии давал себе труд сказать Эдит, как он по ней скучает.

Несчастный случай, да и только. Ежедневно после возвращения Эдит из порта она его мыла, кормила, и они вместе читали его дневники; Эмиля мучили галлюцинаторные синкопы воспоминаний, подолгу уводившие его вечерами в прострацию, и тогда он говаривал в пространство:

– Мы тут крепко влипли, Атмо. Мы никогда не выберемся назад, если будем по этой карте идти. – Или: – Где моя гребаная пушка?

Эдит выжидала, пока он забудется сном, сама засыпала на пару часов после рассвета, спускалась в порт, и все начиналось сызнова.

Она выволокла себя из ванны.

– Эмиль, ну перестань на меня дуться!

Отец сидел на постели, вытянув перед собой тощие ноги. Постель была смята и вся в желтых пятнах его пота. Он пытался что-то записать, но не мог и отчаялся, теряя терпение. На полу валялись разбросанные дневники. Она помогла ему.

«Я узрел, – прочла Эдит, – то, чего никто больше никогда не увидит».

Лицо Эмиля было как пепельная бумага, но выражало одновременно покой и отчаяние, словно он сдался только в этот миг, прислонясь затылком к стене и смежив веки.

– Эмиль?

Он улыбнулся.

– Пока тебя не было, – прошелестел он, – все мои видения вернулись.

Эдит крепко стиснула его руку.

– Они бы тебе понравились.

– Эмиль, ты сильно вспотел, тебя немного стошнило, но в остальном не о чем беспокоиться.

Он открыл глаза. Радужки были идеально чистые, синие, она их такими не помнила с той поры, как Эмиль разменял пятый десяток. Взгляд отца оставался неподвижен, сосредоточен на чем-то недоступном остальным. Умные татуировки какое-то время медленно ползали по островку седых волос на его груди, затем замерли. Она наклонилась разглядеть одну, пока та не поблекла, но это была не карта, а строка – наверное, из стихотворения, – выписанная простыми красными буквами: *Ниспошли мне сердце неоновое*.

– Эмиль?

Она села на постель и держала его за руку около часа, а может, и дольше, ожидая, что он проснется и заметит ее, ожидая хоть чего-нибудь. Ничего не случилось. Она разогрелась после ванны, но потом ее пробил мороз. В комнату вползало уличное сияние.

– Эмиль, это жестоко, – сказала Эдит.

«Он был моим отцом, – наконец позволила она себе подумать. – Он был моим любимым отцом, и я по нему скучаю». Спустя какое-то время она спустилась по лестнице вниз и стала одеваться. Вытащила деньги, полученные за голову Вика Серотонина, и пересчитала их. Она сняла с крючка новое пальто и стала его разглядывать. «В детстве, – подумалось ей, – мне ничего так не хотелось, как положить конец странствиям. Я хотела, чтобы для всего нашлось свое время, для каждой вещи и каждого чувства, чтобы они задержались со мной на должный срок, прежде чем смениться новыми. Если повезет, думала я, мне даже удастся всю эту красоту сложить воедино. Я стану коробочкой, где они пребудут новыми вовеки. А вместо этого, все вокруг старилось и менялось. И люди тоже. Я хотела, чтоб он был мой, я хотела, чтоб он принадлежал мне». Эдит еще не привыкла находиться в одиночестве, поэтому поднялась обратно, взяла отца за руку и просидела так до утра.

Когда черные и белые коты стали протискиваться в комнату через приоткрытую дверь, она поняла, что уже рассвело. «Ох уж эти коты! – подумала она. – Куда угодно пролезут, если дверь на улицу не запереть». Они прибывали в молчании, следя за ней неподвижными бесстрастными глазами, источая странный, суховато-пряный запах; они запрудили комнату до самой кровати Эмиля и стали бездумно тереться о любую часть его тела, до которой могли дотянуться в тесноте.

Он был моим отцом, и я любила, я любила его.

* * *

На Карвер-Филд даже самые приземистые из выставленных на продажу кораблей возвышались на сотню футов. Они стояли тут рядами и шеренгами. Старые. Попользованные. С протечками. Тронутые едва заметной патиной от слишком долгого пребывания на поверхности. Они звались «Радио Мэри», «Программная ошибка» или как-нибудь в этом роде. Потроха всегда напоказ. Их основательно заездили в контрабанде, наркотрафике и прочих бурных делишках. Они составляли становой хребет межзвездной коммерции и служили излюбленной добычей отщепенцам. Днем они излучали радиацию. По ночам дешевый навигационный К-од истекал через дырявые файерволы, напоминая продукт скрещивания марбургской лихорадки и фейерверка. Свою карьеру эти суда начинали в пяти сотнях световых отсюда вдоль обода гало, и тогда кто-то мог о них только мечтать; спустя пятьдесят лет они оказывались здесь, неизбежно становясь мечтой кого-то другого, ибо даже у таких вот потрепанных жизнью тупоносых суденышек неизбежно находились поклонники, восклицавшие:

– Вот это красота-а!

Пять тридцать утра, спустя два-три дня после визита Антуана Месснера к Лив Хюле в бар. Ворота посадочного поля уже были распахнуты. Покупатели уже клубились здесь, вытягивая шеи и тыча пальцами вверх, и с некоторого расстояния их легко было перепутать с аккуратными фигурками – персонажами какой-нибудь архитектурной модели, расставленными тут для масштаба. Бледный, но интенсивный свет выхватывал из сумрака корпуса кораблей и более современные административные постройки. Весь месяц на Карвер-Филд пытались проникнуть инопланетные сорняки – на вид как медноцветный мак, шелковистые на ощупь, они просовывали цветки через ограду, тянулись все выше к свету далекого, по их меркам, солнца.

Ирэн-Мона, в новом прикиде – льняном болеро цвета металлик, шортиках того же оттенка и прозрачных полиуретановых сапогах с пуговицами вдоль щиколотки, искоса поглядывала на спутника. Ротик ее искривила гримаска нетерпения.

– Разве не красота, Антуан? – спросила Ирэн.

Корабль мало чем отличался от сотен прочих. Корпус – простой как стенка. Хвостовая секция вздыблена тремя стабилизаторами, похожими на дельфиньи плавники; как и выносные реакторные оголовки, были они все в птичьем помете да маслянистых потеках. Антуан с Ирэн, однако, узнали из каталога, что судно много лет верой и правдой служило знаменитому цирку инопланетных диковин под названием «Обсерватория и фабрика естественной кармы Сандры Шэн»; это

их впечатлило. К сожалению, о мадам Шэн уже давно не было никаких вестей. Человек по имени Реноко заведовал ее цирком и понемногу распродавал активы, действуя из офиса на какой-то далекой планете Пляжа. И вот он, корабль мадам Шэн, самый обычный грузовоз, переименованный и перелицованный дюжину раз, уже разогревается для старта перед мысленным оком Антуана Месснера. Он чуял, как возбужденно подрагивают стабилизаторы. Он ощущал источаемую кораблем тайну. Маслянистый предстартовый раскат динаточных драйверов прокатился где-то под палубой, в миллионный раз вздыбив волоски на шее толстяка.

Красота ли? Антуан не брался судить. Он сам говорил, что не разбирается в красоте.

– Как по мне, надежная рабочая лошадка, – ответил он Ирэн, – хотя цену они, конечно, малость задрали.

Ирэн посмотрела сквозь него и отвела глаза.

Антуан часто рассказывал ей, что, если разбираешься в таких кораблях, твоя биография обычно выглядит следующим образом.

В тринадцать лет ты на орбитальной космофабрике. Или на сельскохозяйственной планете, где горизонты бесконечны, а места тебе не найти. Или в портовом городке, который полнится неописуемо странными ароматами; все детство проводишь в… предвкушении. Ожидании. Желании сбежать. Жажде познания. Тебе тринадцать, но ты выглядишь старше своих лет. Ты девочка, ты мальчик, ты невесть какого пола. Тебя вербуют в ЗВК. Ты встречаешь опытную искательницу погибших кораблей с Нуэва Кардосо. Ты сей же миг влюбляешься в нее за широту кругозора; а еще – за непристойные умные татухи и аккуратную руку-протез. Она делает тебе предложение, и так ты попадаешь на ракету. Ты летаешь с Феди фон Гэнгом, ты летаешь с Эдом Читайцем. Ты пять лет торчишь в консервной банке исследовательской лаборатории у радиоисточника RX-1, а Тракт Кефаучи нависает над твоим плечом, как исполинский кипящий котел, с которого ободрана краска, пылает и бурлит эмоциями, которых ты не в состоянии постичь. Прикольно. У тебя все время екает сердечко. Каждое путешествие что надо.

Чью историю он рассказывал, когда ударялся в подобные воспоминания?

Ирэн полагала, что знает ответ.

– Антуан, – вынужденно напомнила она ему, – я красавица, а ты достаточно умный мужик, чтобы пробиться ко мне через всю свою жизнь-жестянку.

– В любом случае, – ответил Антуан, – походим по базару, еще посмотрим.

Ходить долго не пришлось. Вскоре появилась Лив Хюла и протолкалась к ним по запруженному народом полю. Она рассматривала корабли, но казалась погруженной в собственные мысли. На миг они подумали, что она пройдет мимо, и когда Антуан позвал ее по имени, это обращение Лив словно бы удивило. Хозяйка бара неизменно терялась, покидая свою берлогу. По мнению Моны, Лив Хюла всегда держалась чуть заносчиво, отстаивая свою позицию; но, оглядывая этот корабль – очертаниями сходный с раздувшимся от спелости авокадо, опаленный с хвоста жесткими посадочками повсюду от Мотеля Сплендидо и до самого Ядра, – Лив была сама деловитость.

– Хороший песик, – сказала она.

Антуан фыркнул.

– Пройдем внутрь, – предложил он, – расскажешь мне что-нибудь, чего я не знаю.

В корабле пахло едой от давних трапез, по́том и ромом «Блэк Харт». Пахло беженцами, контрабандой, цирковыми животными. Место это казалось только что покинутым хозяевами. Лив Хюла сомневалась, что рискнет остаться тут в одиночестве. Шаги ее эхом отдавались в тускло освещенных пространствах корабля, но затем эхо, минуя их, словно бы вырвалось в какие-то другие места. Теневые операторы сгрудились у иллюминаторов, словно туристы, шепча и толкая друг друга при виде Лив. Тут оказалось прохладнее, чем снаружи. Лив отыскала покрытое пылью пилотское кресло и устроилась в нем. На звук ее голоса включилась бортовая аппаратура. Выползла нановолоконная масса, предназначенная для прямого подключения к кораблю.

– Принимаю управление, – сказала Лив.

Откинувшись в кресле, она разинула рот. Система ловко сочленилась с ее мозгом через мягкие ткани нёба.

Некогда это и было ее профессией. Аппарат для солнечного дайвинга вроде «Нахалки Сэл» – объект скорее математический, чем материальный. Он, в сущности, не знает, чем ему быть, а без активного пилотского интерфейса тут же превратится обратно в груду нанотехшлака и умного углерода, перехваченную коллапсирующими магнитными полями. Он принадлежит к эмергентным артефактам, самодвижущимся неврозам. На гипердипе не столько летаешь, сколько умасливаешь его колыбельной программой постоянного динамического самообновления. Ему приходится все время рассказывать сказку о нем самом. Задолго до погружения во Франс-Шанс – в определенном смысле покончившего с ее карьерой, ведь ей не суждено было совершить ничего сопоставимого с этим достижением, и в дальнейшем она просто гоняла на спортивных

ракетах, как и все остальные, – Лив покупала себе лучшие твики, какие только могла найти для этой работы. Теперь ее одолела мгновенная разупорядоченность (в этот момент она даже Лив Хюлой не была, а скорее аналогом нью-венуспортской программерской обезьянки), но затем она устроилась в математичке грузовика, словно в удобной кушетке утонула.

– Ита-ак. Что можешь о себе рассказать?

Навигационные голограммы; уныло. Звездные карты и судовые журналы; уныло. Карго-декларации за пятьдесят лет, счета за покупку топлива и штампы с парковочных орбит; уныло, уныло, уныло. Сведения о конечном владельце (отсутствуют); инфраструктурные схемы, чертежи кабины и командного отсека, трюмов (пусто), топливных баков (пусто, пусто, пусто). Математичка продемонстрировала ей Карвер-Филд, а на нем – крохотные фигурки из архитектурной модели Ирэн и Антуана. И даже показала в реальном времени, через прокси и старенький сверхсветовой коммуникатор, определенные парковочные орбиты на расстоянии от трех до тысячи световых по Пляжу; зачем – осталось неясным.

Лив без особой симпатии наблюдала за всем этим.

– Понятия не имею, почему ты так людей дичишься, – сказала она. – Ты мне не показала ничего, что мне не было бы уже известно.

Выждав наносекунду, она добавила:

– Но даже за такое краткое время я успела уяснить, что твои способности феноменальны, просто ты не позволяешь людям о них узнать. Ты уж меня прости, но ты каким-то образом напрочь позабыла, что ты все это умеешь. И заодно – как надо людям себя представлять.

Спустя двадцать минут, испытывая легкое головокружение и слабую ностальгию, она выбралась на солнце и поморгала.

– Мне нужно позавтракать, – заявила она и увела друзей обратно на Стрэйнт-стрит, где приготовила себе ром без льда, просто расслабухи ради, а Ирэн и Антуану подала их любимый коктейль. Затем села за столик напротив парочки и выложила Антуану оплаченную им информацию, а заодно поделилась соображениями, вытекавшими из ее обширного опыта.

– У тебя там куча гуано пятидесятилетней выдержки, – сказала она ему, – ну и что в ней может быть нового? Кроме того, там код, с которыми мои твики не справляются, для какой-то чужацкой заклепки. Черт его знает, что это была за фиговина. Может, какой-то выносной движок? – Предположение на миг озадачило ее, но она тут же махнула рукой – дескать, почем мне судить? – Чем бы она ни была, ее там сейчас нет, так что

беспокоиться нет повода. В остальном корабль чист. Навигационных протечек нет. Он в отличной форме для своего возраста. А сам код? Ну, мне в нем разобраться – как на два пальца нассать, но не факт, что и остальным тоже. Антуан, пора его обновить, а не то в одну прекрасную ночь проснешься оттого, что он тебе в ноздри лезет.

Тут Антуан открыл рот, словно желая в чем-то признаться. Позволь Лив ему заговорить, ее мнение насчет целесообразности всей сделки, не исключено, изменилось бы, но она не позволила, а продолжила:

– Кстати сказать, я там покопалась в выдаче аппаратной диагностики. Там, блин, черт ногу сломит. Чего они туда, блин, насовали? Эти вот энергокабели и огромные карусельные колеса? Что это за физика, мать ее растак? Антуан, да не смотри ты на меня так, я ж прикалываюсь. Антуан, я тебе говорю, этого корыта на два, ну, может, три полета хватит. – Допив ром, она обратилась к Ирэн: – Проверь, чтобы он не забыл свинцовые подштанники натянуть; корпус сточился до толщины вафли.

Мона, все это время глазевшая в окно с мыслями о несчастном Джо Леони, повторила:

– Свинцовые подштанники?

И рассмеялась.

– Я там все починю, – заявил Антуан.

– Угу, лучше уж ты за это берись, чем я.

Если разбираешься в кораблях вроде того, на какой Антуан нацелился, сметать вытянутые нитки несложно. Зайдешь в бар на Мотеле Сплендидо или в Нью-Венуспорте, а там нет-нет да и увидишь знакомую физиономию. Они тебе должны. Они тебе выставят выпивку. Они тебе все объяснят. И по правде говоря, за тобой перед ними тоже водятся долги; собственно, зачем бы еще тебе заниматься этим бизнесом? Лив, надо полагать, обо всем этом подумала, перед тем как рассудительно кивнуть и посоветовать:

– По крайней мере, Антуан, переименуй корабль.

Антуан взял Ирэн за руку. Они улыбнулись друг другу.

– У нас есть план, – заявила Мона.

* * *

В тридцати тысячах миль над баром Лив Хюлы на карантинную орбиту вышел Поли де Раад.

Он совсем не был похож на привычного им Поли. Исчезли острый нос, красивые синие глаза, ударная волна светлых волос с

характерным мыском вдовы, истонченная радиацией кожа, под определенным углом к свету создававшая иллюзию прозрачности лицевой мускулатуры. Как и любое другое существо на подобравшем его корабле, Поли превратился из личности в понятие. В человеческих каютах еще различимы были отдельные голоса, да и Поли в каком-то смысле еще оставался Поли, неутомимым в стремлении захапать все, что плохо лежит, и ясно было, что в нем сохраняется неподдельная жизнь, однако теперь отличить Поли от корабельных вакуум-коммандос стало весьма нелегкой задачей. Коммандос, отвечая на запросы, чаще всего характеризовали Поли в таких выражениях:

– Гребаная чушка, сука, сволочь де Раад. Гребаный туристишко.

Карантинные корабли, как правило, были крупными, пятнистыми и изношенными по виду, вокруг них метались проблесковые маячки бакенов и уловителей элементарных частиц. В прошлом – старые транспортники с линий «Карлинг», устаревшие варперы Алькубьерре, размером при выключенных релятивистских двигателях не уступающие планетезималям; сюда годилось что угодно, был бы у судна крепкий корпус, а еще лучше, если корпус этот можно было дополнительно упрочнить. Имелись у кораблей и еще кое-какие общие черты: их под завязку напихали всякой хитрой машинерией из каталогов ЗВК, а люки накрепко задраили. Трудно было сказать, что там на борту за атмосфера и есть ли она внутри в принципе. Независимо от возраста, происхождения и степени поюзанности внутренние отсеки кораблей были, без вариантов, либо непроглядно-темными, либо так ярко освещенными, что глаза выжигало. Не реже раза в шесть месяцев сложные резонансные эффекты выводили их на орбиты встречные. Сигналы тревоги отключены. Двигатели на миллисекунду-другую вспыхивают во мраке. День-другой после этого вакуум между корпусами оставался ионизированным, а умный газ наночастиц, отслеживающих прочность корпуса, поверхностную температуру, температуру в сердцевине движка и эмиссию во всех режимах, не исключая, что любопытно, звуковых волн, претерпевал под влиянием не поддающихся описанию событий внутрифазовые переходы.

Сколько там людей, на карантинных орбитах? Сколько *беглых?*

Кто его знает!

Меж корпусами в космосе перемещались кораблики поменьше, в неопределимом числе. Они оставались уязвимы. Траектории их не удавалось толком закартировать. Они представляли опасность для любого трафика, учитывая, как

хрупки их временные корпуса и активно содержимое. У них имелись иллюминаторы и люки. Среди них был и К-рабль «Poule de Luxe», первоначально занятый довольно темными делишками в Радиозаливе, а впоследствии перемещенный в карантин.

«Poule de Luxe» – всеобщая любимица среди кораблей, уцелевших в войнах с ужасниками, – вращалась из стороны в сторону без цели и курса, погасив огни, вытягивая и втягивая выносные манипуляторы. Она проделала долгий путь, подобрав Поли де Раада на Окраине в Саудади. Когда на борту поняли, что де Раада уже поздно перемещать в медотсек (поздно не только для Поли, но и для них самих), вакуум-коммандос попытались похитить корабль. К их чести, они успели проделать полпути через гало, прежде чем К-питан вернул себе власть над судном. Обратный полет отнял много времени. Возникали определенные трудности. В каютах команды раздавались вопли и рыдания, вызванные нарастающей полнотой понимания того, что именно занес на борт Поли. Теперь миссия корабля была завершена, и математичка отключилась. К-питан тоже отключился – на случай, если его позднее сумеют с корабля эвакуировать. И заглушил все источники энергии.

В каютах было холодно, но не темно. Искореженные и обгоревшие переборки удерживали внутри продукт побега, представлявший собою, как и в большинстве случаев, подвижную светящуюся жидкость, иногда консистенции рисового пудинга или чечевичной похлебки; порою могло показаться, что туда вылили содержимое бассейна хлорированной воды, неспешно колышущейся под ярким солнечным светом, таким ярким, что больно смотреть, и там без видимых источников возникали мощные внутренние течения. Если это код, то никто не понимал, что он делает. Никто не знал, как он сцепился с субстратом без белков и наномашин. Выглядит красиво, а воняет подгоревшим жиром. Поглотить человека может за считаные секунды. Конечное ли это состояние? Новая ли среда? Никто не знал ответа. На корабле его было полно. Никто не знал, как его использовать. Никто не знал, что это такое; впрочем, в данном случае можно было с уверенностью утверждать, что некогда, в прошлых жизнях, части кода выступали, с одной стороны, саудадийским гангстером, а с другой – его дружками из ЗВК. Ударные волны перемешивали среду. На дно отсека оседали случайные продукты изменений внутреннего состояния. Там и сям с трудом очерчивала себя новая форма, продиралась к иллюминатору и шептала едва слышно:

– Вау! Блин! Видите? Алькубьерре прямо за кормой! Видите?

Может, это и был Поли, если ему удалось в достаточной мере

сохранить самосознание. Но вероятно, нет в мире ничего безнадежного, и он каким-то образом сумел вернуть себе возможность наслаждаться жизнью. Меж тем остальная масса протестующе бурлила и шипела:

– Де Раад, ‘от же ж сука!..

* * *

После смерти Эмиля Эдит Бонавентура долго не знала, чем себя занять. Она работала у ворот порта и заманивала туристов. Она каждый вечер посещала новые бары, потом уходила домой с намерением выкинуть вещи Эмиля – и не могла, и спать не могла тоже, и кончалось дело тем, что она садилась на пол рядом с кроватью, словно Эмиль еще был жив, читая вслух его дневники.

«Зона, – писал он, – как взбалмошная девчонка с тайной. Никто не должен знать ее секрета, но все обязаны его угадывать».

У Эдит, впрочем, имелись и другие потребности, кроме как перемещать отца на подобающее ему место в своей жизни, но цели эти были не так четко определены. Они вынуждали ее слоняться летними вечерами в подступающих сумерках, а запахи жареного хавчика, алкопопов и гемоглобина из «Prêter Cur» ей теперь разонравились. (Можно было утверждать, как люди часто и делали, что каждый бой отличается от прочих, но Эдит начинала понимать, что, повидав один огромный член, считай, повидала их все.) Они гнали ее в круги света рядом с отделениями франшиз Дяди Зипа и «Нуэвы Кат», но она не могла поверить ни во что новое, хотя и стремилась измениться. Ее тянуло в странствия, но покидать город она не хотела. Однажды ранним вечером, прибарахлясь немного на Стрэйнт-стрит для другой своей половинки, она проходила мимо бара «Белая кошка, черный кот» и, увидев объявление в окне, заглянула внутрь. Хозяйка в своеобычном трансе дежурила за оцинкованной стойкой.

– Это местечко и вправду продается?

Лив Хюла, которая утро провела вытирая со стен десятилетнюю пыль и грязь, а после обеда завалилась спать, зевнула и ответила:

– Я недорого возьму.

– Вижу.

– Например, когда я здесь появилась, вон та стена была белая.

Эдит отключилась, закрыв глаза, а когда открыла снова, зрение ее приспособилось к полумраку. Первое, что она увидела,

был свет, омывающий, подобно воде, черные полки, пускающий зайчиков по бутылкам за барной стойкой, сочащийся по беленой стене, которая вопреки усилиям хозяйки оставалась желтой. Увидела она также столики разной высоты на хромированных ножках, с покорябанными мраморными столешницами, а наверху, в углах потолка, паутинообразную массу теневых операторов. Увидела мокрую тряпку на цинковой пластине барной стойки. В баре было двое или трое посетителей, но их Эдит с легкостью могла игнорировать, зная, что в этот час «Белая кошка, черный кот» обычно пустует: слишком поздно обедать, слишком рано надираться. Подойдя к окну, она посмотрела вверх-вниз по Стрэйнт-стрит, на миг вообразив улицу частью нового Глоуб-Тауна, представив, как, открой Эдит здесь свое дело, сюда потянется бизнес-клиентура если не на весь вечер, то хотя бы не из праздного любопытства. Впрочем, она не могла быть в том уверена. От бара она хотела не этого. И тем не менее сказала:

– Знаешь, что я вижу в этом месте?

– Что?

– Пока ничего. Но музыку слышу. Слышу.

– Тебе налить? – спросила Лив.

Эдит сказала, что да, налить рому.

– И так, чтоб заколбасило.

Она быстро выпила половину порции и перегнулась через барную стойку.

– Ты же в любой момент, – почувствовала она потребность заметить, – могла попросить, чтобы теневые операторы расчистили для тебя эти стены.

– Это бы выглядело недостаточно аутентично.

– Я не стану так сентиментальничать, – пообещала ей Эдит.

Женщины глядели друг на друга, и каждая взвешивала в уме последствия избранной формы разговора. Потом Лив сказала:

– Может, ты меня не помнишь. Но я помню, что ты тут раньше бывала.

Ответа не последовало.

– Мне жаль, – добавила она настойчиво, – что между вами с Виком так все вышло.

– Я о нем не думаю, – предостерегающим тоном заметила Эдит.

Они еще минут пять перекидывались репликами в той же манере; сверху спустился парень, которого Лив подцепила на пляже, и несмело улыбнулся Эдит.

– Приветик, – сказал он.

Налив себе стакан воды из-под крана, он обнял Лив, жадно выпил и побрел к дверям, где уличное освещение выгодно

подчеркнуло его ноги в льняных шортах до колен. Лив смешала еще коктейли. Затем Эдит спросила, сколько Лив хочет за бар, и Лив ответила, добавив:

– Там наверху жилая комната с удобствами. Но сантехника пока не доделана.

– Думаю, что мы договоримся, – сказала Эдит, поразмыслив.

– Перебирайся сюда, когда посчитаешь нужным.

– И еще одно, – уточнила Эдит, – этот парнишка входит в цену?

Они рассмеялись, Эдит отсчитала деньги в цинковую кассу и вышла, и так вот оно получилось. Десять минут спустя дочь Эмиля Бонавентуры, новоиспеченная владелица недвижимости без особых на то планов, способных ограничить ее обостренное восприятие, оказалась в том конце Стрэйнт-стрит, что граничил с Зоной. Там она стояла довольно долго, глядя, как краснеет солнечный свет – любому известно, что это мера скорости удаления объектов, – и думая про Эмиля. Она впервые сюда явилась. Она испытывала ревность и была озадачена. Значит, вот каков был предмет его многолетних услад: приключения в заброшенных домах и заводских зданиях, среди куч мусора, сохранявших примерные очертания улиц, точно после бомбежки в войну; ржавые дорожные знаки, словно сигналы подсознания; акры пустого бетона, уходящие в туман, к атмосферным линзам и прочим оптическим иллюзиям. Тут много чего происходило, но трудно было уразуметь что. Она слышала музыку как из волшебной страны. Возникло и стало садиться второе солнце, исполинские крутящиеся полосы света попеременно, как в мультфильме, становились пурпурными и зелеными.

– Ты на полном серьезе думаешь, что я в это поверю? – спросила Эдит.

* * *

После ухода Эдит Бонавентуры Лив почувствовала слишком сильное облегчение, чтобы обрадоваться. Она вымыла посуду – просто чтобы согреть руки теплой водой. Поглядела на деньги, вырученные за бар. Пересчитала их снова. Разделила на две кучки, более крупную отнесла к одному из столиков в углу и аккуратно выложила на столешницу.

– Ну что, теперь я точно влипла, – сказала она Антуану Месснеру.

Антуан в свой черед пересчитал деньги. Когда закончил, вид у толстяка сделался не такой счастливый, как Лив ожидала.

– Да ну, – уверила она его. – Они настоящие.

Он сказал, что так и подумал.

– Ну а в чем тогда дело, Антуан?

Он приходил сюда каждый день после полудня с тех пор, как они вместе осматривали корабли, иногда с Моной под ручку, иногда в одиночестве; но вел себя не так, как в прежние дни, когда вечера напролет жаловался на жизнь Вику Серотонину. Антуан был не так словоохотлив, как обычно, настроение у него улучшилось и в целом стабилизировалось, но дела обстояли даже хреновее прежнего. Он стал больше пить. Его кожаная пилотская куртка полиняла, а бриджи засалились. Он то и дело говорил с кем-то, бросая фразочки вроде:

– Иисусе Христе, Андрей, ну я же тебе услугу оказывал…

Теперь он косо развернулся на стуле и пару мгновений не глядел на Лив, собираясь с мыслями. Потом снова посмотрел на нее, повозился со своим бокалом, где еще оставалось коктейля на четверть дюйма, но, как бы мало напитка ни было, как его ни взбалтывай, умные молекулы миксера неизменно выделяли в нем отчетливые розовый и желтый слои. На планетах, которые повидал за свою карьеру Антуан, изобретение могло считаться крайне мудреным. Он допил коктейль и скорчил гримасу.

– Я больше не могу летать, – признался он. – Я тебе все собирался сказать об этом.

Он вспомнил свои полеты на динаточниках, места, которые посетил, и диковины, которые повидал. Гэй-Лун, Амбо-Данс, Уэйтроуз-II, Тысяча Солнц: он разбрасывался целями, как деньгами, по звездам Пляжа и Радиозаливу. Он тогда летал глубоко. Он катался на волне Алькубьерре. Он покупал одну ракету за другой; за неимением фантазии все они совокупно именовались «Цыпочками Кино». Проворачивал сделки там и сям. Обгонял на шаг ЗВК и рвущийся из его собственных навигационных систем на волю код. Но в конце концов он проиграл в этой гонке с собой, как частенько случается с людьми навроде Антуана, и на Санта-Муэрте надышался какой-то хрени, повредившей как его носовую перегородку, так и восприятие реальности. Для космопилота это был тяжелый удар. Для человека, уверенного в собственной неуязвимости, тоже. Черт подери, он ведь вообще тупо не прогнал, как оказался мальчиком на побегушках у Вика Серотонина в Саудади: все из рук валилось, да и только. Теперь, попытавшись все это осмыслить, он обнаружил, что предательски моргает.

– Я потерял чуйку.

Лив Хюла минуту-другую изучала Антуана. Затем поднялась из-за столика и накинула его пилотскую куртку.

– Пошли со мной, – скомандовала она.

Через десять минут они стояли на Карвер-Филд, где задувал легкий ветер и собирались зеленоватые мглистые сумерки; проступали звезды гало, резкими актиническими точками дырявя небосвод, и приземистый бочкообразный корабль, отражавший бронзовыми просверками портовые галогенки, казалось, вот-вот сорвется и улетит. Антуан не вынимал рук из карманов. Пожимал плечами.

– Ну и зачем мы здесь? – осведомился он.

– Чтобы проверить, как работает эта куча дерьма, купленная по твоему наущению.

Лив взяла его руки в свои, заставила посмотреть в ее глаза и понять смысл сказанного.

– Антуан, – проговорила она, – я уже вызвала Ирэн, чтоб она сюда подтягивалась. Потом выпьем вместе, все мы трое, и отпразднуем долгожданную перемену в жизни. Ты еще раз объяснишь мне, как работают эти старомодные движки. А пока взгляни в небо. Видишь вон тот красный гигант? Это Макки, до него пятнадцать световых. Мы можем туда отправиться. Или вон туда, на Американ-Поларoид. Или туда, куда ты укажешь, ты этого достоин. У нас корабль. Мы можем отправиться к любой из миллиона звезд!

– Думаешь, я их не видел? – был его ответ. – Или не знаю их имен?

– Когда ты впервые появился у меня в баре, я сразу увидела в тебе пилота и поняла, что полеты для тебя – всё.

Антуан попытался ее оттолкнуть, рассерженный такой проницательностью, хотя стояли они посреди пустого поля и никто не мог бы услышать их с Антуаном разговора; да и потом, о нем и так все ровно это уже и знали.

– Я это всегда понимала, – закончила она. Еще мгновение подержала его руки в своих. Потом отошла, потому что ей самой почудилось, будто Саудади от них уже за сотню световых лет. Снова поглядев на корабль, обрела покой от вида его темной туши, очерченной отраженным светом.

– В конце концов, Антуан, неужели для тебя это ничего больше не значит? – спросила она.

– Это значит, что я теперь никто.

– Мы все теперь не те, кем были. Мы потеряли себя. Но мы все способны стать кем-нибудь еще, и я счастлива буду полететь на этой ракете, куда ты укажешь, даром что имя, выбранное для нее вами с Ирэн, «Нова Свинг», самое пошлое из всех мною слышанных.

Антуан уставился на нее, потом мимо нее. Глаза его засияли.

– О, – произнес он, – а вот и Ирэн.

* * *

Финразведка Полиции Зоны проследила путь денег от офиса на задах клуба «Семирамида» до комнаты на задворках Фойгт-стрит, одной из многочисленных нор де Раада; они чуть ли не ежедневно выявляли и обыскивали такие.

На Фойгте замелькали проблесковые маячки множества машин. Отрядили пожарных. Хакеры взяли в работу запертую бронированную дверь. В напускном спокойствии, травя байки о прежних переделках, дежурили рядом с норой бойцы Карантина и Зачистки, судя по форме – из среднего звена. Обычная история, не считая высокой, основательно перекроенной девушки, под чьим началом развернулась операция; по ее предплечью струились потоки данных. Все знали, кто это, и не доверяли ей, поскольку не понимали, как ей удалось настолько быстро продвинуться по службе. После катастрофы на Окраине городские копы вообще избегали сотрудничать с Полицией Зоны, однако по жестам бойцов и девушки было ясно, что иного выбора им не осталось.

Замок оказался механическим, и с ним хакеры справиться не сумели. В итоге дверь решили взорвать.

Отряд проник внутрь, выглядели бойцы уверенно, но нервничали не на шутку. Никому не хотелось первым оказаться на месте крупного побега. В любом случае они уже опоздали. Что бы странного тут ни случилось, а ему уже пришел конец. Описать его можно было так: в комнате воняло, пахло так же, как в карантинном отделении, – прогорклым жиром, но не так сильно, ибо запах впитался в голые половицы, раскладушку и разметанное по ней серое белье, в белые стены, покрытые высохшим налетом человеческих выделений и неразборчивыми граффити. В комнате было почти пусто, но не совсем. Сотрудники Полиции Зоны понимали это *не совсем*. Они к такому привыкли. Тут до недавних пор что-то обитало, но как его описать или какой смысл вкладывать в понятие *обитало* – вопрос отдельный и сложный. Окажись они тут двадцатью четырьмя часами ранее, увидели бы, как теперь всем было ясно, композитное создание, известное в прошлом как Погода: именно тогда оно в последний раз выбралось из своего схрона. Дверь, вероятно, открылась и без вмешательства агентов, а потом закрылась и заперлась. Снаружи было тихо, только шумели сильные струи летнего дождя, а где-то вниз по Фойгту смеялись и бегали дети, хлопая дверьми в

поисках укрытия. На секунду звуки эти сделались непереносимо острыми. Женщина, по чьей руке струились данные, поглядела на граффити. Потом сверилась с потоками данных на тыльной стороне предплечья. Задумчиво покачала головой.

– Заканчивайте, – велела она бойцам Зачистки.

Она вернулась к себе в офис, в верхнюю часть города, на перекресток Юниментa и По. Там она запустила запись с нанокамер, погрузившись в следующую крупную загадку своей карьеры.

Запись была безупречно дотошная, скомпилированная исчезнувшим сыщиком и спроецированная на стены его теневыми операторами и ясности не прибавляла. Год после смерти жены Эшманн провел за расследованием убийств Неонового Сердца. Все детали попали в запись. Результат нулевой. Он наблюдал, он задавал вопросы и разнюхивал имена, он проходил в ворота некорпоративного порта, где пахло деньгами и жестокостью. Он слонялся от бара к бару. («Рано или поздно, – говорил он камерам с проказливой улыбкой, которую сотрудники понемногу наловчились узнавать, – все смельчаки увидят небо через решетку».) Он приезжал на работу каждое утро и уезжал вечером – за рулем розового «кадиллака» 1952 года выпуска. Он сидел в кабинете, закинув ноги на зеленую оловянную столешницу, и писал письма – женщинам и Приме. Убил ли он ее? Был ли он Тату-Убийцей? Ассистентке стало ясно, что он в действительности и сам не знал этого, – во всяком случае, не в большей степени, чем она. Он знал только, что Саудади от него этого требует: исполнять функции сыщика и строить какие-то планы. В тот год, и в каждый следующий, он словно бы собирал себя заново по кусочкам, не в нечто новое, но и не в полное подобие себя прежнего. Чувство вины его восходило к моменту смерти Примы. Однако чувство разрыва с самим собой преследовало Эшманна еще с тех пор, как он на ней женился. Ассистентка вспоминала, как он говорил: «Все преступления суть преступления против непрерывности – непрерывности жизни, непрерывности обладания, системной цельности».

Она вздохнула.

– Выключить, – скомандовала она.

Полночь еще не настала. Еще рано отправляться на бакоферму, что на Си-стрит. Жалюзи на окнах участка были опущены, и через них пробивались эрратически пульсирующие полоски неонового света, розовые и ядовито-голубые, поразительно насыщенные. Мебель пахла аутентичным лаком. Ассистентка постоянно о чем-то общалась по своей линии, или же к ней подплывали теневые операторы, нашептывая:

– Дорогая, ты только вот это подпиши, пожалуйста.

Или кучковались перед ее столом, как стайка летучих мышей, сновали над разбросанными в беспорядке бумагами в полосках неонового света, надеясь, что она их заметит. По ее предплечью бежали потоки данных. Теперь кабинет принадлежал ей. У нее крупный побег. У нее свои дела. Можно позволить себе часик отдыха перед следующим решением. И после этого еще часик. Но она не устала, да и не знала, чем до той минуты заняться. Снаружи одинокая растерянная блондинка в коротком белом коктейльном платье без рукавов рассеянно улыбалась опустевшей улице, держа в руке пару туфель, а влажный ветер гонял по перекрестку обрывки мусора.

* * *

Миновал еще месяц, и ремонт «Новы Свинг» подошел к концу. Они получили одобрение портовой администрации. Покрасили корабль. Придумали имя для своей компании: «Перевозка тяжелых грузов» – итог часов безмолвных размышлений Антуана; взамен корпоративного слогана приспособили девиз, который, по утверждению Ирэн, был записан у нее на сердце: «Наша цель – будущее». Основательно усовершенствовали аппаратную начинку двигателя. Однажды дождливым осенним утром, под секущими Карвер-Филд струями, Лив Хюла прогрела ракетные движки, заглотила, испытывая обычную смесь оптимизма и отвращения, пилотский интерфейс и в компании Антуана, пристегнутого в кресле рядом, повела корабль на парковочную орбиту.

– Бля-а! – молвила она пятью минутами позже – голосом призрака, через корабельные динамики. – Работает!

– Это уже кое-что, – согласился Антуан.

Они мгновение глазели в пространство, затем, застигнутые изумлением, друг на друга. Космос! Проверка инфраструктуры подтвердила первоначальные догадки.

– Это корыто реально работает!

Устрашенные и взбудораженные, слегка рассерженные, но обнадеженные собственным профессионализмом, они поспешили обратно. Ирэн-Мона, в розовых колготках, бледная, но счастливая, освежала макияж в ожидании их возвращения; блестящий красный несессерчик Антуану был уже знаком.

– И как же оно работает? – требовательно вопросила она. В продолжение испытаний, призналась Ирэн, она сидела в адмінском кафетерии за мороженым «Белый свет»,[42] не

осмеливаясь даже взглянуть на стартовую площадку.

– Но я видела вспышку. Вы крепко подсветили этот дождь, осмелюсь я заметить. Я за вас ноги скрестила.

– Поверить не могу, – ответила Лив Хюла, – что эта хрень работает.

После этого они переселились на корабль всей троицей и приступили к осторожным тренировочным полетам в космос – так делает первые шаги младенец. Хотя взгляды Ирэн и Лив на жизнь существенно различались, они нашли общий язык, – по крайней мере, им удавалось управляться с Антуаном. Антуан же, в свою очередь, и рад был подчиняться. В конце концов, он к этому привык, однако перед Моной признаваться в том не желал. Им всегда теперь было о чем поговорить. Антуан с Ирэн болтали о личностном развитии и вдохновляющих на свершения целях. Ирэн с Лив – о том, как важно правильно представлять себя людям. Антуан с Лив – о Вике Серотонине, которому в нынешнем деле были многим обязаны.

– Меня всегда тянуло к тем, кто сильнее, – признавался Антуан Лив. – В конечном счете это, пожалуй, вошло в привычку. Но она же принесла хорошие результаты.

Лив вздрогнула.

– Такие, как Вик, слишком сильны, чтобы удержаться в их непосредственной близости.

Но, пересказав этот диалог Ирэн, она получила в ответ лишь фырканье.

– Вик Серотонин – самый что ни на есть слабак из всех слабаков, каких я встречала, – без обиняков отвечала Мона. – Поверь мне, я их навидалась предостаточно. – Она рассмеялась. – И натрахалась с ними предостаточно, – добавила она, – не включая, однако, самого Вика.

Разговор этот велся примерно в тридцати тысячах миль над планетой. Не снимая малышки с пляжа и не погружая в прилив, говорил Антуан, они разведали о «Нове Свинг» столько, сколько вообще было возможно. А теперь намеревались переключиться на динаточные драйвера – всего на пару наносекунд, чтобы проверить, как она сладит с таким нахальным вызовом законам физики. Но прежде чем приступить, следовало выбраться за пределы обширной и по виду таинственной свалки кораблей, где они оказались. В образумленном тумане наночастиц, сходном с ионизированным газом, полыхали сверкающие дуги, яркостью не уступая поликремниевым двигателям. Колоссальные ржавые туши тащились через пространство, понукаемые этими вспышками. Область активности сферой окружала всю планету, напоминая расширяющийся волновой фронт глубиной от тысячи миль до

двух тысяч. Ирэн глядела в иллюминатор. Она мало что, по собственному утверждению, знала о людях, да и это выяснить оказалось сложно – людей же так много; но необозримые чудеса космоса никогда не переставали ее изумлять.

– Что это такое? – шепнула она себе.

– Карантинные орбиты, – сообщила ей Лив Хюла. – Они расширяются с каждым днем.

* * *

На Стрэйнт-стрит Эдит Бонавентура выдрала с корнями старую оцинкованную барную стойку Лив Хюлы и установила на ее месте небольшую сцену. Пол тоже содрали и заменили на черно-белую плитку. Нанятый Эдит реставратор придал части стенных деревянных панелей оттенок красного дерева с теплым оранжевым отливом. Эдит избавилась от потолочных вентиляторов, предпочтя канделябры. Новую барную стойку целиком отлили из глыбы переплавленного стекла, а позади разместили шкафчики для стеклянной посуды с подсветкой.

Сменив тему цветового оформления, она поменяла и свет. Тему Эдит придумала сама. Все предметы обстановки были смоделированы по ее воспоминаниям, чтобы придать уверенность и вдохновить на новые, более креативные и продуктивные отношения с людьми. Свет был повсюду: озарял выставку пятидесяти-шестидесяти аккордеонов из слоновой кости на роскошных демонстрационных подставках всех оттенков розового, от лососиного до неотонического; отражался, поблескивая и подрагивая, словно на мелководье, от прозрачного лака на металлических пластинах маренового или имбирного цветов; дразнил боковое зрение отражениями и интерференционными узорами нездешней странности. На всех ремешках и застежках имелись серебряные пряжки, а статуэтки ракетных кораблей на бронзовых подставках оканчивались шелковистыми на ощупь навершиями из дерева инопланетных пород мастерской отделки; однако доминантными элементами оформления оставались падающие звезды.

– Ибо, – любила пояснять Эдит, – такой звездой была и я в свое время.

Дважды в неделю она выходила на сцену сыграть образцы музыки танго набившейся в клуб толпе, разбавляя стандартные композиции забавными и маргинальными вставками, демонстрируя силу и глубину своей техники. Некоторые вставки обретали собственную популярность – взять, к примеру, «Линди

под чарами Альцины»,[43] на самом деле это была полька для инструмента возрастом пять миллионов лет, и никто толком не знал, как на нем играть. Тускнеющие рекламные объявления она собрала со всего гало и послала кружить по залу, снабдив новостными заметками о своих выступлениях двадцатилетней давности, но, невзирая на все эти старания, ее никто не вспоминал. А вот ее нынешние перформансы воспринимались как нечто новое и свежее. Для Эдит это значило мало, ей хватало и возможности переоткрыть себя. Она стояла ослепленная софитами, затянутая в ремешки и корсеты, осыпанная конфетти, с густым слоем макияжа на лице, в костюме слишком тесном для ее фигуры и выбранном тем вечером, возможно, под ковбойскую тему; ей трудно было отличить себя от тринадцатилетней Девчонки с Аккордеоном на голограмме. Инструмент снова начинал ее тяготить, и создавалось впечатление, что он вот-вот проскользнет у нее по талии и накренится за спину. Она разучивала новые партии на аккордеоне.

Эдит занималась тут всем, но за барной стойкой не стояла. На эту роль она наняла парня с пляжа, с которым Лив некогда провела ночь; оказалось, что тот предпочитает называть себя Никки Ривера, в честь премиального бренда чемоданов. Решение это оправдало себя. Никки без лишнего шума заботился о бизнесе. Он починил умывальник. Его навыки общения с людьми помогли повысить выручку. Он помогал и с новыми номерами программы: Эдит подбирала себе музыкантов со всего города по его советам. Спустя несколько месяцев в баре уже было не протолкнуться каждый вечер.

Танго оказалось посетителям в новинку, немало увеличивая их самооценку: они ведь так быстро обучались, когда надо веселиться, а когда восторгаться. Отличительной чертой бара стали дорогие коктейли, привлекавшие девушек в медовых шубках; нижнее белье у них, по заверениям Никки, было от Уэст. Толпа набивалась разношерстная, и, рассчитывай Эдит как-то цивилизовать улицу открытием нового заведения, усилия эти явно пропали бы втуне. Однако ее инвестиции в свое дело привели к тому, что заведение прославилось далеко за пределами не только Стрэйнта, но и города Саудади, а затем по всему Пляжу и меж звезд гало; в этом Эдит не приходилось сомневаться. Немногим выпадает второй шанс. Она перестала обивать пороги корпоративного порта, а вместо этого принялась размещать рекламу у рикш, а впоследствии связываться с туристическими агентствами напрямую.

Иногда аплодисменты под конец вечернего выступления заставляли ее разрыдаться. Тогда она произносила полушепотом:

– Этот выход на бис я хотела бы посвятить человеку, который значил для меня в жизни больше всех остальных: моему отцу Эмилю; «Le Tango du Chat»[44] ему бы особо понравилось.

Так бар Лив Хюлы получил новое имя.

Однажды под конец дня близ Рождества Лив сидела за столиком в компании Девчонки с Аккордеоном, пила водку и «Бриллиантин» без льда. Снаружи, на Стрэйнт-стрит, лавки портняжек закрывались раньше обычного. Резкие порывы ветра проносились по улице, принося за собой хлопья снега; внутри же, на тускло освещенной сцене бара, три девочки-подростка в платьях с блестками – сестры – искоса поглядывали на бармена Никки, который сидел на краю сцены, вполголоса переговариваясь с управляющей.

– Свет и тень порою вытворяют одно и то же? – слышала Лив его слова. – В смысле, гм, подсветки?

Тут Девчонка с Аккордеоном, отточившая чуйку за тридцать лет в барах, улыбнулась и взглянула Лив Хюле в лицо.

– Ну и как тебе? – спросила она. – Хорошо я поработала?

Лив не знала, что ответить. Близилось Рождество. Спускалась тьма. На следующий день перед нею откроется новая жизнь – жизнь ракетной наездницы, доставляющей грузы в посылках без обратного адреса в неизвестные дотоле порты на планетах, о которых она прежде и краем уха не слыхала. Когда Лив впервые вернулась в «Le Tango du Chat», а произошло это несколькими неделями ранее, она готовила себя к переменам, но в то же время нервничала, не зная, что обнаружит там. Войдя внутрь, она ощутила, как сжимаются и скрываются в мгновение ока, подобно теоретическим измерениям выученной некогда космологии, десять лет ее жизни. Такова уж она, жизнь. Одно-единственное мгновение растягивается в вечность, а потом тебя из него выдергивают. Двигаясь вперед, время растягивало клееподобную субстанцию, которая ее здесь фиксировала, – вплоть до катастрофического разрыва. Ты-уловленная и ты-нынешняя – разные люди, ты-нынешняя и ты-прежняя – тоже; и самое безжалостное в этом, как открылось Лив, было то, что отличия между ними не кардинальны. Взвешивая про себя эти мысли, она услышала свой голос:

– Кажется, ты поработала очень успешно.

– Я же тебе обещала, что не буду сентиментальничать, – сказала Эдит и выставила Лив еще одну порцию.

К ним присоединились Ирэн с Толстяком Антуаном, рискнувшие впервые посетить «Le Tango». Ирэн полагала, что кто угодно испытает смешанные чувства, возвратясь на так хорошо знакомое место. Она вынуждена была признать, что уже плохо

помнит, как именно выглядел бар «Белая кошка, черный кот» в те дни; впрочем, в ее памяти он останется навсегда, в той или иной форме, смешанный с частью жизни, отвергнуть которую ее сердце бессильно. Толстяк поозирался, потирая шею, а потом ушел резаться с барменом Никки в «трехчленного Хьюи», так что трудно было сказать, какого он мнения о редизайне. Опустилась тьма. Пропустив еще несколько стаканчиков, они втроем отбыли на Карвер-Филд. Провожая Лив Хюлу до дверей, Эдит выразила сожаление, что идея такой удачной инвестиции не пришла ей в голову раньше.

– Но я все равно не представляла, как медленно она будет окупаться, даже сейчас.

Когда они удалились по улице, перекрикиваясь: «Смотри, какой снег!» – она взяла свой любимый на то время инструмент – старенький диатонический аккордеон опалесцирующего синевато-мятного цвета, с тремя рядами клавиш и выступающими мехами, при растяжении обнажавшими символ туза червей или, быть может, завлекательно раскрытого влагалища, – и на пробу сыграла несколько аккордов. Результат ее, кажется, не удовлетворил. Она отказалась от новой выпивки. Вытащила один из дневников Эмиля, которые всегда держала при себе, и стала его перелистывать. В пятом часу вечера явилась высокая женщина и села за столик у дверей.

Светлые волосы женщины были коротко острижены, и во всех движениях ее сквозила бесстрашная уверенность, достигаемая лишь основательной перекройкой. По ее предплечью неслись стайки данных, на вид как азиатские иероглифы. Она приехала в припаркованном теперь рядом с баром розовом «кадиллаке» 1952 года выпуска. Ее все знали как детектива организации, именуемой обычно Полиция Зоны, и завсегдатайку «Le Tango». Она частенько наведывалась и на подпольные бои. У нее был нюх на таланты и их выкройку. Она знала жизнь Стрэйнта. Приезжала рано и задерживалась допоздна. Ее заказ: двойной «Блэк Харт», чтоб аж заколбасило. Она оглядывала посетителей с таким видом, словно те ее одновременно забавляли и удивляли в равной степени. Тем вечером она послала бармену Никки усмешку, обещавшую скорое свидание с ним, и кивнула Эдит Бонавентуре.

– Интересная книжка? – поинтересовалась она. – Вы ее все время читаете.

В итоге ночка выдалась хлопотная. Выступал приглашенный дуэт из какого-то бара «Прибой» вниз по Корнишу, тот, что постарше, – заЗипирован под Сэмюела Беккета, более молодой – в костюме, который был ему великоват; они играли на аккордеоне и саксофоне, исполняя джаз-бибоп, продуманную, немного

шулерскую деконструкцию простых и популярных композиций. Эдит такой репертуар был не по вкусу, но корпоративная клиентура, заваливавшая сюда раз в неделю покричать, поаплодировать и пролить на столики пиво «Жираф», явно одобряла его. К трем часам пополуночи все разошлись. Дуэт упаковал инструменты, получил свои деньги и растаял в ночи. На улице по-прежнему сыпал сухой снег, не собираясь прекращать. Бармен пожелал спокойной ночи и поднялся к себе; остались только Эдит и полицейская. Обычно этим все и заканчивалось. Они сидели за разными столиками. То и дело одна поднимала голову и улыбалась другой, а иногда подходила к дверям и выглядывала на Стрэйнт-стрит в сторону Зоны Явления. Ракета, стартовавшая из некорпоративного порта, ножницами разрезала небо.

Благодарности

Первоначальная редакция первой главы опубликована на Amazon.com под названием «Туризм», несколько абзацев десятой главы опубликованы в журнале «Locus» как часть эссе. Я отдаю дань благодарности Луи Родригесу, который заставил меня задуматься о saudade; Юкке Халме за «Финское танго»; Зали Кришне – не только за веб-мастерство, но и вычитку рукописи; Филиппе Мак-Эван, которая одолжила мне свой дом, где бы я мог писать. И доброй семье Филлипсов, которая поддерживала меня, как всегда.

notes

Примечания

1

Saudade *(португ.)* – «ностальгия об утраченной любви».

2

Entrada – вход *(португ.)*.

3

Здесь и далее описания Зоны отсылают к сюрреалистическим пейзажам Пастельного Города, преобразованного инсектоидными инопланетными захватчиками, из более ранней повести Гаррисона «Буря крыльев» (цикл «Вириконium»). Отсылки к этому циклу являются сквозными для всей трилогии о Тракте Кефаучи.

4

Ср. созвучную фразу в «Буре крыльев»: «Но если насекомые изменили этот клочок Земли, то и Земля начала изменять их».

5

В оригинале непереводимая игра слов: досл. *from the Church of the Rock to the Rock Church*.

6

Эта глава переписана Гаррисоном из рассказа «Туризм».

7

Отсылка к одному из убийств, совершенных маньяком Майклом Кэрни в «Свете».

8

«Черный прибой» *(фр.)*.

9

Отсылка к рассказу Гаррисона «Путешествие молодого человека в Вирикониум», где портал из нашего мира в Вирикониум расположен в туалете кафе «Добрая старая Англия».

Чамаме – аргентинская народная музыка.

11

Suicide Point – «место самоубийства» *(англ.)*.

12

Зд.: кофеварка *(фр.)*, жаргонное название наркотика.

13

Отсылка к песне Венди Мотен *Come In Out of the Rain* (1992) из альбома ее имени.

14

Джейн Энн Филлипс (1952) – современная американская писательница.

15

Одна из частых в трилогии отсылок к роману Альфреда Бестера «Моя цель – звезды», где главный герой, сбежав из тюрьмы и обретя огромное богатство, принимает личность Джеффри Формайла с Цереры.

16

Еще одна отсылка к роману Бестера, где для крупных компаний характерна феодально-дворянская структура.

17

В «Свете» эта фамилия значится на татуировках Валентайна Спрэйка.

18

Весь эпизод, похоже, является аллюзией на разговоры Рэдрика Шухарта со Стервятником Барбриджем и его дочерью Диной в «Пикнике на обочине» (гл. 2); это произведение братьев Стругацких издано на английском в числе первых и получило восторженные отзывы англоязычных критиков, и знакомство Гаррисона с ним очевидно.

19

Ср. эпизод финального преображения Серии Мау Гэнлишер доктором Хэндсом в «Свете».

20

Букв. «Рентгеновский луч» *(исп.)*; корабль Дяди Зипа из «Света», также название дебютной (1981) пластинки исполнителя фолк-рока и кантри Дэвида Перри Линдли, коллекционера экзотических музыкальных инструментов.

21

Эти события в «Свете» отнесены к 2400 г., следовательно, Поли не мог быть моложе сорокалетнего Вика. Очевидно, здесь авторская или редакторская ошибка.

22

Кахуэнга (Cahuenga) – древнее индейское поселение в калифорнийской долине Сан-Фернандо.

23

Отсылка к сцене одержимости Фей Гласс, насилуемой насекомыми, из «Бури крыльев». Описание внешности и странного сумбурного поведения Гласс в разговорах с Галеном Хорнраком, которого она ведет в гротескно измененный инопланетянами город, также аналогично тому, что дается клиентке Вика. Расследуемая Эшманном серия преступлений отсылает вдобавок и к жертвам Знака Саранчи из той же «Бури крыльев».

24

По смыслу должно стоять «сорок лет»; неясно, чья это ошибка.

25

«Сердце взаймы» *(фр.)*. Помимо намека на «заемные тела» бойцов, вероятна также отсылка к роману Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаймы», стилистически близкого нуару и рисующего любовный треугольник с участием профессиональных спортсменов кольцевых автогонок.

26

По всей видимости, игра слов: Jordan V-10 – обычное обозначение десятицилиндрового двигателя гоночной машины «Формулы-1» британской команды «Джордан», который использовался в середине 1990-х гг. и отличался по-своему мелодичным звуком выхлопа. «Нова Свинг» написана в 2005–2006 гг., когда эти десятицилиндровики как раз были выведены из употребления в «Формуле-1», к недовольству некоторых британских поклонников автогонок.

27

Отсылка к изображению девушки на эмблеме компании «Utz Quality Foods».

28

Отсылка к библейскому сюжету о пире Валтасара.

29

Американская станция, основана в 1947 г. и ориентирована преимущественно на афроамериканское население. Многие культовые исполнители негритянского джаза начинали там свою карьеру.

30

Новая наука *(ит.)*. Также, как это следует из предыдущего текста, название родной планеты Вика.

31

Синдром подъемного крана *(фр.)*. При высадке на некоторые острова, лишенные естественных удобных гаваней, например остров Буве или Тристан-да-Кунья, действительно применялось сооружение вроде подъемного крана или журавля, переносящее между берегом и кораблем пассажирские шлюпки. В настоящее время такие устройства почти не используются ввиду развития воздушного транспорта.

32

В «Свете» похожий эпизод фигурирует в воспоминаниях маньяка Майкла Кэрни.

33

Здесь и далее боевые сцены с участием ускоренной ассистентки Эшманна отсылают к эпизоду драки Гулливера Фойла с бандитами в разрушенном доме Робин Уэнсбери из «Моя цель – звезды».

34

Сянци – китайская настольная игра, немного похожая на шахматы.

35

Зд.: «Первоклассная цыпочка» *(фр.)*.

36

Парафраза изречения апостола Павла: «Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7: 24).

37

Точная цитата из твинк-видения Эда Читайца в «Свете».

38

Abandonada – классическое танго, написанное в 1939 г. Франсиско Канаро и Эрнесто Фама.

39

Рассказ Сильвии Плат (1959), в котором описана татуировка такого вида.

40

Это имя носит корабль Бенедикта Посеманли в «Буре крыльев», на котором авиатор совершил путешествие к Луне.

41

«Мир сегодняшний» (World of Today) – вторая пластинка (1977) австрийской группы «Supermax», лидером которой был Курт Хауэнштайн.

42

«Белый свет» (White Light, 1980) – сюрреалистический роман американского математика и писателя Руди Рюкера.

43

Альцина – волшебница, персонаж одноименной оперы Георга Фридриха Генделя (1728).

«Кошачье танго» *(фр.)*. Также популярный ресторан в Париже.